ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА

Сборник научных статей по материалам
Шестой конференции-школы
«Проблемы языка: взгляд молодых ученых»
(12-14 марта 2018 г.)

МОСКВА
2018

УДК 8(045)
ББК 81
П78

Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН

Рецензенты:
доктор филол. наук, проф. В. З. Демьянков,
доктор филол. наук А. С. Касьян

Редколлегия:
М. К. Амелина, к.ф.н. А. А. Ануфриев, В. В. Дьячков,
к.ф.н. Н. В. Макеева, к.ф.н. О. В. Попова, д.ф.н. О. В. Соколова

Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». – М.: Институт языкознания РАН, Канцлер, 2018. – 266 с.

В сборнике представлены научные статьи, основанные на докладах Шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых», прошедшей 12-14 марта 2018 года в Институте языкознания РАН. Основные научные направления сборника: теоретическая лингвистика, дискурс-анализ, типология, сравнительно-историческое языкознание.

Сборник представляет интерес, прежде всего, для ученых-лингвистов, а также преподавателей высших учебных заведений, студентов.

ISBN 978-5-91730-845-6

© Авторы, 2018
© Институт языкознания
Российской академии наук, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

12-14 марта 2018 года в Институте языкознания РАН прошла Шестая конференция-школа «Проблемы языка: взгляд молодых ученых».

Доклады, представленные на конференции, охватывают широкий диапазон исследований в области языкознания, включая теоретическую лингвистику, сравнительно-историческое языкознание, типологию, исследования в области семантики, синтаксиса и анализ дискурса.

Учитывая формат конференции-школы, для выступления с лекциями перед молодыми учеными были приглашены ведущие лингвисты, сотрудники Института языкознания РАН: д.ф.н., проф. Яков Георгиевич Тестелец (тема лекции: «Нулевые единицы в грамматике»), д.ф.н., доц. Ирина Владимировна Зыкова (тема лекции: «Метаязык лингвокультурологии: актуальные вопросы теории и методологии»), д.ф.н. Алексей Сергеевич Касьян (тема лекции: «Сравнительно-историческое языкознание: современные методы, подходы и цели»), к.ф.н., Олег Игоревич Беляев (тема лекции: «К формальной типологии падежных систем»).

Настоящий сборник составлен из статей, основанных на докладах Шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых». Мы благодарим всех участников за плодотворное сотрудничество.

О. В. Соколова

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО ГЛАГОЛА AŔNEL (‘ДЕЛАТЬ’)

Аракелян Ирина Ашотовна
студент-магистрант 1 курса, СПбГУ Санкт-Петербург
aventurine2010@yandex.ru

1. Введение

Данное исследование посвящено выявлению лексических и грамматических особенностей употребления глагола *aŕnel* ‘делать’ в древнеармянском языке. Актуальность данной темы обуславливается тем, что изучение лексико-грамматических особенностей глагола *aŕnel* позволит сравнить древнеармянские данные с результатами исследований, посвященных особенностям глаголов со значением ‘делать’ других индоевропейских языков (см., например, исследование Мате Иттзеша [Ittzés 2016] об особенностях употребления ведийского глагола *kr̥*- ‘делать’ и исследование Дианы Гибсон [Gibson 2002], посвященное древнегреческим каузативам с ποιέω ‘делать’). Важно отметить, что на материале древнеармянского языка подобных подробных исследований не проводилось.

Систематизация лексико-грамматических типов употреблений глагола *aŕnel* представляет определенную сложность, которая связана, в первую очередь, с развитой полисемией данной лексемы. Это находит отражение в имеющихся словарных описаниях. Так, в словаре М. Бедросяна указаны следующие значения данного глагола *աŕնել* ; см. [Bedrossian 1875–79: 63]): ‘to make’, ‘to do’ (‘делать’), ‘to form’ (‘формировать’), ‘to produce’ (‘производить’), ‘to compose’ (‘сочетать’), ‘to fabric’ (‘изготовлять’), ‘to operate’ (‘работать’), ‘to act’ (‘действовать’) и др. В словаре Б. Кюнцле к критическому изданию Четвероевангелия приводятся следующие значения [Künzle 1984: 76]: ‘faire’ (‘делать’), ‘fabriquer’ (‘изготовлять’), ‘construire’ (‘строить’), ‘causer’ (‘вызывать, быть причиной’), ‘accomplir’ (‘достигать’) и др. В ранних переводных древнеармянских текстах *aŕnel* соответствует др.-гр. ποιέω и лат. *ago, facio, fabrico* [Awetikean et al. 1836–37: 308].

Учет ряда лексико-синтаксических параметров позволяет несколько упорядочить упомянутые выше словарные описания. При определении различных типов значения глагола *aŕnel*, в пер-

вую очередь, внимание уделялось семантическим параметрам конструкции. Таким образом, все перечисленные ниже типы значений несут разные семантические оттенки, которые, главным образом, выражаются в лексических признаках прямого дополнения при глаголе *aṙnel*. Так, например, при определении типа 2 (см. ниже) важной характеристикой прямого дополнения глагола *aṙnel* является то, что оно совместно с глаголом выражает предикативное значение и не имеет определенного контекстом референта. Важной чертой типа 3 является то, что прямому дополнению соответствует участник ситуации, возникающий в результате действия, выраженного глаголом, и в общем случае являющийся материальным объектом. Помимо различия в семантике употребления *aṙnel* отличаются друг от друга по определенным синтаксическим параметрам.

Нами были выделены следующие типы (подробнее о каждом типе и соответствующих лексических и синтаксических параметрах см. разделы 2.1-2.6):

1) *aṙnel* + местоимение (например, ‘сделать это’). Такой тип употреблений назовем *значением обобщенного действия*;[1]

2) *aṙnel* + нереферентное существительное (например, ‘делать дела’ ≈ ‘работать’). Такой тип употреблений назовем *значением деятельности*;

3) *aṙnel* + референтное существительное, выражающее материальный объект, возникший в результате действия (например, ‘сотворить плод’). Такой тип употреблений назовем *значением созидания*;

4) *aṙnel* + существительное, выражающее Пациенса каузативной конструкции + прилагательное, выражающее качество, которым наделяется Пациенс (например, ‘делать готовым’). Такой тип назовем *фактитивным значением*;[2]

5) *aṙnel* + существительное, выражающее Пациенса каузативной конструкции + инфинитив, выражающий действие, кото-

[1] Базовое значение глагола обобщенного действия выражает семантику действия как такового, без уточнения его характера (франц. *faire*, англ. *make*, рус. *делать* или др.-арм. *aṙnel*) [Schultze-Berndt 2008: 185]. Термин «обобщенное действие» следует отличать от общего термина «действие» (англ. action), употребляемого для обозначения динамического процесса в противопоставлении состоянию (подробнее о глаголах обобщенного действия см. [Van Valin, LaPolla 1997: 118]).

[2] Подробнее о термине «фактитив» см. [Haspelmath 1987: 33].

рое Агенс побуждает совершить Пациенса (например, ‘заставить прийти’). Такой тип назовем *каузативным значением*.

Учет перечисленных типов употреблений *aṙnel* в корпусе Четвероевангелия выявил количественные данные, представленные в Таблице 1. Как видно из таблицы, в некоторых случаях неоднозначность трактовки контекста не позволяет однозначно отнести употребление к какому-либо из перечисленных выше типов. Такие случаи отражены в таблице как смешанные типы.

Таблица 1

Статистика употреблений глагола aṙnel в значениях разных типов

Тип значения	**Количество употреблений**
1) Значение обобщённого действия	132
2) Значение деятельности	94
3) Значение созидания	30
4) Фактитивное значение	54
5) Каузативное значение	1
1)/ 4) Смешанный тип	16
2)/ 3) Смешанный тип	13
Общее количество употреблений:	340

В ходе исследования древнеармянского языкового материала были рассмотрены некоторые статьи, посвященные лексико-грамматическим характеристикам глаголов со значением ‘делать’ в языках мира, в частности, статьи [Ittzés 2015; 2016; Schultze-Berndt 2008; Резникова 2002] и проч., см. Раздел 2. В этих публикациях были обнаружены типологические параллели к обнаруженным в древнеармянском способам совмещения ‘делать’ (*значение обобщенного действия* в приведенной выше классификации) с другими значениями. Отмечая в Разделе 2 некоторые из этих параллелей, мы не ставим перед собой задачи детально исследовать соответствующие явления на широком типологическом фоне и с привлечением всей необходимой актуальной литера-

туры.[1] Еще одним следствием ориентации на собственно древнеармянский материал является то, что из нашего рассмотрения полностью выпадают встречающиеся в языках мира случаи грамматикализации глаголов со значением ‘делать’ в аспектуально-темпоральную и модальную зоны (см. [Резникова 2002]).

2. Типы употреблений глагола *aṙnel*

2.1. Обобщенное действие

Условно данный тип значения можно охарактеризовать как ‘делать X (где X не определен)’ (подробнее см. [Van Valin, LaPolla 1997: 103 и сл.; 118]), т.е. характер совершаемого действия становится ясным только исходя из контекста.[2] Данное значение является самым распространенным в исследованном корпусе.

Прямое дополнение в данном типе значения либо выражено местоимением (1), либо не выражено вообще (2); в этом случае глагол *aṙnel* также может определяться наречием:[3]

(1) *hawat-ayk‘* *et‘e* *karoł*
верить-IND.PRES.ACT.2PL что.SUBJ мочь.ADJ.NOM.SG
em ***arn̄-el*** *jez*
быть.IND.PRES.ACT.1SG делать-INF вы.DAT.2PL
z=ayd
OBJ=это.DEM.ACC.SG
«Веруете ли, что Я могу **это сделать**?» (Мф. 9:28).[4]

В данном типе употреблений глагол *aṙnel* может определяться неопределенными и указательными местоимениями *ayd, ayn, ays, sosa* ‘это’, *zōr* ‘то’, *amenayn* ‘все’, наречиями

[1] См. о грамматикализации глаголов со значением ‘делать’ [Jäger 2004; Moreno 1993; Van der Auwera 1999].

[2] Подробнее об употреблениях глаголов обобщенного действия см. [Schultze-Berndt 2008: 185; Ittzés 2015: 1].

[3] Здесь и далее контексты из Четвероевангелия на древнеармянском приведены по электронному изданию древнеармянской Библии под редакцией Т. Самуэляна: Armenian E-Bible: Classical Armenian – English Concordance. URL: http://212.34.228.170 /bible_28E/l4497.htm (accessed: 20.05.2017). Глоссирование приведено с опорой на электронный корпус Четвероевангелия: Marius L. Jøhndal, Dag Haug and Anders Nøklestad. The Armenian New Testament. Oslo: University of Oslo, 2007-2016. URL: http://foni.uio.no:3000/sources (accessed: 20.05.2017).

[4] Здесь и далее перевод текстов на русский приведен с опорой на электронное издание синодального перевода текстов Нового Завета: Русский перевод текстов Нового Завета // Patriarchia.ru. 2005–2017. URL: http://www.patriarchia.ru/index.html (дата обращения: 20.05.2017).

noynpēs, *aynpēs*, *aydpēs* ‘то же’, ‘так же’, *ast* ‘здесь’, а также частицей *zi* (*inč*) ‘что’:

(2) *ew* ***arar-in*** *noc‘a*
и.CONJ делать-AOR.ACT.3PLон/она/оно.DAT.PL
noynpēs
таким образом.ADV
«…и с ними **поступили так же**» (Мф. 21:36).

Такой же тип употреблений представлен в ведийском языке с глаголом *kr̥*- ‘делать’ (*RV* 2.15.2d) [Ittzés 2015: 1]:[1]

(3) *sómasya* *tā́* *mada*
сома.GEN тот.PL.ACC возбуждение.LOC
Indraś ***cakā́ra***
Индра.NOM делать.PF.ACT.3SG
«В опьянении сомой Индра **совершил эти** (подвиги)» (пер. Т.Я. Елизаренковой).[2]

2.2. Деятельность

Данное значение можно представить как ‘делать X’, где X – прямое дополнение, выраженное существительным, обозначающим абстрактное понятие или процесс. Сочетания *arn̥el* с существительным совместно выражают непереходный процесс и являются примером лексической декомпозиции предикативного значения, где прямое дополнение выражает вид деятельности и не является пациентивным участником ситуации:[3]

(4) *Ew* *z=amenayn* ***z=gorc-s***
и.CONJ OBJ=все.ACC.SG OBJ=дело-ACC.PL
iwr-eanc‘ ***arn̄-en*** *i*
свой-GEN.3PL делать-PRES.ACT.3PL в.PREP
c‘oyc‘ *mardk-an*
показ.ACC.SG люди-GEN.SG
«Все же **дела** свои **делают** с тем, чтобы видели их люди» (Мф. 26:41).

---

[1] Здесь и далее глоссирование не древнеармянских примеров приводится в исходном виде.

[2] Здесь и далее перевод текстов из Ригведы по Т.Я. Елизаренковой. URL: http://scriptures.ru/vedas/rigveda.htm (дата обращения: 12.05.2018).

[3] Ср. с употреблением англ. *does* в примере *Fred* ***does*** *the washing up* («Фред умывается») [Van der Auwera, Genee 2002: 285].

Пример (5) иллюстрирует весьма распространенную особенность данного типа употреблений *arṙnel* – способность употребляться в составе устойчивых фразеологических оборотов:

(5) *Ew* ***całr*** ***arn̄-ein***
и.CONJ смех.ACC.SG делать-IND.IMPF.AOR.ACT.3PL
z=na
OBJ=он.DEM.ACC.SG
«И смеялись над Ним», букв. ‘**делали смех’** (Мф. 9:24).

Необходимо также отметить, что определенные словосочетания с *arṙnel* встречаются значительно чаще других, например, сочетания со значением ‘делать чудеса’ *arṙnel zawrowt‘iwn* (Мф. 7:22; 13:58; Мк. 6:5; 9:39) / *dpir* (Мф. 21:15) / *nšan* (Ин. 2:11; 2:23; 3:2; 4:54; 7:31; 9:16; 10:41; 11:47; 12:18; 12:37; 20:30) являются довольно частотными, в то время как сочетание со значением ‘делать дела’ *gorc arṙnel* (4) встречается в корпусе всего один раз.

Важно отметить, что некоторые словосочетания с *arṙnel* имеют однословные лексические эквиваленты, что можно рассматривать как конкуренцию аналитического и синтетического способов выражения значения деятельности. Так, например, *aławt‘s arṙnel* ‘делать молитвы’ соответствует *aławtel* ‘молиться’, *anc‘ arṙnel* ‘делать прохождение’ – *anc‘arṙnel* ‘проходить’ [Худобашев 1986: 114; Künzle 1984: 78], *ayc‘ arṙnel* (Лк. 1:78; Лк. 7:16) ‘сделать визит’ – *ayc‘el* ‘посещать’ [Худобашев 1986, 1: 44] и т.д.

2.3. Созидание

Данную конструкцию можно представить как ‘создавать X’, где X – это некий конкретный объект (в абсолютном большинстве употреблений неодушевленный), который возникает в процессе осуществления действия. Важным отличием данного типа является то, что объект высказывания представляет собой появившийся в результате деятельности предмет, ранее не существовавший, например, плод растения:

(6) *amenayn* *car̄* *or*
каждый.NOM.SG дерево.NOM.SG который.NOM.SG
oč‘ ***arn̄-ic‘-ē*** ***z=ptowł***
NEG делать-SUBJ-PRES.ACT.3SG OBJ=плод.ACC.SG

bari	*hatan-i*	*ew*	*i*
хороший.ACC.SG	рубить-PRES.MP.3SG	и.CONJ	в
howr	*arkan-i*		
огонь.ACC.SG	бросать-PRES.MP.3SG		

«Всякое дерево, не **приносящее** доброго **плода**, срубают и бросают в огонь» (Лк. 11:40).

Возможно, значение созидания является наиболее архаичным для данной лексемы. На это указывает традиционная этимология данного глагола, связывающая его праиндоевропейским корнем **$h_2$er-* ‘соединять’ (ср. др.-гр. ἀραρίσκω ‘соединять’) [Martirosyan 2010: 112]. При этом предполагается семантический переход от ‘сочетать; изготовлять’ к ‘создавать’ и далее ‘делать’.

Данный тип значения также можно проиллюстрировать употреблением ведийского глагола *kṛ-* ‘делать’, который используется для выражения производства неодушевленного объекта (кубков) (*RV* 4.33.5a):

(7)

jyeṣṭhá	*āha*	*camasā́*
старший.NOM	говорить.PF.3SG	кубок.DU.ACC
dvā́	***karā-***	*íti*
два.DU.ACC	делать.SBJV.1SG	QUOT

«Старший сказал: я хочу **сделать два кубка**» [Ittzés 2015].

2.4. Фактитивное значение

Данная конструкция выражает процесс каузации, который условно можно представить как ‘делать X Y-ом’, где X – это объект каузации, а Y – признак или эталон сравнения объекта, который может быть выражен как существительным, так и прилагательным. Таким образом, данный тип конструкций выражает изменение состояния O (Пациенса или каузируемого) при направленном действии A (Агенса или каузатора):

(8)

ew	*dow-k‘*	***arar-ēk‘***
и.CONJ	вы-NOM.2PL	делать-AOR.ACT.2PL
z=da	***ayr-s***	*awazak-ac‘*
OBJ=это.ACC.SG	логово-ACC.SG	разбойник-GEN.PL

«…а вы (A) **сделали** его [дом] (O) **логовом** разбойников» (Мф. 21:13).

(9) *zi* *oč‘* *kar-es* *maz*
что.CONJ нет.NEG мочь-PRES.ACT.2SG волосы.ACC.SG
mi ***spitak*** ***arn̄-el*** *kam*
один.ACC.SG белый.ACC.SG делать-INF или.CONJ
t‘owx
черный.ACC.SG
«Потому что [ты] (А) не можешь ни одного волоса (О) **сделать белым** или **черным**» (Мф. 5:36).

Типологическую параллель данного употребления можно проиллюстрировать примером из ведийского (*RV* 6.47.10d):

(10) ***kr̥dhí*** *mā* *devávantam*
делать.IMP.2SG я.ACC сопровождаемый богами.ACC
«**Сделай** меня **любимцем богов**» [Ittzés 2016: 6].

Важно отметить, что в данном типе употреблений имеется конкуренция двух способов выражения предикативного значения – аналитического (при помощи конструкции с *aṙnel*) и синтетического (образование морфологического каузатива от глагольной основы при помощи суффикса *-oyc‘-/-uc‘-*). Для многих конструкций с глаголом *aṙnel*, встретившихся в рассмотренном корпусе, в древнеармянских текстах обнаруживаются синтетические формы каузатива, см. [Weitenberg 1993: 117–124]. Так, наряду с конструкциями *patrast aṙnel* ‘делать готовым’, *spitak aṙnel* ‘делать белым’, *mec aṙnel* ‘делать большим’, *t‘agawor aṙnel* ‘делать царем’ в древнеармянском имеются довольно употребительные формы синтетического каузатива *patrast-ec‘-uc‘-anem, spitak-ac‘-uc‘-anem, mec-ac‘-uc‘-anem, t‘agawor-ec‘-uc‘-anem*.

Можно было бы предположить, что выбор способа оформления каузативного значения обусловлен наличием либо отсутствием аналитической конструкции с глаголом ποιέω ‘делать’ в греческом тексте Четвероевангелия, в соответствии с которым была выполнена окончательная древнеармянская редакция. Действительно, бóльшая часть конструкций с *aṙnel* (15 из 25) совпадает по форме выражения с конструкциями с ποιέω. Например, древнеармянской конструкции *ayr aṙnel* ‘делать логовом’ (Мф. 21:13; Лк. 19:46; Мк. 11:17) соответствует древнегреческая конструкция ποιέω σπήλαιον с аналогичным значением; конструкции *varjkan aṙnel* (Лк. 15:19) ‘делать наемниками’ соответствует древнегреческая конструкция ποιέω τῶν μισθίων; конструкции

gini arṙnel (Ин. 4:46) ‘делать вином’ соответствует конструкция ποιέω οἶνον и т.д.[1]

Однако данный фактор, по-видимому, не являлся единственным при выборе оформления каузативного значения в древнеармянском. Возможно, на тип оформления также влияли такие факторы как употребительность синтетического способа выражения фактитивного значения для конкретных глаголов, а также устойчивость тех или иных сочетаний с глаголом *arṙnel*. Параметры конкуренции аналитического и синтетического значения требуют дальнейшего изучения.

2.5. Каузативное значение

Условно данную конструкцию можно представить как ‘заставить X сделать Y’, что предполагает побуждение участником A (Агенс или каузатор) участника O (Пациенс или каузирумый) к выполнению некоего действия Y.[2] Формальным отличием данной конструкции от фактитивной является наличие в ней инфинитива:

(11) *ew* ***ar-a*** *aysr* ***mtan-el***
и.CONJ делать-IMP.ACT.2SG здесь входить-INF
zi *lc‘-c‘-i*
чтобы.CONJ наполниться-SUBJ-AOR.MP.3SG
town=s *im*
дом.NOM.SG=1.POSS я.GEN.1SG
«…и убеди (букв. «**заставь прийти**») [ты] (A) прийти [нищих, увечных, хромых и слепых] (O), чтобы наполнился дом мой» (Лк. 14:23).

Также, данный тип употреблений глагола ‘делать’ вместе с инфинитивом глагола по форме выражения совпадает с древнегреческими конструкциями с ποιέω ‘делать’, где самая частотная каузативная конструкция представляет собой сочетание ποιέω + аккузатив + инфинитив [Gibson 2002: 30]:

---

[1] Примеры взяты из электронной версии Библии на древнегреческом: The online Greek Bible. URL: http://www.greekbible.com/index.php (accessed: 12.04.2018).

[2] Х. Морено отмечает, что в семантике каузативного значения заложены критерии Перехода (transition) – приобретение Объектом новой характеристики при осуществлении каузативного действия или Силы (force) – элемент, с помощью которого Агенс или Каузатор оказывает намеренное действие на Объект. Компонент Цель (purpose) не является обязательным [Moreno 1993: 159 и сл.]. В данном случае, в отличие от фактитивного значения, компонент Цель выражен.

(12) σε θεοὶ ποίησαν ἱκέσθαι οἶκον (*Od*. 23.258)
«Боги **заставили** тебя **прийти** домой» [Gibson 2002: 28].

Примечательно, что каузативная конструкция в исследуемом корпусе встречается только один раз с глаголом движения *mtanel* ‘приходить’. При этом, в древнеармянских текстах можно найти морфологический каузатив от того же глагола *mtanel*, ср. пример (13) из сочинения Мовсеса Хоренаци «История Армении» (кн.3, гл.59) [Movsēs Xorenac‘i 2003: 2094]:

(13) *Ew* *ayl* *ǰur-s* *ənd*
и.CONJ другой.ADJ.ACC.SG вода-ACC.SG из.PREP
yolov *teł-is*
многий.ADJ.ACC.SG место-ACC.PL
ac-eal ***mt-oyc‘***
проводить-PT.NOM.SG приходить-CAUS.3SG.AOR
anyayt *gnac‘iwk‘*
скрытый.ADJ.NOM.ACC.SG путь.INS.PL
«Подвел воду из различных мест и **провел ее** (в город) скрытыми путями» (пер. Г. Саркисяна).[1]

На основании одного контекста едва ли можно сделать обобщение о том, что аналитический каузатив образуется в древнеармянском только от агентивных непереходных глаголов. Однако такая гипотеза имеет право на существование и требует проверки на материале более широкой выборки, а ее результаты могли бы быть в дальнейшем сопоставлены с аналогичной греческой конструкцией с ποιέω, которая, согласно [Gibson 2002: 34], образуется как при помощи переходных, так и непереходных глаголов.

2.6. Смешанные типы употреблений

К данным типам относятся такие употребления, где лексико-грамматические свойства глагольного дополнения не поддаются однозначной интерпретации. Так, к типам смежных значений функций фактитива и деятельности относятся контексты с конструкцией *aṙnel kin* ‘делать женой’ (‘жениться’) (Мф. 22:24; Мф. 22:25; Мф. 22:30; Лк. 16:18; Мк. 6:17; Мк. 10:11; Мк. 12:25):

[1] Перевод Г. Саркисяна книги Мовсеса Хоренаци «История Армении» взят с сайта библиотеки «Вѣхи». URL: http://www.vehi.net/istoriya/armenia/khorenaci/index.html (дата обращения: 12.05.2018).

(14) ***arasc‘ē*** ***z=kinn***
делать.SUBJ.AOR.ACT.3SG OBJ=женщина.ACC.SG
nora *ełbayr* *iwr*
он.DEM.GEN.SG брат.NOM.SG свой.REFL.GEN.3SG
«…брат (A) его пусть возьмет за себя жену (O) его (букв. ‘**сделает жену**’)» (Мф. 22:24).

Данный тип употреблений похож на значение деятельности тем, что он является фразеологическим оборотом и имеет полнозначную параллельную форму *amusnanal* ‘жениться, выходить замуж’ [Худобашев 1986: 33], однако каузативная семантика данного типа употреблений не позволяет с точностью определить данное значение как значение деятельности.

Также интересным примером является уже разбиравшаяся ранее конструкция со значением созидания *aṙnel ptowł* ‘делать плод’, которая в некоторых контекстах (Мф. 3:8; 21:43; Лк. 3:8) может употребляться метафорически:

(15) *ew* *ta-c‘-i* *azg-i*
и.CONJ дать-SUBJ-AOR.PASS.3SG народ-DAT.SG
or ***aṙn-ic‘-ē***
который.NOM.SG делать-SUBJ-PRES.ACT.3SG
z=ptowł-s *nora*
OBJ=плод-ACC.PL он/она/оно.GEN.SG
«…и дано будет [Царство Божие] народу, **приносящему плоды** его» (Мф. 21:43).

Таким образом, данное метафорическое употребление сближает эту конструкцию со значением деятельности.

3. Выводы

В рассмотренном древнеармянском материале были выявлены следующие типы употреблений глагола *aṙnel*: значение обобщенного действия, активного действия, созидания, фактитивное и каузативное значения.

Самыми частотными из перечисленных употреблений являются значения обобщенного действия (132 употребления), глагола активного действия (94 употребления). Чуть меньше примеров насчитывают значения фактитива (54 употребления) и созидания (30 употреблений). Смешанные употребления также являются не столь многочисленными (29 употреблений суммарно).

Для каузатива с глаголом *aṙnel* в тексте Четвероевангелия мы имеем одно употребление.

Совмещение значения обобщенного действия со значениями деятельности и созидания является достаточно тривиальным. Так, в исследовании Е. Шульце-Бернд [Schultze-Berndt 2008: 202], выполненном на материале девяти языков, относящихся к различным языковым семьям (самоанский, калам, йимас, тяминтюнг, эве, хауса, кхам, чантьяльский, немецкий), значение созидания совмещается со значением обобщенного действия в восьми языках, значение деятельности – в семи. Напротив, каузативное значение встречается лишь в трех языках. При том, что в целом древнеармянский демонстрирует весьма распространенные типы значений, выделяемые для глаголов со значением ‘делать’ в других языках, обращает на себя внимание достаточно высокая степень конкуренции синтетических способов выражения глагольного действия и аналитических конструкций с глаголом *aṙnel.*

На основании полученных данных можно прийти к следующим выводам:

1) Древнеармянский глагол *aṙnel* совмещает значение обобщенного действия со значениями созидания, значениями деятельности, фактитивным и каузативным значением. Глагол *aṙnel* не демонстрирует грамматикализованных употреблений, выражающих аспектуальные либо модальные значения.

2) На основании данных реконструкции, а также сравнения различных типов употреблений глагола *aṙnel* можно предположить семантическое развитие от конкретного значения созидания в сторону абстрактного значения глагола обобщенного действия, а также слабо-грамматикализованных употреблений в составе аналитических обозначений видов деятельности и фактитивных предикатов. Есть основания сравнить развитие значения глагола *aṙnel* с источниками глаголов обобщенного действия в других индоевропейских языках.

3) Для фактитивно-каузативных значений и значения деятельности наблюдается конкуренция аналитического и синтетического способа выражения значения. Параметры этой конкуренции требуют дальнейшего изучения.

4) Глагол *aṙnel* образует каузатив от агентивных непереходных глаголов, конкурирующий с синтетическим выражением каузатива от агентивных непереходных глаголов.

Список сокращений

1–первое лицо; 2–второе лицо; 3–третье лицо; ACC–аккузатив; ACT–актив; ADJ–прилагательное; AOR–аорист; CAUS–каузатив; CONJ–союз; DAT–датив; DEM–относительное местоимение; DU–дуалис; GEN–генетив; IMP–имперфект; IND– индикатив; INF–инфинитив; INS–инструменталис; LOC–локатив; MP–медиопассив; N–существительное; NEG–отрицание; NOM–номинатив; OBJ–объект; Od–Одиссея; PT–причастие; PF– перфект; PL–множественное число; POSS–поссесив; PREP– предлог; PRES–презенс; QUOT–квотатив; REFL–рефлексив; RV–Ригведа; SBJ–субъект; SBJV–конъюнктив; SG–единственное число; V–глагол.

Литература

Елизаренкова Т. Я. Ригведа. URL: http://scriptures.ru/vedas/rigveda.htm (дата обращения 12.05.2018);

Резникова Т.И. Аналитические конструкции с глаголом “делать”: типологический обзор // Труды международного семинара «Диалог» по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям. М: 2002. URL: http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/reznikov/ (дата обращения: 20.05.2017);

Русский перевод текстов Нового Завета // Patriarchia.ru. 2005 – 2017. URL: http://www.patriarchia.ru/index.html (дата обращения: 20.05.2017);

Саркисян Г. Русский перевод «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци // Электронная библиотека «Вѣхи». URL: http://www.vehi.net/istoriya/armenia/khorenaci/index.html (дата обращения: 12.05.2018);

Худобашев А. Армяно-русский словарь // Т. I–II. Ереван: Ереванский университет, 1986. – с. 1187;

Armenian E-Bible: Classical Armenian – English Concordance. URL: http://212.34.228.170/bible_28E/l4497.htm (accessed: 20.05.2017);

Avetikean G., Siwrmelean X., Awgerean M. Nor Bargirk Haekazian Lezvi, Նոր Բառգիրք Հայկազեան Լեզուի. Venice, 1836 –37. – 2307 p.;

Bedrossian M. New Dictionary Armenian–English. Venice: S. Lazarus Armenian Academy, 1875–79. – 786 p.;

Gibson D. Periphrastic causatives with ποιέω in Ancient Greek prose // Oxford University Working Papers in Linguistics, Philology & Phonetics, 2002. – 27 p.;

Haspelmath M. Transitivity alternations of the anticausative type // Abteilung Allgemeine Sprachwissenschaft: Arbeitspapier; N.F., Nr. 5. Köln, 1987. – 51 p.;

Ittzés M. Light Verb Constructions in Vedic // Tradition and Modernity in Indian Culture, issue 2, G. Rausseva-Sokolova (Ed.). Centre Sofia:

Sofia University, 2015. URL: http://manas.bg/en/tradition-and-modernity-indianculture/light-verb-constructions-vedic (accessed: 20.05.2017);

Ittzés M. The Root kr̥- in Vedic // 15. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Wien: 2016. Handout – 9 p.;

Jäger A. The cross-linguistic function of obligatory ‘do’ periphrasis. Brisbane: The University of Queensland, 2004. – 16 p.;

Jungmann P., Weitenberg J.J.S. A reverse analytical dictionary of Classical Armenian. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 1993. – 848 p.;

Künzle B. O. L’Évangile en arménien ancien, IIe partie: lexique. Berne, Frankfurt am Main, NY: P. Lang, 1984. – pp. 76–83;

Marius L. Jøhndal, Dag Haug and Anders Nøklestad. The Armenian New Testament. Oslo: University of Oslo, 2007–2016. URL: http://foni.uio.no:3000/sources (accessed: 20.05.2017);

Martirosyan Hr. Etymological dictionary of the Armenian inherited lexicon. Leiden: Brill, 2010. – 988 p.;

Moreno J. C. ‘Make’ and the semantic origins of causativity: a typological study // Causatives and transitivity, Vol. 23, B. Comrie and M. Polinsky (Eds.). Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1993. – pp. 155–164;

Schultze-Berndt E. What do “do” verbs do? The semantic diversity of generalised action verbs // E. Verhoeven et al. Berlin: De Gruyter, 2008. – pp. 185–207;

The online Greek Bible. URL: http://www.greekbible.com/index.php (accessed 12.04.2018);

Van der Auwera J. Periphrastic ‘do’: typological prolegomena // Thinking English grammar: to honour Xavier Dekeyser, professor emeritus / Tops Guy A.J., Devriendt B., Geukens S. (Eds.) Leuven– Paris: Peeters, 1999. – pp. 457–470;

Van der Auwera J., Genee I. English ‘do’: On the convergence of languages and linguists // English Language and Linguistics, Vol. 6. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – pp. 283–307;

Van Valin Jr R. D., LaPolla R. J. Syntax: Structure, meaning, and function. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 713 p.;

Xorenac‘i Movsēs. P. Muradyan, K. Yuzbashyan (Eds.), Hayoc‘ patmut‘iwn // Classical Armenian authors Matenagirkc Hayocc, Vol. 1 and 2, Antelias, Lebanon, 2003. – pp. 1738–2121.

Резюме

В статье рассматриваются лексико-грамматические особенности употребления др.-арм. *aṙnel* ‘делать’ на материале сплошной выборки контекстов с этим глаголом в древнеармянском переводе Четвероевангелия (340 вхождений). К задачам данного исследования относится выявление лексико-грамматических типов

употреблений глагола *aṙnel* в типологической перспективе и определение количественного соотношения употреблений данных типов в корпусе исследования. В статье предпринята попытка дополнить данные лексикографических словарей и грамматик описанием употреблений глагола *aṙnel* в свете типологической литературы, посвященной типам употреблений глаголов со значением ‘делать’ в языках мира.

На основании рассмотренного материала удается выделить пять типов употреблений глагола *aṙnel* со значениями обобщенного действия, деятельности, фактитивным, созидательным и каузативным значениями (перечислены в порядке убывания частотности). В статье рассматривается способ оформления каждого из представленных типов значений, их семантические и синтаксические характеристики с параллелями в других индоевропейских языках. Особое внимание уделяется конкуренции аналитического и синтетического способов выражения фактитивных и каузативных значений, а также особенностям образования значений глаголов деятельности. В статье также затронут вопрос о фразеологическом характере некоторых словосочетаний с *aṙnel*.

Ключевые слова: древнеармянский язык, глаголы действия, каузатив, фактитив, аналитические конструкции, типология, синтаксис.

LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF CLASSICAL ARMENIAN VERB AṘNEL (‘TO MAKE’)

Irina A. Arakelyan
master student, 1st year, Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg
aventurine2010@yandex.ru

Summary

The article discusses lexical and grammatical features of Classical Armenian verb *aṙnel* ‘to make’ which were revealed on the basis of continuous sampling from the Gospels (340 attestations). The purposes of the research are the following: identification of semantic and syntactic types of uses of *aṙnel* in the typological perspective and quantitative comparison of the identified types in the Gospels with the help of dictionaries and grammars of Classical Armenian and relevant typological literature on the verbs with the meaning ‘to make’.

The five following types of meaning of *aṙnel* can be postulated for Classical Armenian according to the conducted analysis: generalized action verb, activity verb, factitive verb, verb of creation, causative verb (in order of descending frequency). The article examines listed types and specifies their

semantic and syntactic features along with parallels in other Indo-European languages. The paper focuses on competing types of marking of the factitive and causative meanings, analytic and synthetic, as well as on the idiomatic nature of some collocations with *aṙnel*.

Keywords: Classical Armenian, action verb, causative, factitive, analytic construction, typology, syntax

References

Elizarenkova T. Ja. Rigveda. URL: http://scriptures.ru/vedas/rigveda.htm (accessed: 12.05.2018);

Hudobashev A. Armjano-russkij slovar' // T. I–II. (Armenian-Russian dictionary // Vol. I–II). Yerevan: University of Yerevan, 1986. – p. 1187;

Reznikova T.I. Analiticheskie konstrukcii s glagolom “delat'”: tipologicheskij obzor // Trudy mezhdunarodnogo seminara “Dialog” po komp'juternoj lingvistike i intellektual'nym tehnologijam (‘Do’ and ‘make’ auxiliaries in periphrastic constructions: a typological survey // Proceedings of Dialogue conference on computational linguistics and intellectual technologies). M: 2002. URL: http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/reznikov/ (accessed: 20.05.2017);

Russkij perevod tekstov Novogo Zaveta (Russian translation of the New Testament) // Patriarchia.ru. 2005–2017. URL: http://www.patriarchia.ru /index.html (accessed: 20.05.2017);

Sarkisjan G. Russkij perevod “Istorii Armenii” Movsesa Horenaci // Jelektronnaja biblioteka “Vehi” (Russian translation of “History of Armenia” by Movses Khorenatsi // “Vehi” e-library). URL: http:// www.vehi.net/istoriya /armenia/ khorenaci/index.html (accessed: 12.05.2018).

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРФЕКТА В СРЕДНЕНИЖНЕНЕМЕЦКОМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСНЫХ МОЛИТВЕННИКОВ ИЗ СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ)

Власова Елизавета Алексеевна
библиотекарь, Российская национальная библиотека,
Отдел рукописей, Санкт-Петербург
kealis@gmail.com

В последнее время внимание типологов, как показал сборник трудов по перфекту, вышедший в 2016 г., обращается к процессу возникновения перфектных форм, то есть к рассмотрению особенностей функционирования перфекта на ранних этапах его существования, например, на материале древнеармянского языка [Семёнова 2016], а также тохарского [Сержант 2016]. Привлечение памятников письменности средних веков продиктовано пониманием перфекта как диахронически неустойчивой граммемы ([Горбова 2016: 40] со ссылкой на [Плунгян 2016]).

Анализ особенностей функционирования перфекта в средненижненемецком языке проводится на материале двух молитвенников[1].

Впервые памятник Ф. 955 Оп.2 №51 (далее M1)[2] был подробно изучен библиотекарем Любекской городской библиотеки Паулем Хагеном [Hagen 1922][3]. Краткие сведения о данной рукописи содержатся также у Конрада Борхлинга [Borchling 1902: 54].

Язык молитвенника был определён в 2013 как средненижненемецкий с использованием ряда текстов со средненидерландской диалектной окраской [Власова 2013], [Власова 2014]. Последние сведения о молитвеннике на русском языке можно найти в коллективной работе, посвящённой кодикологическому и содержательному анализу памятника [Бондарко, Логутова, Ляхо-

[1]Для удобства описания вводится система аббревиатур, согласно которой M1 обозначает рукописный источник Ф. 955 Оп.2 №51, под M2 понимается Ф. 956 Нем. О.I №96.

[2]Описание рукописного памятника M1 и посвященная ему библиография приводятся на портале www.handschriftencensus.de.

[3]В детальном описании 1910 г., доступном по ссылке http://www.bbaw.de /forschung/dtm/HSA/Luebeck_700382490000.html, приводятся инципиты всех молитвенных текстов, содержащихся в молитвеннике, анализируются бумажные водяные знаки и делаются краткие замечания о языке памятника.

вицкий 2017]. Там же представлен актуальный перечень библиографии по молитвеннику.

Молитвенник М2 (шифр Ф.956 Нем. О.I №96) не упоминается в обзоре средненижненемецкой прозы [Bondarko, Logutova, Lyakhovityskiy 2012], сведения о нём отсутствуют на портале Handschriftencensus. Это может быть связано с тем, что опись первого теологического раздела фонда 956, составленная О.Н. Блёскиной, сотрудником Отдела рукописей РНБ, появилась сравнительно недавно.

Палеографически молитвенник можно разделить на три части. Основную часть с л. 1r – 111v составляют переводы из Библии, перемежающиеся молитвами, псалмами и рубриками, а также латинскими надписями с указаниями необходимых к прочтению молитв. Вторая часть молитвенника предваряется рубрикой, где указывается, что далее следует выдержки из книги св. Августина. В третьей части с л. 154r, по своим характеристикам отличающейся от двух предшествующих (отсутствие рубрик), содержится свод правил благочестивого образа жизни. Согласно описи, молитвенник относится ко второй половине XV в., а его язык характеризуется как нижненемецкий.

Памятник написан на средненижненемецком, так как в нём зафиксировано отсутствие группы явлений, относящихся ко второму передвижению согласных, что является важнейшим признаком для определения средненижненемецкой диалектной окраски. Об отсутствии этих явлений свидетельствует последовательное употребление лексем без перехода согласных: *werpen (werfen)*‘бросать’, *tyt (zeit)*‘время’, *ik (ich)* ‘я’. Важной особенностью является также последовательное использование местоимения *he* ‘он’ вместо *er*.

Таким образом, согласно палеографическим и языковым характеристикам молитвенники М1 и М2 объединяет то, что они представляют собой конволюты, написанные во второй половине XV – начале XVI в. на средненижненемецком с небольшим отличием в диалектной окраске ряда частей.

Содержание М2 отличается большим разнообразием по сравнению с М1. Памятник М1 насчитывают 212 листов, в состав М2 входит 157 листов.

На основе текстов из молитвенников М1 и М2 рассматривается перфект, образованный на основе перфективного причастия в сочетании со вспомогательным глаголом, то есть так называе-

мый стандартный «европейский» перфект [Сичинава 2016: 85]. Стандартный «европейский» перфект, как правило, выражается конструкциями с одним из двух вспомогательных глаголов типа – *esse* ‘быть’ или поссесивным типа *habere* ‘иметь’.

Среди отечественных типологов и зарубежных германистов сложилась традиция отдавать предпочтение перфекту на материале южнонемецких диалектов [Abraham 1999 и Abraham 2004], [Плунгян 2016], указывая при этом на недостаточную реализацию перфекта в средненижненемецком.

Интересно отметить, что в известных на сегодняшний день средненижненемецких грамматиках перфект трактуется различным образом. В грамматике А. Люббена [Lübben 1882: 91] перфект описывается по образцу южнонемецких грамматик. Так, говоря о возможности образования перфекта в средненижненемецком, известный немецкий германист и автор средненижненемецкого словаря пишет, что перфект образуется посредством присоединения к причастию смыслового глагола вспомогательного глагола *hebben* ‘иметь’ в случае с переходными глаголами и вспомогательного глагола *wesen / sin* ‘быть’ в случае с непереходными глаголами.

В средненижненемецкой грамматике А. Лаш перфект в парадигме временных форм специальным образом не выделяется [Lasch 1914: 224]. Автор грамматики А. Лаш указывает, что в средненижненемецком имеются два времени – прошлое и настоящее [Lasch1914: 224]. Другие временные значения, по мнению автора, выражаются посредством описания [Lasch1914: 222]. Такой подход отчасти разделяется одним из выдающихся отечественных германистов В.М. Жирмунским [Žirmunski 2010: 605]. По мнению В.М. Жирмунского, нижненемецкий полностью сохранил прошедшее время [Žirmunski 2010: 605]. В качестве сопутствующего явления постулируется исчезновение приставки *ge-* как перфективного показателя у причастий в средненижненемецком [Žirmunski 2010: 607].

В процессе исследования всего многообразия глаголов, употребляемых в перфекте в средненижненемецких молитвенниках M1 и M2 можно сделать вывод о том, что средненижненемецкий также реализовал возможность использования перфекта для передачи значения прошедшего времени. Анализ функционирования перфекта производится на основе групп глаголов, выделенных А. Лаш [Lasch 1914: 230], то есть по формальному, а не

содержательному признаку в рамках выделяемых традиционно средненижненемецкими грамматиками сильных глаголов, слабых и других классов глаголов.

Слабые глаголы

(1) *So sprak he to en myt begere hebbe ik begert dessen paschen myt iw to etende er dat ik lide* (M2: 1v)
‘И сказал Он им: страстно желал Я эту пасху отведать с вами прежде, чем Я испытаю страдания’

В случае с примером (1) перфект используется в значении законченного, завершённого действия *hebbe ik begert* ‘желал’ по отношению к действию в будущем *lide* ‘испытаю страдания’.

(2) *Also otmodichliken he uns bewiset heft* (M2: 8v)
‘Так смиренно Он нас наставлял’.

В случае с примером (2) перфект от смыслового глагола *bewisen* ‘наставлять’ подчёркивает результат действия.

(3) *Wi anbeden du xpi unde benedigen di wente du heft vorlozet alle de werlt* (M2: 14r)
‘Мы обращаемся к тебе, Иисусе Христе, с молитвой и благословляем тебя, потому что ты спас весь мир’

В примере (3) значение предшествования, выраженное перфектом, поддерживается многозначным подчинительным союзом *wente* ‘ибо’, имеющем в этом предложении дополнительный смысловой оттенок причинности.

(4) *Wi sunt gheworden wente wi hebben alle gheduldet* (M2: 25v)
‘Мы излечились, ибо мы всё претерпели’

В примере (4) для передачи значения предшествования с оттенком причинности употребляется перфектная конструкция от глагола *dulden* ‘терпеть’.

(5) *wente sin is dat meer unde he heft id gemaket* (M2: 15r)
‘ибо это его море, и Он его создал’

В примере (5) в функцию перфекта от слабого глагола *maken* ‘делать’ входит подчеркнуть значение результата.

(6) *Ihesus antworde hebbe ik id is doch gesecht dat ik id bin* (M2: 19r)
‘Иисус ответил: я ведь уже говорил вам, что это я’

Экспрессивную окраску получает перфектная конструкция от слабого глагола *seggen* ‘говорить’. Такой экспрессивный оттенок возникает благодаря инверсии: расположению вспомогательного глагола перед подлежащим в примере (6).

(7) *Ik se de hant de my geschapen unde gemaket heft* (M1: 84r)

‘Я вижу руку, создавшую и сделавшую меня’

В примере (7) перфект от слабого глагола *maken* ‘делать’ передаёт значение предшествования.

(8)*We heft gewa[n]delt de dusternisse* (M2: 28r)

‘Мы преобразили темноту’.

В примере (8) перфект со вспомогательным глаголом *hebben* образован от глагола движения *wandeln* ‘изменять’, ‘преображать’ и передаёт значение законченного действия.

Сильные глаголы

(9) *De ik hebbe vor di gebeden dat din loue nicht affinegaunde also du gesterket bist so sterke dine brodere (M2: 2v)*

‘но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и когда ты утвердишься [в вере], утверди братьев твоих.

В примере (9) основной функцией перфекта сильного глагола *bidden* ‘просить’ становится передача значения предшествования.

(10) *Wente ik hebbe iw en exempel gegeuen dat gi don scholen also ik iw gegeuen unde gedan hebbe* (M2: 4r)

‘Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я дал и сделал вам ’ (Синодальный перевод)

Основной функций перфекта в примере (10) служит обозначение предшествования действия.

(11) *Do he ere vote gedwagen hadde unde sik wedder kledede do ginck he sitten unde sprak* (M2: 2v)

‘Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, перейдя к сидению, сказал им’

В примере (11) обращает на себя внимание употребление вспомогательного глагола *hebben* в прошедшем времени, то есть использование формы Plusquamperfekt для одного из сказуемых, а именно: *gedwagen hadde*. Такое использование свидетельствует о мотивированном случае использования сложной формы Plusquamperfekt для передачи предшествования действия.

Неправильные глаголы (*don* ‘делать’)

(12) *O du hillige sunte anna … so heft got grot wunder by dy gedan* (M1: 95r)

‘о, ты, пресвятая Анна…Бог совершил большое чудо через тебя’

В примере (12) обращает на себя внимание отсутствие других глаголов в предложении, за исключением перфекта от неправильного глагола (*don* ‘делать’). С одной стороны, такое употребление может свидетельствовать о замещении функций прошедшего времени. С другой стороны, использование перфекта в предложении с одним сказуемым указывает на необходимость передать значение законченного действия посредством перфектной конструкции.

Модальные глаголы

(13) *Gude ihesu haddestu ghewult du haddest se wol alle geslagen* (M2: 60r)

‘Благой Иисусе, если бы ты пожелал, то ты бы победил их всех’

В примере (13) перфект имеет значение нереализованного действия в прошлом. Возможность использования перфекта (*haddes tu ghewult* ‘пожелал’) от модального глагола *willen/wellen* ‘желать’ показывает, что в средненижненемецком перфект мог быть образован от различных классов глаголов, в том числе, от модальных.

Глаголы *sin* ‘быть’ *hebben* ‘иметь’

К наиболее интересным примерам использования перфекта в средненижненемецком относятся те случаи, когда причастие II в перфектной конструкции образуется от глаголов *hebben / sin*. Перфектные формы у таких глаголов не являются широко употребительными, как указано в грамматике Duden [Duden, 2005] для передачи значения прошедшего времени такие глаголы обычно используются в форме претерита.

***sin* ‘быть’**

(14) *de wile dat ihesus dit wort sprak do quam judas de en hadde gewest* (M2:18r)

‘В то время, когда Иисус Христос эту речь говорил, пришёл Иуда, который которого [до того] не было.

***hebben*‘иметь’**

(15) *Also Christusunsheftleffghehatunde heft siksulue[n] ghegeu[n] voruns to offerende in den dot* (M2: 22v)

‘Так, Христос любил нас и предал себя самого смерти за нас’

(16) *Och leue here du haddest lydendes gehat* (M1: 56r)

‘О, возлюбленный Господь, ты пострадал’

Примеры с (14) по (16) свидетельствуют о широком распространении перфекта. Образования перфектных форм от глаголов *hebben, sin* особенно показательны, так как они представляют собой не широко распространенные случаи употребления перфектных конструкций, чаще регистрируемых на материале южных диалектов [Litvinov, Radčenko 1998].

Примеры употребления перфектных конструкций в средненижненемецких молитвенных текстах свидетельствуют об использовании широкого спектра глаголов (слабых, сильных, неправильных, модальных) для образования перфекта в средненижненемецком. Общей особенностью бытования перфекта в средненижненемецком можно назвать сопутствующую широкой употребительности нестабильность реализации, характерную для временных форм на ранних этапах развития. Следует отметить, что в средненижненемецком также возможно использование вспомогательного глагола *sin* для образования перфекта от глаголов движения:

(17) *unde vele vrouwen de myt eme weren kome[n]* (M2: 87r)

‘и многие девы, которые с ним пришли’

Описанное выше широкое использование перфекта в средненижненемецких текстах может быть вызвано целом рядом причин. Вероятнее всего основной причиной является зависимость текста перевода от латинского оригинала – Вульгаты. Вторая причина может носить формальный характер. В средненижненемецком иногда могут возникать трудности с формальным различением форм простого и настоящего времени. Так, двояко может быть истолкована форма глагола *spreken* ‘говорить’. В словаре под редакцией А. Лаш и К. Борхлинга [MHW 1956-2004], а также в грамматике А. Лаш [Lasch, 1914] форма множественного числа этого глагола в настоящем и прошедшем времени совпадает. Немаловажным фактором в процессе формирования средненижне-

немецкого перфекта следует считать влияние южнонемецких грамматических норм формообразования.

Тем не менее обилие примеров, использование перфекта от таких глаголов как *hebben* и *sin* показывает, что перфектные формы получили широкое распространение на средненижненемецком материале. Нестабильность и эволюционная новизна грамматического явления диктовала конкуренцию с простым прошедшим временем. Дальнейшие исследования в области сравнения и сличения одинаковых текстов с разной диалектной окраской в средненижненемецком ареале могут показать характер распространения и особенности бытования перфекта в средненижненемецком.

Литература

Бондарко Н. А., Логутова М. Г., Ляховицкий Е. А. Об одном немецком бумажном позднесредневековом молитвеннике из собрания Российской национальной библиотеки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2017. Т. 62, № 2. С. 277–290.

Власова Е.А. Диалектные особенности средненижненемецкого языка в молитвеннике XVв. из Любека (РНБ, ф. 955 оп.2 №51) // Индоевропейское языкознание и классическая филология.– XVII. Материалы чтений, посвящённых памяти профессора И.М. Тронского / отв. ред. Н.Н. Казанский; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука, 2013. С. 160-176.

Власова Е. А. Особенности средненидерландского и средненижненемецкого вокализма в молитвенных книгах XV – XVI вв. // Colloquia classica et indo-germanica, VI., памяти Леонарда Георгиевича Герценберга / отв. ред. Н. А. Бондарко, Н. Н. Казанский, Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.– СПб.: Наука, 2014. С. 452– 463.

Горбова Е. В. Результативность, экспериенциальность, инклюзивность, иммедиатность: чем определяется значение перфекта? // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 7: Типология перфекта / Отв. ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова. СПб.: Наука. 2016. С. 39-67.

Плунгян В.А. К типологии перфекта в языках мира: предисловие // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 7: Типология перфекта / Отв. ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова. СПб.: Наука. 2016. С. 7-36.

Семёнова Кс. П. Семантика форм перфекта в древнеармянских Евангелиях // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 7: Типология перфекта / Отв. ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова. СПб.: Наука. 2016. С. 289-315.

Сичинава Д. В. Европейский перфект сквозь призму параллельного корпуса // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 7: Типология перфекта / Отв. ред. Т. А. Майсак, В. А. Плунгян, Кс. П. Семёнова. СПб.: Наука. – 2016. С. 85-115.

Abraham W. Preterite decay as a European areal phenomenon // Folia linguistica, 33.1, 1999. P. 11–18.

Abraham W. The European demise of the simple past and the emergence of the analytic perfect: Areal spread or autonomous evolution? // W. Abraham (ed.). Focuson Germanic typology. Berlin: Akademie-Verlag, 2004. P.241–272.

Bondarko, N., Logutova, M., Lyakhovitskiy, E. (2012). Mittelniederdeutschegeistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg / N. Bondarko, M. Logutova, E. Lyakhovitskiy // Manuscripta germanica. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas / hg. von A. Breith u. a. – Stuttgart: Hirzel Verlag,, 2012. – S. 123–155. – (Zeitschrift für deutsches Altertum; Beiheft 15).

Borchling, C. Mittelniederdeutsche Handschriften in Wolfenbüttel und einigen benachbarten Bibliotheken. Dritter Reisebericht /C.Borchling // Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaftenzu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. Beiheft 1902. Göttingen. – 1902. – S. 145-196.

Hagen, P (1922). Die deutschentheologischen Handschriften der Lübeckischen Stadtbibliothek. Lübeck, 1922. (Veröffentlichungen der Stadtbibiothek derfreien und der Hansestadt Lübeck)

LaschA. Mittelniederdeutsche Grammatik (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte: A, Hauptreihe 9). Halle, 1914.

Litvinov V., Radčenko V. (1998). Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache. Tübingen: Stauffenburg Verlag.

Lübben, A. Mittelniederdeutsche Grammatik nebstChrestomatie und Glossar /A. Lübben // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. – 1882.

Seržant I. A. Periphrastic Perfect / Resultative in Tocharian // Issledovanija po teorii grammatiki. Vipusk 7: Tipologija perfekta (Acta Linguistica Petropolitana. Trudi Instituta lingvisticheskih Issledovanij RAN; T. XII, CH. 2) [Transactions of the Institute for Linguistic Studies

RAN, Vol. XII, Part 2], / otv. red. N.N. Kazanskij [editor in chief N.N. Kazanskij], Ross. Akad. Nauk [Russian Academy of Science], Institut lingvisticheskih issledovannij [Institute for Linguistic Studies], St. Petersburg, Nauka [Science], 2016, p. 237-289.

Žirmunski V. Deutsche Mundartkunde. Berlin, 2010.

Справочная литература

Duden. Präteritumschwund. Die Grammatik. Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2005.

MHW – Mittelniederdeutsches Handwörterbuch / Begr. von A. Lasch u. C. Borchling, fortgef. v. G. Cordes u. A. Hübner. Hrsg. von D. Möhn. Bd. 1–2, 3 (1. Lieferung). Neumünster, 1956–2004.

Резюме

Настоящая статья посвящена изучению особенностей перфекта в северном ареале бытования немецкого языка в средневековый период. Примеры с использованием перфекта в средненижненемецком представляют особый интерес в связи со сложившейся традицией говорить о полноценной реализации перфекта в южных диалектах немецкого языка.

В качестве материала используются рукописные памятники, хранящиеся в Российской национальной библиотеке и относящиеся к периоду с к. XV до н. XVI вв. Всего в качестве материала используется два молитвенника: Ф. 955 Оп. 2 №51 и Ф. 956 Нем. О.I №96. Новизна исследования связана с привлечением памятника Ф. 956 Нем. О.I №96, не описанного ранее в специальных работах. На материале текстов из памятников Ф. 955 Оп. 2 №51и Ф. 956 Нем. О.I №96 прослеживается реализация так называемого стандартного «европейского» перфекта в средненижненемецком. В процессе анализа на основании данных источников делается вывод о том, что перфект в средненижненемецком получил широкое распространение и мог образовываться от различных классов глаголов. Широкая распространённость, в свою очередь, явилась следствием влияния соседствующих южнонемецких диалектов, а также латинского языка.

Ключевые слова: средненижненемецкий, перфект, средневековая молитвенная книга

FUNCTIONAL PECULIARITIES OF THE PERFECT TENSE IN THE MIDDLE LOW GERMAN: A CASE STUDY OF HANDWRITTEN PRAYER BOOKS FROM THE NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA

Elizaveta A. Vlasova
Librarian, Russian National Library,
Manuscripts Department, Saint Petersburg
kealis@gmail.com

Summary

The paper deals with functions of perfect forms in the Middle Low German. It seems interesting to use Middle Low German examples while traditionally the full realization of the Perfect is observed on the basis of South German dialects. There are used two hand-written prayer books, which can be found in the Manuscript Department of the National Library of Russia: F. 855 Op.2 №51 and F. 956 Nem. O.I №96. Both of them appeared in the period from the end of the XV-th till the beginning of the XVI-th centuries. The scientific novelty of the paper is connected with the usage of manuscript F. 956 Nem. O.I №96, which has not been analyzed in special papers. Due to the provided analyze it is proved that perfect in the Middle Low German was well spread and could be derived from different class of verbs. The wide spread occurrence of the Perfect tense in the Middle Low German is caused by the influence of neighboring South German Dialects and Latin Language.

Keywords: Middle Low German, Perfect Tense, medieval prayer book

References

Abraham W. Preterite decay as a European areal phenomenon // Folia linguistica, 33.1, 1999. P. 11–18

Abraham W. The European demise of the simple past and the emergence of the analytic perfect: Areal spread or autonomous evolution? // W. Abraham (ed.). Focus on Germanic typology. Berlin: Akademie-Verlag, 2004. P.241–272.

Bondarko, N., Logutova, M., Lyakhovitskiy, E. Mittelniederdeutsche geistliche Prosa in Handschriften der Russischen Nationalbibliothek St. Petersburg / N. Bondarko, M. Logutova, E. Lyakhovitskiy // Manuscripta germanica. Deutschsprachige Handschriften des Mittelalters in Bibliotheken und Archiven Osteuropas / hg. von A. Breith u. a. – Stuttgart: Hirzel Verlag, 2012. – S. 123–155. – (Zeitschrift für deutsches Altertum; Beiheft 15.

Bondarko N. A., Logutova M. G., Lyakhovitskiy E. A. Ob odnom nemeckom bumazhnom pozdnesrednevekovom molitvennike iz sobraniya Rossijskoj Nacionalnoj Biblioteki [One German late medieval paper prayer book from the collection of Russian National Library] / Vestnik Sankt-peterburgskogo Universiteta. Istoriya [Vestnik of Saint Petersburg University. History] T. 62. Vyp. 2 [vol. 62, issue 2]. 2017. p. 277–290.

Borchling, C. Mittelniederdeutsche Handschriften in Wolfenbüttel und einigen benachbarten Bibliotheken. Dritter Reisebericht [Text] / C. Borchling //

Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Klasse. Beiheft 1902. Göttingen. – 1902. – S. 145-196.

Gorbova E. V. Rezul'tativnost', jeksperiencial'nost', inkljuzivnost', immediatnost': chem opredeljaetsja znachenie perfekta? [Perfect of result, experiential perfect, perfect of persistent situation, perfect of recent past: what determines the meaning of the perfect?] // Issledovanija po teorii grammatiki. Vipusk 7: Tipologija perfekta (Acta Linguistica Petropolitana. Trudi Instituta lingvisticheskih Issledovanij RAN; T. XII, CH. 2) [Transactions of the Institute for Linguistic Studies RAN, Vol. XII, Part 2], / otv. red. N.N. Kazanskij [editor in chief N.N. Kazanskij], Ross. Akad. Nauk [Russian Academy of Science], Institut lingvisticheskih issledovannij [Institute for Linguistic Studies], St. Petersburg, Nauka [Science], 2016, p. 39-67.

Hagen, P (1922). Die deutschen theologischen Handschriften der Lübeckischen Stadtbibliothek. Lübeck, 1922. (Veröffentlichungen der Stadtbibiothek derfreien und der Hansestadt Lübeck)

Lasch A. Mittelniederdeutsche Grammatik (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte: A, Hauptreihe 9). 2., unveränd. Aufl. Tübingen, 1976

Litvinov V., Radčenko V. (1998). Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache. Tübingen: Stauffenburg Verlag.

Lübben, A. Mittelniederdeutsche Grammatik nebstChrestomatie und Glossar / A. Lübben // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. – 1882.

Plungian V. A. K tipologiiperfekta v jazikahmira: predislovije [Towards the typology of the perfect in the world’s languages: introduction] // Issledovanija po teorii grammatiki. Vipusk 7: Tipologija perfekta (Acta Linguistica Petropolitana. Trudi Instituta lingvisticheskih Issledovanij RAN; T. XII, CH. 2) [Transactions of the Institute for Linguistic Studies RAN, Vol. XII, Part 2], / otv. red. N.N. Kazanskij [editor in chief N.N. Kazanskij], Ross. Akad. Nauk [Russian Academy of Science], Institut lingvisticheskih issledovannij [Institute for Linguistic Studies], St. Petersburg, Nauka [Science], – 2016. P. 7-36.

Semionova X. P. Semantika form perfekta v drevnearmjanskih Evangelijah [The semantics of perfect forms in Classical Armenian Gospels] // Issledovanija po teorii grammatiki. Vipusk 7: Tipologija perfekta (Acta Linguistica Petropolitana. Trudi Instituta lingvisticheskih Issledovanij RAN; T. XII, CH. 2) [Transactions of the Institute for Linguistic Studies RAN, Vol. XII, Part 2], / otv. red. N.N. Kazanskij [editor in chief N.N. Kazanskij], Ross. Akad. Nauk [Russian Academy of Science], Institut lingvisticheskih issledovannij [Institute for Linguistic Studies], St. Petersburg, Nauka [Science], 2016, p. 289-315.

Seržant I. A. Periphrastic Perfect / Resultative in Tocharian // Issledovanija po teorii grammatiki. Vipusk 7: Tipologija perfekta (Acta Linguistica Petropolitana. Trudi Instituta lingvisticheskih Issledovanij RAN; T. XII, CH. 2) [Transactions of the Institute for Linguistic Studies RAN, Vol. XII, Part 2], / otv. red. N.N. Kazanskij [editor in chief N.N. Kazanskij], Ross. Akad. Nauk [Russian Academy of Science], Institut lingvisticheskih issledovannij [Institute for Linguistic Studies], St. Petersburg, Nauka [Science], 2016, p. 237-289.

Sichinava D. Evropejskij perfekt skvoz' prizmu parallel'nogo korpusa [European Perfect viewed from a parallel corpus] // Issledovanija po teorii grammatiki. Vipusk 7: Tipologija perfekta (Acta Linguistica Petropolitana. Trudi Instituta lingvisticheskih Issledovanij RAN; T. XII, CH. 2) [Transactions of the Institute for Linguistic Studies RAN, Vol. XII, Part 2], / otv. red. N.N. Kazanskij [editor in chief N.N. Kazanskij], Ross. Akad. Nauk [Russian Academy of Science], Institut lingvisticheskih issledovannij [Institute for Linguistic Studies], St. Petersburg, Nauka [Science], 2016, p. 85-115.

Vlasova E.A. Dialektnye osobennosti srednenizhnenemeckogo jazyka v molitvennike XV v. iz Lubeka (RNB, f. 955 op. 2 Nr. 51) [Dialekt features in Middle Low German in prayer-book of the XVth century from Lübeck]. Indoevropejskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija [Indo-European linguistics and classical philology Yearbook]. XVII. Materialy chtenij, posvjashhjonnyh pamjati professora I.M. Tronskogo [Proceedings of the 17th Conference in Memory of Professor J. Tronsky] / otv. red. N.N. Kazanskij [editor in chief N.N. Kazanskij], Ross. Akad. Nauk [Russian Academy of Science], Institut lingvisticheskih issledovannij [Institute for Linguistic Studies], St. Petersburg, 2013, p. 160-176.

Vlasova E.A. Osobennosti sredneniderlandskogo i srednenizhnenemeckogo vokalizma v molitvennyh knigah XV – XVI vv. [Vocalic features in Middle Low Dutch and Middle Low German in prayer books of the XVth and XVIth centuries] // Colloquia classica et indo-germanica, VI., pamjati Leonarda Georgievicha Gertsenberga [Colloquia VI classica et indo-germanica in Memory of Leonard Georgievich Gertsenberg] / otv. red. N.A. Bondarko, N.N. Kazanskij [editor in chief N.A. Bondarko, N.N. Kazanskij], Ross. Akad. Nauk [Russian Academy of Science], Institut lingvisticheskih issledovannij [Institute for Linguistic Studies], St. Petersburg, Nauka [Science], 2014, p. 452-463. – (Acta Linguistica Petropolitana. Trudi Instituta lingvisticheskih Issledovannij RAN; T. X, CH. 1) [Transactions of the Institute for Linguistic Studies RAN, Vol. X, Part,1]

Žirmunski V. Deutsche Mundartkunde. Berlin, 2010.

Vocabularies

Duden. Präteritumschwund. Die Grammatik. Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus, 2005.

MHW – Mittelniederdeutsches Handwörterbuch / Begr. von A. Lasch u. C. Borchling, fortgef. v. G. Cordes u. A. Hübner. Hrsg. von D. Möhn. Bd. 1–2, 3 (1. Lieferung). Neumünster, 1956–2004.

ГЕНДЕР АВТОРА АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Глазунов Евгений Владимирович
студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
e.glznv@yandex.ru
Астафьева Ирина Юрьевна
студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
irinastafyeva@gmail.com

Введение

В современной лингвистике большое внимание уделяется особенностям речи человека, в том числе, письменной. Гендерные различия также могут служить отличительной чертой текста. Некоторые ученые [Ванько 2010] считают, что различия в текстах мужчин и женщин обусловлены психическими и социальными факторами. По мнению автора, гендерную асимметрию создают и поддерживают многие общественные институты (армия, церковь, школа) и общественные ритуалы (одежда, символика). Другие ученые [Литвинова и др. 2014] утверждают, что основополагающим фактором гендерной дифференциации в речи выступает строение головного мозга: у мужчин за речь отвечает левое полушарие, а у женщин отсутствует четкая асимметрия полушарий, поэтому за речь отвечают оба полушария сразу. Согласно данным статьи [Александрова 2007], в России исследования по определению гендера автора текста начались с середины 1990-х и первоначально были сосредоточены на социо- и психолингвистических аспектах речи.

Наиболее часто для автоматической дифференциации женских и мужских текстов рассматривается художественный текст, так как в широком смысле он представляет собой свободное творчество, не ограничивается жесткими стилистическими рамками (как, например, публицистический или научный) и подразумевает большое количество особенностей речи конкретного автора.

В [Минакова 2010] рассматриваются лексические параметры (темпоральные значения) художественных текстов. Автор использует ряд признаков, которые считает скорее женскими или скорее мужскими:

- для мужчин более характерно:

– использование существительных и прилагательных [Горошко 1996];

– использование глаголов несовершенного вида в активном залоге [Горошко 1996];

- для женщин более характерно:

– использование глаголов совершенного вида [Горошко 1996];

– использование союзов и числительных [Горошко 1996];

– повторы, общее снижение словарного запаса [Ощепкова 2003];

– больший объем текста [Катермина 2008: 146-149].

На основании перечисленных признаков и анализа данных [Минакова 2010] делается вывод, что для женщин характерен более бедный словарь, метафоры, сравнения, клише, устаревшие слова и обороты, эпитеты, двойные отрицания, лексика с уменьшительно-ласкательными суффиксами, практически отсутствует употребление терминов, конкретная лексика, слова и выражения со значением неуверенности.

Материалом для анализа [Литвинова, Загоровская, Черванева, Литвинова 2014] стал корпус естественной письменной речи «Россия и мир глазами студентов», который содержит сочинения студентов на заданную тему. В этой статье отмечаются следующие особенности, на которые авторы опирались при составлении модели:

- «женские» особенности:

– активное использование местоимений и частиц (особенно *не/ни*) [Крючкова 1976: 152-158]

– употребление большого количества глаголов и прилагательных [Енгалычев и др. 2001: 177-187]

– употребление большого количества сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий [Енгалычев и др. 2001: 177-187]

– длина текста больше как по количеству слов, так и по количеству предложений [Енгалычев и др. 2001: 177-187]

– использование местоимений [Енгалычев и др. 2001: 177-187]

- «мужские» особенности.

– употребление существительных [Крючкова 1976]

– большее количество уникальных слов

В других статьях рассматриваются различные жанры (например, в [Александрова 2007] исследуются новостные газеты, в [Колпакова 2016] рассматриваются тексты пользователей интернет-сайтов) и факторы ([Громова 2013] смотрит на коммуникативно-прагматические, тематические и др. факторы; [Красса, Калугина 2014] - фоносемантический, эрративный и др. факторы), которые полезны для общего понимания темы, но в настоящей работе не были проанализированы.

Существует ряд сложностей, которые стоит учитывать при разделении текстов по гендеру автора. [Литвинова, Загоровская, Черванева, Литвинова 2014] отмечают, что не существует абсолютных признаков мужских и женских текстов, все выявленные особенности можно считать *скорее* мужскими или женскими; у лиц с высшим образованием, занятых интеллектуальной деятельностью, гендерные различия в тексте минимальны; в англоязычной литературе отмечается, что с возрастом и женщины, и мужчины употребляют больше предлогов и артиклей, хотя, по данным [Литвинова, Загоровская, Черванева, Литвинова 2014], изначально это черта, которую относят к мужским. Кроме того, практически не изучена проблема выражения гендера в научном тексте. Некоторые ученые отрицают возможность проявления индивидуальности автора, некоторые отождествляют научное мышление с мужским началом, хотя есть другая позиция, которая допускают гендерные различия в академическом тексте. Эти данные взяты из обзора литературы в работе [Котюрова 2010].

Цель нашей работы - рассмотреть потенциальные формальные параметры, которые могут служить маркерами гендерной принадлежности автора, а также поддаются анализу с помощью автоматической обработки текста.

Данные

Для анализа мы выбрали тексты из Корпуса русских учебных текстов (см. ссылки), в метаданных которых (т. е. в информации об авторе) были указания на гендер автора. После отбора текстов, описанного в следующем разделе, в выборку попали 817 текстов, из которых 238 написаны мужчинами, 679 - женщинами.

Удобной для исследования является однородность выборки по уровню образования (студенты ВУЗов), возрасту, что позво-

ляет снизить влияние этих факторов и сфокусироваться на интересующем параметре. По сфере научной деятельности размер данных не позволил сделать разделение, однако это может быть важным и интересным критерием в исследованиях на данных большего размера.

Предобработка текстов

Тексты из базы данных уже были разделены на предложения, что важно, так как в этом исследовании мы работаем как с отдельными предложениями (например, считая среднюю длину предложения), так и с текстом как «мешком слов» (bag of words), считая долю тех или иных частей речи. Однако так как в работах встречаются маркированные списки, подписи рисунков и некоторые другие элементы текста, которые не интересуют нас в этом исследовании, строчки, не являющиеся полными предложениями, были автоматически исключены с помощью фильтра в виде нескольких регулярных выражений (см. ссылки). Некоторые из признаков, например, средняя длина предложения, которые мы решили учитывать, основаны на отдельных предложениях, поэтому мы дополнительно исключили строчки, не являющиеся полноценными предложениями (не попадающие под правило: строчки, начинающиеся с заглавной буквы, завершающееся знаком конца предложения). После этого мы оставили те тексты, в которых после обработки осталось более 300 слов. Это минимальный объем, на котором можно рассматривать более или менее неслучайное наличие признаков. Полный код программы находится в онлайн-доступе в репозитории (см. ссылки).

Параметры для анализа

На основе статей, рассмотренных выше, мы выбрали список параметров, которые можно автоматически оценить на больших данных. Отличие этого исследования от многих исследований по нашей тематике в том, что мы не изучаем тексты качественно, то есть не рассматриваем стилистику. Синтаксические параметры на этом этапе мы не рассматриваем, так как размер данных довольно ограничен. Для того, чтобы делать выводы о синтаксисе автоматически, например, обучая модели, нужен больший объем данных, так как эти структуры имеют большую сложность. Это послужило причиной того, что мы ориентируемся на более формальные, в особенности, морфологические признаки. Выбранные

для исследования параметры можно разделить на два основных блока:

- Частеречные характеристики, которые мы можем извлечь с помощью морфологического анализатора: в частности, доли всех частей речи, доступных используемому морфологическому анализатору, в том числе подвиды местоимений (местоимение-прилагательное, местоимение-существительное, местоимение-наречие) и числительных (числительное vs числительное-прилагательное). Также условно к этому блоку можно отнести вид глагола и сравнительную степень, которые, не являясь частеречными характеристиками, извлечены с помощью анализатора.
- Иные характеристики (лексические и простые статистические): в частности, средняя длина слова, средняя длина предложения, доля частиц *не/ни*, доля 100 частотных слов русского языка по Частотному словарю [Ляшевская, Шаров 2009], индекс лексического разнообразия.

Обработка текстов

Тексты обработаны на языке программирования Python с помощью морфологического анализатора Mystem, который позволяет лемматизировать текст (что важно для индекса лексического разнообразия) и извлекать морфологические характеристики (для морфологических характеристик). В итоге получается таблица с признаками по каждому тексту, где текст представлен в виде вектора значений описанных выше признаков.

Анализ данных проведен с помощью инструментов языка программирования R. Полный код программы находится в репозитории и доступен по ссылке (см. ссылки).

Критерий Манна-Уитни

Для оценки того, можем ли мы считать разницу между двумя выборками, женской и мужской, мы применили критерий Манна-Уитни (для этого был использован пакет Python scipy.stats) для независимых выборок, так как в данном случае нельзя гарантировать нормальное распределение и опираться на t-тест и критерий Стьюдента. На основании значения статистики критерия мы сделали вывод о том, можно ли на наших данных делать вывод о значимости различий. В Таблице 1 представлены результаты применения теста по параметрам, которые показали

статистически значимое различие между группами или входили в основные гипотезы на основе изучения литературы по теме. Проведение границы значимости было по традиционно принятому *p*-значению равному 0.05. Значения, меньшие, чем 0.5 являются статистически значимыми, то есть позволяющими отвергнуть нулевую статистическую гипотезу об отсутствии различий. Критерии с такими показателями отличают группы в наших данным.

Таблица 1

Признаки, гипотезы и результаты применения критерия Манна-Уитни

Критерий	**Гипотеза**	**p-value**	**Вывод**
наречия	женский	0.008513	мужской
сравнительная степень	женский	0.019133	женский
СВ / НСВ	женский - СВ, мужской - НСВ	0.003632	женский - НСВ, мужской - СВ
частицы	женский	**0.27426**	**не** является статистически значимым
частицы не/ни	женский	0.001545	женский
существительные	неизвестно	**0.095845**	**не** является статистически значимым
индекс лексического разнообразия	женский	7.97552e-10	мужской

Статистический тест не выявил значимой разницы в доле частиц и доле существительных. Возможно, это связано с тем, что исследование существительных, как, например, в работе [Минакова 2010], требует семантического анализа (абстрактные, конкретные), то есть существительные в целом не являются характеристикой гендера, в то время как использование существительных той или иной семантики может быть отличительной чертой. Однако стоит учитывать специфику жанра, так как в академические тексты являются специфическими с точки зрения лексики, в том числе по семантике (термины, абстрактная лексика).

На рис 1. Представлены распределения значений признаков, которые продемонстрировали статистически значимую разницу при сравнении групп.

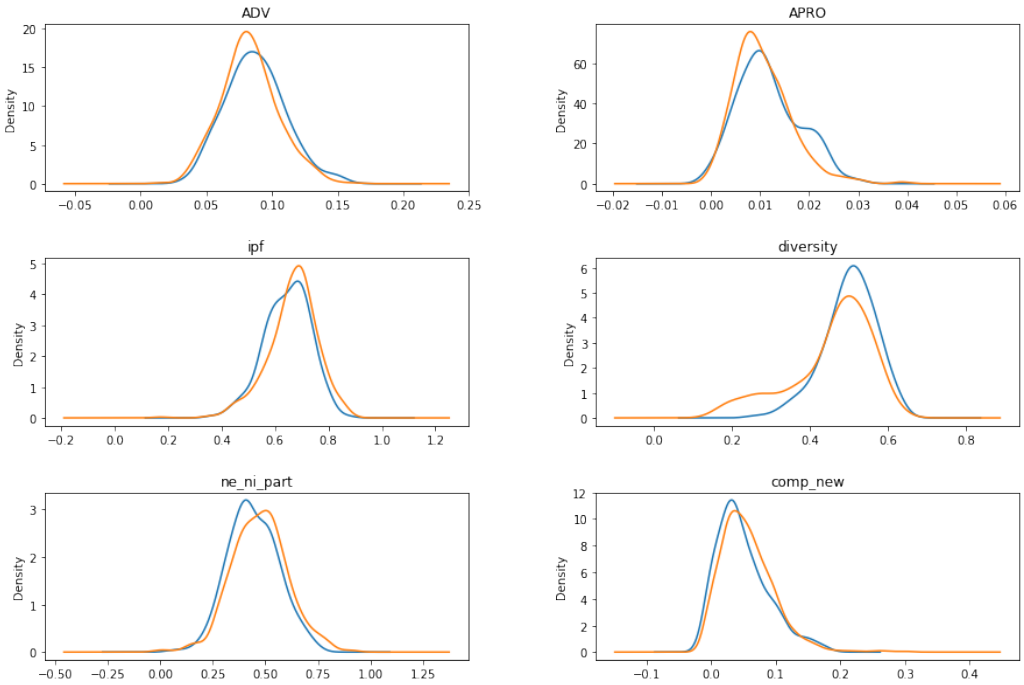


Рис. 1. *Графики распределения по признакам, являющимся статистически значимыми*

Подробнее рассмотрим два самых показательных признака на примере графиков. Интересным показателем оказался индекс лексического разнообразия, который показал сильную разницу между мужскими и женскими текстами. В мужских текстах доля уникальных слов выше.

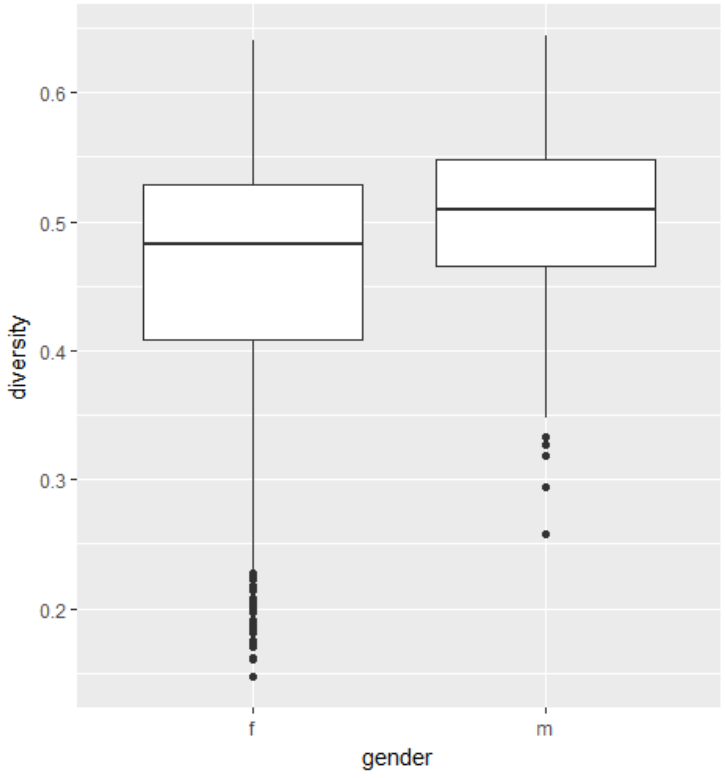


Рис. 2. *Индекс лексического разнообразия*

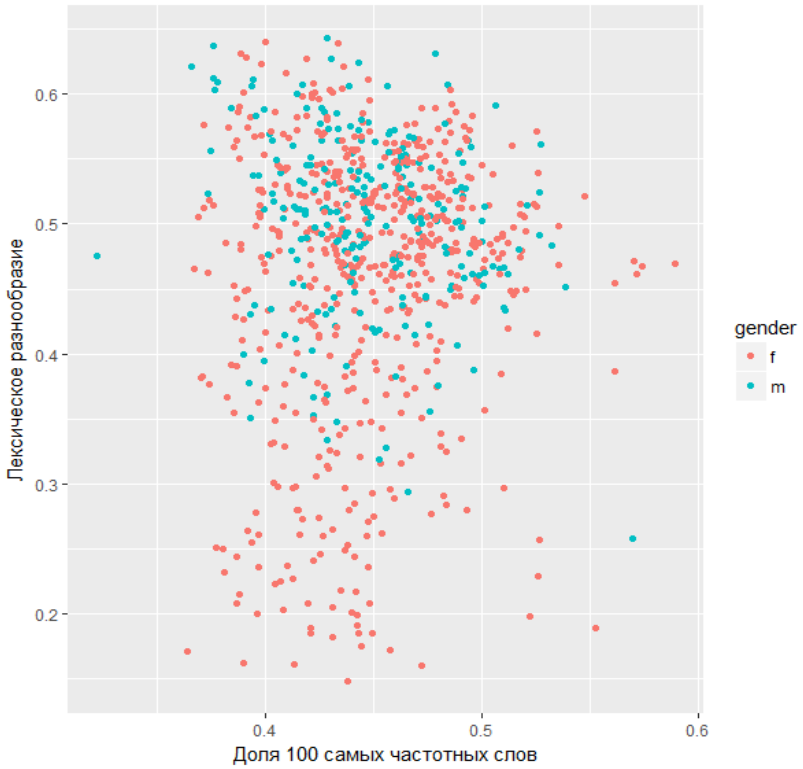


Рис. 3. *Частотные слова и ИЛР*

Если сравнить индекс лексического разнообразия (далее ИЛР) с другим признаком, связанным с лексикой, а именно долей 100 самых частотных слов русского языка, то оказывается, что если доля 100 частотных слов примерно равно распределена, то распределение ИЛР отличается в двух группах, что показывают графики на Рис.2. и Рис. 3.

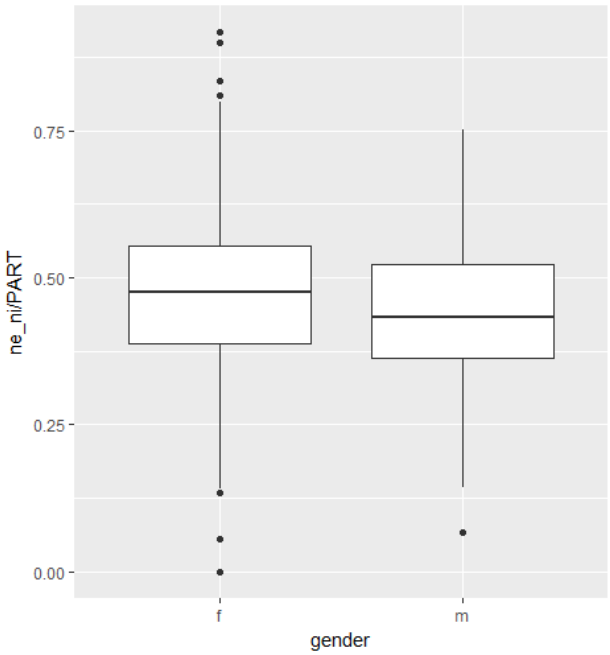


Рис 4. *Доля частиц не/ни среди всех частиц*

На Рис.4. представлено распределение доли частиц *не/ни* среди всех частиц в тексте. Как справедливо можно отметить, различие не такое сильное, как можно было бы ожидать, однако в данном случае следует опираться не на визуальное распределение, а на статистические критерии, которые показывают, что разница статистически значима.

Регрессия

Альтернативный способ определения значимости параметров (признаков) - применение линейной регрессии и оценки значимости параметров в рамках предсказательной модели. В данном случае мы используем регрессию как бинарный классификатор, предсказывая близость к 1, метке мужских текстов, или 0. Здесь не отдельное применение статистических тестов оценивает значимость признака, а модель, которая объединяет все признаки, рассчитывая значимость с точки зрения совокупности признаков, в рамках общей системы.

Для построения модели мы воспользовались линейной регрессией в R (lm из пакета R Stats). Реализация модели позволяет рассмотреть не только линейные коэффициенты, приписываемые признакам, но и включает параметр значимости признаков, оцениваемый статистически. Самым значимым оказался признак лексического разнообразия, далее доля частиц *не/ни* и сравнительная степень, а также вид и доля наречий (в меньшей степени). Это соответствует нашим результатам, полученным с помощью критерия Манна-Уитни.

Обучив модель на нашей выборке, мы вычислили предсказание модели (в какой степени текст мужской или женский) для каждого отдельного текста. Получившиеся значения отображены на графике на Рис. 5, где документы отсортированы по убыванию значения предсказания (от мужских (1) до женских (0). Кривая отличается от предполагаемой с центром в 0.5, так как в выборке присутствует перевес женских текстов. Поэтому разделяющая граница, если мы хотим получить значение мужской/женский текст (на графике m/f соответственно), будет более низкой, чем 0.5, то есть модель скорее приписывает текст к более женским, так как таких текстов больше. По отметкам текстов в нижней части графика видно, что концентрация мужских текстов больше (синий), чем справа, а справа превалируют женские тексты (красный). Эта визуализация показывает, что наша модель с

некоторой точностью распределяет тексты на категории (однако так как признаки довольно тонкие и данных для обучения модели сравнительно немного, доля ошибок значительна).

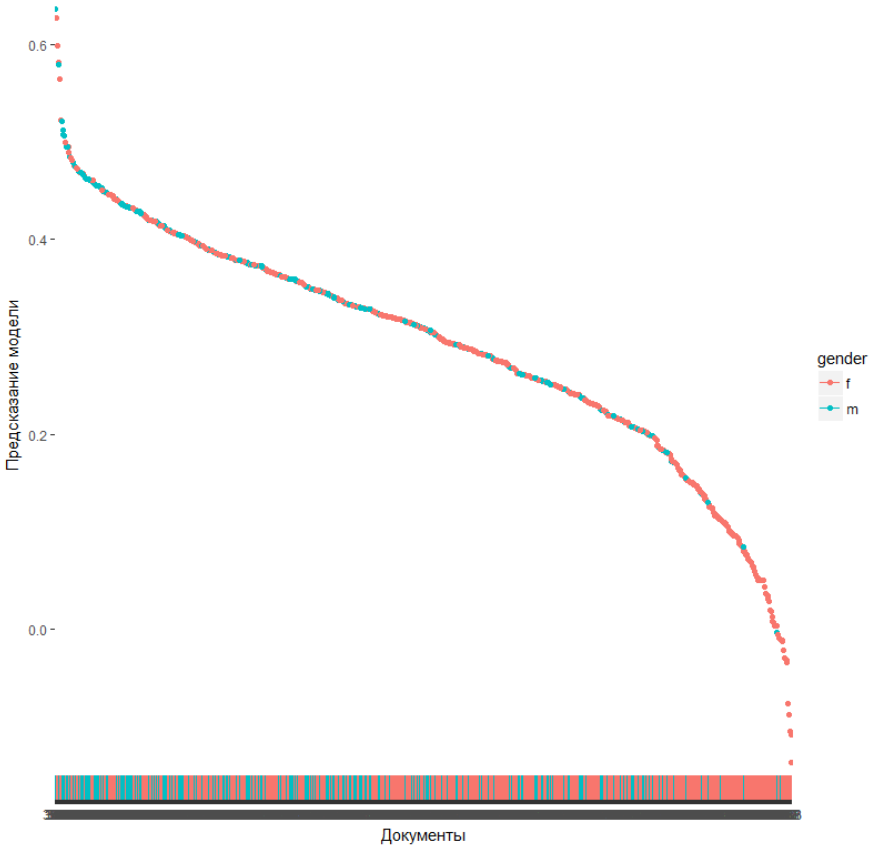


Рис. 5. *График предсказаний регрессии*

Как и в случае с отдельными признаками, мы можем применить статистический критерий Манна-Уитни и увидеть на графике, насколько отличаются значения нового признака, полученного с помощью модели, которая с помощью исходных данных считает общий коэффициент, основанный на нескольких наиболее важных признаков (с точки зрения статистики).

Диаграмма размаха на Рис. 6 показывает, что новый признак, отражающий предсказание модели, обученной на значимых признаках, в отличие от отдельных параметров, лучше дифференцирует выборки. Критерий Манна-Уитни показывает p-value < 0.001 (p-value = 5.12e-15), что подтверждает статистическую значимость различия по этому признаку. Именно обобщенный признак, рассчитанный на основе всех признаков, демонстрирует наибольшее отличие выборок мужских и женских текстов.

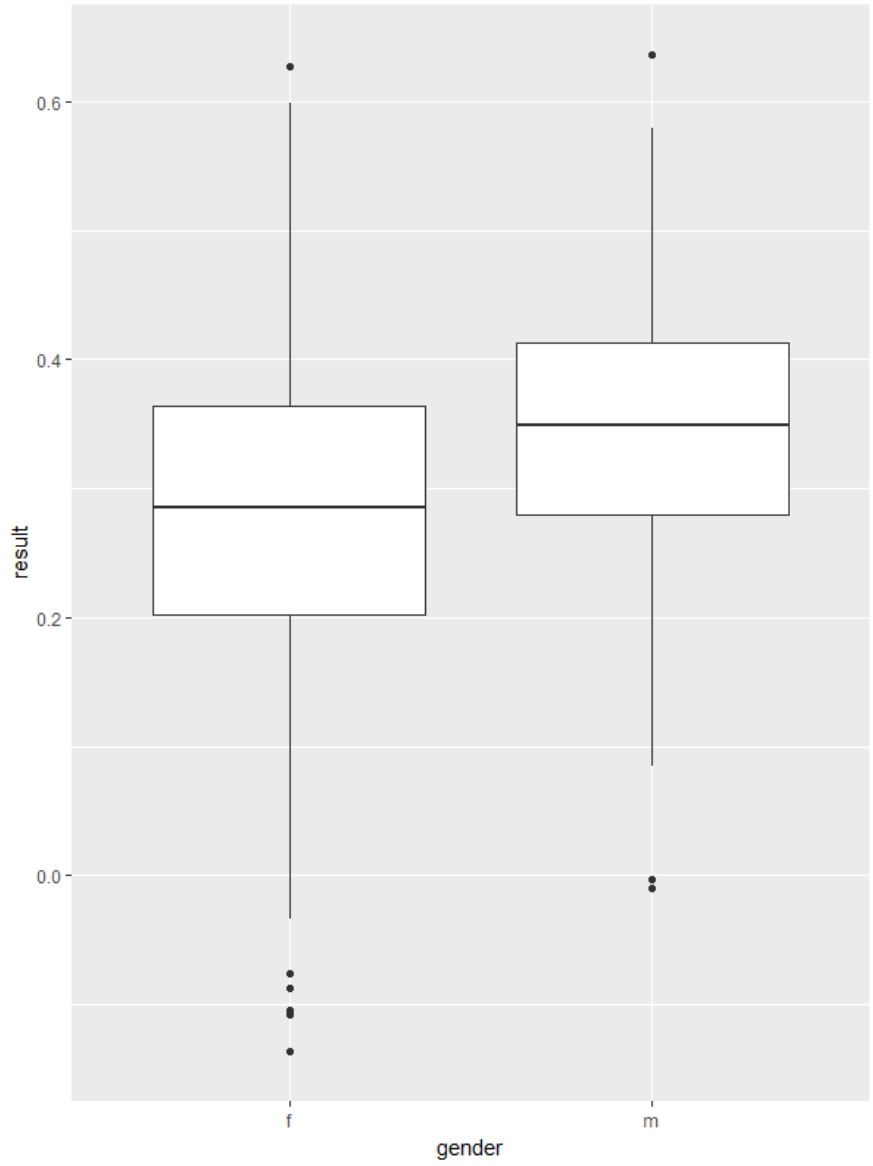


Рис. 6. *Предсказание модели как новый признак*

Результаты

В результате проведенных подсчетов и экспериментов мы выделили некоторые признаки, которые оказались статистически значимыми в нашей выборке академических текстов. Несмотря на специфику академического стиля, который предполагает отсутствие личных черт автора, мы показали, что всё-таки некоторые признаки гендерной принадлежности можно обнаружить с помощью автоматической обработки текста.

К «мужским» признакам можно отнести: наречия, совершенный вид глагола, высокая степень лексического разнообразия.

К «женским»: сравнительная степень, несовершенный вид, более высокая доля частицы *не/ни*.

Полученные результаты в ряде случаев отличаются от гипотез, представленных в статьях. Однако в целом наше исследование показало, что с одной стороны, можно найти признаки, дифференцирующие тексты по гендеру автора, даже в строгом академическом стиле, а с другой - что эти признаки не очень выраженные, поэтому их нужно исследовать комплексно, с помощью машинного обучения, так как более или менее заметные различия можно извлечь только из комплекса признаков. В перспективе следует обратить внимание на другие методы обработки результатов (инструменты машинного обучения и статистики), а также на расширение количества признаков с помощью не только морфологической, но и синтаксической и семантической разметки.

Литература

Александрова Е. С. Гендерный анализ новостного текста // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №37.

Ванько Т. Р. Гендерный аспект функционирования модально-оценочных единиц в авторской речи (на материале англоязычной художественной прозы) // Вестник МГЛУ. 2010. №606.

Горошко Е. И. и др. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ) //Автореферат дисс.… канд. фил. наук. – 1996.

Громова А. В. К вопросу о диагностике гендерных характеристик автора криминалистически значимого анонимного или псевдонимного текста //Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. №. 10 (138).

Енгалычев В. Ф. и др. Психолингвистические особенности «мужского» и «женского» языков //Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. 2001. №. 2. С. 177-187.

Катермина В. В. Гендерный фактор в обществе, культуре и языке: женские и мужские языковые картины мира //Языковая картина мира: лингвистические и культурологические аспекты: материалы VI междунар. науч.-практ. конф. Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина. – 2008. – С. 146-149.

Колпакова Л. В. Лексические средства репрезентации эмоций (гендерный аспект) // Вестник ТГПУ. 2016. №7 (172).

Котюрова М. П. Стилистика научной речи //М.: Академия. – 2010.

Красса С. И., Калугина Е. Н. Гендерное профилирование автора субстандартного текста // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2014. №3.

Крючкова Т. Б. К вопросу о дифференциации языка по полу говорящего //Восточное языкознание. М. – 1976. – С. 152-158.

Литвинова Т. А., Загоровская О. В., Черванева В. А., Литвинова О. А. Проблема диагностирования пола автора письменного текста: фактор жанра // СИСП. 2014. №1 (33).

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. – Общество с ограниченной ответственностью" Издательский центр" Азбуковник", 2009.

Минакова И. А. Выявление тендерных особенностей языковой личности на основе анализа используемых в художественных текстах лексических средств с временным компонентом //Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – №. 4.

Ощепкова Е. С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект) //Москва. – 2003.

Ссылки

Корпус русских учебных текстов [Электронный ресурс] URL: http://web-corpora.n HYPERLINK "http://web-corpora.net /learner_corpus /"et/learner_corpus/ (дата обращения: 29.11.2017)

Репозиторий с кодом к исследованию URL: https://github.com /dkbrz /Gender_In_Academic_Texts

Резюме

Проблема определения гендерных различий в лингвистике рассматривается в разных жанрах, однако считается, что строгие рамки академического стиля скрывают эти различия. На материале учебных текстов, то есть текстов в академическом стиле, написанных студентами в время обучения в университете, мы изучили морфологические и некоторые другие признаки, которые можно извлечь с помощью автоматической обработки текста. На основе статистического критерия Манна-Уитни и с помощью линейной регрессии мы выявили несколько признаков, демонстрирующих статистически значимое различие в выборках текстов, написанных мужчинами и женщинами. Среди таких признаков оказались индекс лексического разнообразия, доля наречий, употребление сравнительной степени, вид глагола и доля частиц *не/ни.*

Ключевые слова: гендер, академический текст, математические методы в лингвистике, корпусная лингвистика, компьютерная лингвистика, автоматическая обработка текста

AUTHOR'S GENDER MARKERS IN ACADEMIC TEXTS

Evgenii V. Glazunov
student, National Research University Higher School of Economics,
e.glznv@yandex.ru
Irina Yu. Astafyeva
student, National Research University Higher School of Economics,
irinastafyeva@gmail.com

Summary

The problem of determining gender differences in linguistics was studied in different genres, but it is considered that the strict rules of academic style neutralize those differences. On the material of student texts, that is texts in academic style, written while studying at the university, we explored morphological and some other features that can be extracted by automatic text processing. On the basis of statistical Student's t-test and linear regression, we found several features that demonstrate statistically significant differences in samples of texts written by men and women. Among these characteristics, the index of lexical diversity, proportion of adverbs, the use of the comparatives, aspect and the proportion of negative particles *ne/ni*.

Keywords: gender, academic texts, mathematical methods in linguistics, corpus linguistics, computational linguistics, natural language processing

References

Aleksandrova E. S. Gendernyj analiz novostnogo teksta // Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. 2007. №37.

Engalychev V. F. i dr. Psiholingvisticheskie osobennosti «muzhskogo» i «zhenskogo» jazykov //Trudy regional'nogo konkursa nauchnyh proektov v oblasti gumanitarnyh nauk. – 2001. – №. 2. – S. 177-187.

Goroshko E. I. i dr. Osobennosti muzhskogo i zhenskogo verbal'nogo povedenija (psiholingvisticheskij analiz) //Avtoreferat diss.… kand. fil. nauk. – 1996.

Gromova A. V. K voprosu o diagnostike gendernyh harakteristik avtora kriminalisticheski znachimogo anonimnogo ili psevdonimnogo teksta //Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2013. – №. 10 (138).

Katermina V. V. Gendernyj faktor v obshhestve, kul'ture i jazyke: zhenskie i muzhskie jazykovye kartiny mira //Jazykovaja kartina mira: lingvisticheskie i kul'turologicheskie aspekty: materialy VI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Bijsk: BPGU im. V. M. Shukshina. – 2008. – S. 146-149.

Kolpakova Ljudmila Viktorovna Leksicheskie sredstva reprezentacii jemocij (gendernyj aspekt) // Vestnik TGPU. 2016. №7 (172).

Kotjurova M. P. Stilistika nauchnoj rechi //M.: Akademija. – 2010.

Krassa Sergej Ivanovich, Kalugina Elena Nikolaevna Gendernoe profilirovanie avtora substandartnogo teksta // Vestnik JuUrGU. Serija: Lingvistika. 2014. №3.

Krjuchkova T. B. K voprosu o differenciacii jazyka po polu govorjashhego //Vostochnoe jazykoznanie. M. – 1976. – S. 152-158.

Litvinova Tat'jana Aleksandrovna, Zagorovskaja Ol'ga Vladimirovna, Chervaneva Viktorija Alekseevna, Litvinova Ol'ga Aleksandrovna Problema diagnostirovanija pola avtora pis'mennogo teksta: faktor zhanra // SISP. 2014. №1 (33).

Ljashevskaja O. N., Sharov S. A. Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka na materialah Nacional'nogo korpusa russkogo jazyka. – Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju" Izdatel'skij centr" Azbukovnik", 2009.

Minakova I. A. Vyjavlenie tendernyh osobennostej jazykovoj lichnosti na osnove analiza ispol'zuemyh v hudozhestvennyh tekstah leksicheskih sredstv s vremennym komponentom //Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – №. 4.

Oshhepkova E. S. Identifikacija pola avtora po pis'mennomu tekstu (leksiko-grammaticheskij aspekt) //Moskva. – 2003.

Van'ko Tat'jana Rostislavovna Gendernyj aspekt funkcionirovanija modal'no-ocenochnyh edinic v avtorskoj rechi (na materiale anglojazychnoj hudozhestvennoj prozy) // Vestnik MGLU. 2010. №606.

Links:

Corpus of Russian Student Texts URL: http://web-corpora.net/learner_corpus/

GitHub repository with Pyhton an R code used in analysis URL: https://github.com/dkbrz/Gender_In_Academic_Texts

ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ КЛАУЗЫ, НЕКАНОНИЧЕСКИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ[1]

Глазунов Евгений Владимирович
студент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
e.glznv@yandex.ru
Зевахина Наталья Александровна
доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
nzevakina@hse.ru

Общепризнанно нормативными считаются такие деепричастные клаузы, нулевые подлежащие которых контролируются номинативным подлежащим главной клаузы (см., например, [Грамматика-80; Биккулова 2011]). В дальнейшем мы будем называть такой контроль номинативно-субъектным. Это канонический контроль. Столь же общепризнанно ненормативными являются деепричастные клаузы вида (1).

(1) *Подъезжая к сией станцыи и глядя на природу в окно,* ***у меня*** *слетела шляпа* [Чехов А. П. «Жалобная книга»].

В предложении (1) нулевое подлежащее деепричастной клаузы контролируется не номинативным подлежащим *шляпа*, а косвенным дополнением *у меня*.

Мы противопоставляем канонический контроль дативно-субъектному и косвенно-объектному типам контроля (см., например, (1)), которые являются неканоническими (см. разные точки зрения в [Грамматика-80; Биккулова 2011]).

В исследовании, изложенном в работах [Пужаева 2016; Пужаева, Зевахина 2018], с помощью экспериментальных данных было показано, что более допустимыми для носителей русского языка являются предложения с косвенно-объектным контролем и с препозитивной деепричастной клаузой, чем предложения с косвенно-объектным контролем и с постпозитивной деепричастной клаузой. Другими словами, предложение (2) более приемлемо, чем предложение (3).

(2) *Глядя на эту картину,* ***у меня*** *возникли странные ассоциации.*

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 16-18-02071.

(3) ***У меня*** *возникли странные ассоциации, глядя на эту картину.*

Аналогичный вывод был сделан для предложений без семантического субъекта, т.е. без предложной группы *у меня*. Подробнее о семантическом субъекте см. [Грамматика-80]. Важно подчеркнуть, что, во-первых, все предложения с косвенно-объектным контролем были оценены носителями как недопустимые. Во-вторых, фактор позиции деепричастной клаузы оказался для испытуемых более значимым, чем фактор наличия/отсутствия семантического субъекта.

Предлагаемая работа видится как продолжение исследования, результаты которого мы только что обсудили. Цель данной работы — проверить полученный результат на корпусном материале, а именно на материале Основного корпуса НКРЯ. Чтобы достичь поставленной цели, мы проверяем следующие две гипотезы:

Гипотеза 1: неканонический (косвенно-объектный) контроль встречается чаще среди препозитивных деепричастных клауз, чем среди постпозитивных деепричастных клауз;

Гипотеза 2: количество предложений с неканоническим (косвенно-объектным) контролем возросло с течением времени.

Обе гипотезы подразумевают наличие предложений с неканоническим (косвенно-объектным) контролем в коллекциях письменных текстов. Сам по себе этот факт довольно любопытен, поскольку в эксперименте, предшествующем данному исследованию, носители оценили стимульные предложения как недопустимые. Что касается второго вывода экспериментальной работы, касающегося семантического субъекта, то на материале корпусов мы не могли проверить, какой именно фактор — позиция деепричастной клаузы или наличие семантического субъекта — более значим, поскольку наличие семантического субъекта было невозможно отразить «технически», т.е. в самом запросе.

Чтобы проверить приведенные выше гипотезы, мы сформировали подкорпус современных текстов (с 1950-го года по настоящее время) и подкорпус исторических текстов (до XX в., т.е. тексты XVIII и XIX вв.). Структура нашего запроса соответствовала структуре предложения из эксперимента, описанного в работах [Пужаева 2016; Пужаева, Зевахина 2018]. Структура предложения с препозитивной деепричастной клаузой представлена в Таблице №1. Структура предложения с постпозитивной деепри-

частной клаузой отличается от представленной структуры только обратным порядком следования главной и деепричастной клауз.

Таблица 1

Структура предложения с препозитивной деепричастной клаузой в НКРЯ

Тип клаузы	деепричастная клауза		главная клауза
Позиция клаузы	начало предложения		после запятой, перед точкой
Длина клаузы	3-5 слов		4-6 слов
Элементы клаузы	деепричастие	дополнение	
Параметры элементов клаузы	НСВ, ментальная и перцептивная семантика	существительное, косвенный падеж	

Всего было найдено и проанализировано 1910 предложений. Из них всего лишь 87 предложений можно отнести к неканоническим, т.е. в них отсутствует номинативно-субъектный контроль. Эти 87 предложений делятся на следующие два достаточно однозначных класса и на ряд отдельных случаев:

Класс 1 (самый многочисленный класс, 69 предложений). Нулевое подлежащее деепричастной клаузы контролируется подлежащим в Дативе.

(4) ***Ей*** *так тогда захотелось за город, глядя на деревья* [Андрей Битов. Сад (1960-1963)].

Класс 2 (6 предложений). Нулевое подлежащее деепричастной клаузы контролируется косвенным дополнением, выраженным либо предложной формой *у* + именная группа в Генитиве (см. (5) и (6)), либо именной группой в Дативе (см. (7) с эллиптированным дополнением *мне*).

(5) *Сердце кровью облилось* ***у меня****, слушая рассказ Лиды.* [А. Ф. Писемский. Виновата ли она? (1855)].

(6) *Спрыгнув с поезда,* ***у Вронского*** *появилось в глазах удивление* [С. Атасов. 1000 золотых анекдотов (2003)].

(7) *Оглядываясь назад в настоящее время,* ~~***мне***~~ *все это кажется странным* [В.В. Верещагин. Реализм (1891)].

Любопытно также отметить, что в большинстве предложений (78 из 87) опущен семантический субъект, ср. пример (7), иллюстрирующий класс 2, и пример (8), иллюстрирующий класс 1.

(8) *И глядя на это лукавство,* ~~***у меня***~~ *нет на сердце обиды* [Владимир Личутин. Любостай (1987)].

Кроме того, были зафиксированы предложения, в которых семантический субъект выражен в виде посессивного местоимения, см. (9), где местоимение *мое* можно было бы заменить на внешний посессор *у меня* (и тогда бы это предложение относилось бы к классу 2).

(9) *Сердце мое сжималось, смотря на его страдание* [Ф. В. Булгарин. Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове (1830)].

Еще один случай – отсутствие какого-либо семантического субъекта, даже эллиптированного, см. (10).

(10) *Не взирая на все предосторожности, целые поля истребляются морозом [О распространении возделывания Американского табака в России // «Земледельческий журнал», 1831]*.

В Таблице №2 представлено распределение случаев канонического и неканонического контроля в зависимости от позиции деепричастной клаузы до или после главной клаузы.

Таблица 2

Распределение случаев (не)канонического контроля в зависимости от позиции деепричастной клаузы

	Неканонический контроль	Канонический контроль
Препозиция деепричастной клаузы	38	383
Постпозиция деепричастной клаузы	49	1440

Напомним, что Гипотеза 1 состоит в том, что неканонический контроль встречается чаще среди препозитивных деепричастных клауз, чем среди постпозитивных деепричастных клауз. Для того, чтобы проверить эту гипотезу, мы воспользовались критерием - квадрат с поправкой Йейтса (пакет R Stats) на данных, представленных в Таблице №2. Критерий показывает, что различие в соотношении неканонических и канонических случаев при препозиции и постпозиции деепричастных клауз статистически значимо (p<0.001). Поскольку различие значимо, на основании того, что доля предложений с неканоническим контролем в препозиции составляет 9,2%, в то время как в постпозиции — 3,2%, можно сделать вывод о том, что Гипотеза 1 верна. Таким образом, неканонический контроль встречается чаще среди препози-

тивных деепричастных клауз, чем среди постпозитивных деепричастных клауз.

В Таблице №3 представлено распределение канонического и неканонического контроля в зависимости от времени порождения предложения.

Таблица 3

Распределение случаев (не)канонического контроля в зависимости от времени порождения предложения

	Неканонический контроль	Канонический контроль
до XX в.	12	465
1950 – по наст. вр.	75	1358

Гипотеза 2 заключается в том, что количество предложений с неканоническим контролем возросло с течением времени, т.е. в современных текстах (после 1950 г.) количество таких предложений больше по сравнению с текстами XVIII и XIX вв. Подсчет критерия – квадрат с поправкой Йейтса (пакет R Stats) показывает, что различие в соотношении предложений с неканоническим контролем до XX в. и предложений с тем же типом контроля с 1950 г. по настоящее время статистически значимо ($p<0.05$). Поскольку различие значимо, на основании того, что доля предложений с неканоническим контролем в современных текстах составляет 5,2%, в то время как в текстах до XX в. — 2,5%, можно сделать вывод о том, что Гипотеза 2 верна. Таким образом, доля предложений с неканоническим контролем возросла с течением времени.

Обратимся теперь к косвенно-объектному контролю. Для данного исследования он представляет больший интерес по сравнению с дативно-субъектным контролем, поскольку именно этот тип контроля находился в фокусе нашего внимания в эксперименте, предшествующем этой работе (см. [Пужаева 2016; Пужаева, Зевахина 2018]). В Таблице №4 представлено распределение косвенно-объектного контроля для косвенного дополнения, выраженного предложной формой *у* + именная группа в Генитиве, в зависимости от позиции деепричастной клаузы и времени порождения предложения.

К сожалению, на столь малой выборке, представленной в Таблице №4, трудно применять статистические тесты и делать определенные выводы. Но все же любопытно отметить, что количество предложений с семантическим субъектом, соотносимым

с говорящим (см. *у меня*), больше количества предложений с семантическим субъектом, соотносимым не с говорящим, а с третьим лицом.

Таблица 4

Распределение случаев косвенно-объектного контроля в зависимости от позиции деепричастной клаузы и времени порождения предложения

	До XX в.		**После 1950 г.**	
	у меня	*у* + одуш. сущ.	*у меня*	*у* + одуш. сущ.
Препозиция деепричастной клаузы	3	4	3	1
Постпозиция деепричастной клаузы	4	0	1	5

Подводя итоги, можно отметить, что неканонический контроль нулевого подлежащего деепричастной клаузы – явление, редко встречающееся в корпусе (по крайней мере, в письменных текстах исследованных периодов). Среди выявленных немногочисленных примеров встречаются два типа неканонического контроля: дативно-субъектный контроль и косвенно-объектный контроль. Статистический анализ показывает, что доля предложений с неканоническим контролем выше в случае препозиции деепричастной клаузы. Этот вывод согласуется с результатами проведенного ранее экспериментального исследования. Любопытно также, что доля предложений с неканоническим контролем возросла с течением времени.

Литература

Биккулова О.С. Деепричастие // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (http://rusgram.ru). На правах рукописи. М., 2011.

Пужаева С.Ю. Факторы, влияющие на нарушение кореференции деепричастных оборотов. ВКР, НИУ ВШЭ, 2016.

Пужаева С.Ю., Зевахина Н.А. Деепричастная клауза в русском: Позиция и семантический субъект // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых», вып. 5. М., 2018, с. 112-126.

Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980.

Резюме

В статье обсуждаются результаты проведенного корпусного исследования (на материале Основного корпуса НКРЯ) как продолжения экспериментального исследования, изложенного в работах [Пужаева 2016; Пужаева, Зевахина 2018]. В ходе проведенного исследования был подтвержден ранее экспериментально установленный факт: для предложений с неканоническим контролем в большей степени характерна препозиция деепричастных клауз, чем их постпозиция. Кроме того, было установлено, что количество предложений с неканоническим контролем возросло с течением времени (рассматривались письменные тексты XVIII, XIX вв. и с 1950-х гг. по настоящее время).

Ключевые слова: деепричастный оборот, деепричастная клауза, семантический субъект, субъектный контроль, позиция деепричастного оборота

CONVERBIAL CLAUSES NON-CANONICAL FROM THE CLASSICAL GRAMMAR PERSPECTIVE

Evgeny V. Glazunov
BA student, National Research University Higher School of Economics, *e.glznv@yandex.ru*
Natalia A. Zevakhina
Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, *nzevakina@hse.ru*

Summary

The paper discusses the findings of the corpus study conducted on the basis of the Main corpus of the Russian National Corpus. This study is viewed as a continuation of the experimental study reported in Puzhaeva (2016), Puzhaeva and Zevakhina (2018). The study confirmed the following experimentally established fact: preposed converbial clauses are significantly more typical of sentences with non-canonical control than postposed converbial clauses. Moreover, the amount of sentences with non-canonical control has significantly increased from the 18th century on.

Keywords: converbial clause, semantic subject, subject control, position of a converbial clause

References

Bikkulova, O. Deeprichastie [Converb] // Materials for the project of corpus study of the Russian grammar (http://rusgram.ru). Unpublished. Moscow, 2011.

Puzhaeva, S. The factors which determine coreference in converbial clauses. Diploma, National Research University HSE, 2016.

Puzhaeva, S, Zevakhina, N. Converbial clause in Russian: Position and semantic subject // Problems of language: Proceedings of the Fifth conference “Problems of language from the viewpoint of young researchers”, vol. 5, pp. 112–126. Moscow, 2018.

Shvedova, N. Ju. (red.). Russkaja grammatika [Russian grammar]. M., 1980.

ВОТ: ОДНА ИЗ ПРАГМАТЕМ В РЕЧИ ИНФОРМАНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ ПСИХОТИПОМ[1]

Горбунова Дарья Александровна
магистр филологии, СПбГУ
darya.a.gorbunova@yandex.ru

Исследования устной речи могут осуществляться только на основе анализа и использования больших и разнообразных массивов данных. Это объясняется большой свободой и вариативностью реализации языка в речи, наличием большого количества новых, еще не исследованных и даже не зафиксированных единиц и процессов.

Одной из основных задач лингвистического исследования можно считать сбор новых языковых фактов, которые могут не только описывать морфологические особенности диалектов, но и фиксировать происходящие в языке изменения [Баранов 2001: 112]. Поэтому возникла необходимость создать универсальное по своим объемам и удобное в использовании средство для продуктивной и качественной работы с языковыми данными.

На современном этапе развития лингвистики этим средством можно считать *языковые корпуса*[2], часть из которых, помимо письменных текстов, включает в себя и записи устной речи, в том числе наиболее живой ее разновидности – устной спонтанной разговорной речи. Неудивительно, что за последние несколько лет идея корпуса как важного источника для лингвистических (и не только) исследований успешно реализовалась, и теперь корпус определяется как «справочно-информационная система по современному русскому языку, позволяющая получать ответы на самые неожиданные вопросы – более того, позволяющая ставить новые проблемы, которых лингвистика прошлого почти не касалась» [Плунгян 2005: 14].

Особенно интересными представляются корпуса устной спонтанной речи, поскольку именно в них непроизвольно, неза-

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи».

[2] В настоящем исследовании под *корпусом* понимается «собрание текстов на данном языке, представленное в электронной форме и снабженное научным аппаратом. Аппарат, “встроенный” в корпус, обычно называется “разметкой”, или “аннотацией”, корпуса» [Плунгян 2005: 6].

висимо от воли говорящего, отражаются психологические компоненты его личности.

Известно, что темперамент влияет на динамические свойства речи, а психотип во многом определяет ее содержательную часть [Журавлева 2008; Богословская 2011]. Кроме того, в речи функционируют многочисленные, разнообразные и плохо поддающиеся однозначной идентификации и классификации единицы и конструкции, фактически не обладающие лексическим значением. Такие единицы, взамен утраченного (или ослабленного – *bleaching* [Bybee 2003]) лексического, приобретают прагматическое значение, благодаря которому становятся, в частности, средством связности в устном тексте. Так они приобретают свойства *прагматемы* [Богданова-Бегларян 2014].

Современных лингвистов занимает специфика процесса речепорождения, и представляется интересным, каким образом выбор и частота употребления той или иной прагматемы коррелируют с психотипом говорящего.

Источником материала для настоящего исследования послужил корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД), который ставит своей целью изучение речевого поведения носителя языка в течение дня (с использованием методики 24-часовой записи)[1] и содержит записи живой повседневной речи людей с различными социальными и психологическими характеристиками (см. о нем, например: [Русский язык… 2016]; [Богданова-Бегларян и др. 2017; 2018]). В рамках проекта ОРД информантам было предложено заполнить три психологических теста: опросник Г. Айзенка, Фрайбургский многофакторный личностный опросник и 16-тифакторный личностный опросник Р. Кеттела типа С. Опросник Р. Кеттела был использован членами научного коллектива ОРД для мониторинга индивидуально-психологических особенностей говорящего. Отличительной чертой данного опросника является его ориентация на выявление относительно независимых 16 факторов (шкал, первичных черт) лич-

[1] Впервые подобный метод был использован в 1990-х гг. в Великобритании при сборе материала для устной части Британского Национального корпуса [BritishNationalCorpus 2017], в конце XX в. по данной методике начал создаваться высокотехнологичный корпус японской спонтанной речи (JST/CRESTESPProject), задачей которого было подготовить описание реальной спонтанной речи японцев и обучить этой речи многофункциональных роботов (см., например: [Сибата 1983]). Для русского языка такой метод (в рамках проекта ОРД) используется впервые.

ности. До некоторой степени эти факторы соответствуют факторам экстраверсии/интроверсии, а также нейтротизма, по Г. Айзенку, однако могут быть интерпретированы только с точки зрения общей психологической направленности личности в момент заполнения теста. В связи с этим данную методику можно применять лишь в сочетании с исследованием темпераментных особенностей личности, по Г. Айзенку, или в любых других базовых психологических исследованиях. Тест не дает четкого разделения на интровертов и экстравертов, что нас интересовало в первую очередь, именно поэтому упор в настоящем исследовании был сделан на другие два опросника.

Личностный опросник Г. Айзенка уверенно занимает одно из первых мест по частоте использования среди психодиагностических методик, потому именно он и был выбран для исследования создателями корпуса ОРД. Опросник предназначен для диагностики экстраверсии/интроверсии и уровня нейротизма говорящего, он включает также девять вопросов, составляющих «шкалу лжи». Исключение информантов по этой шкале было первостепенной задачей исследования, данные об участниках эксперимента, степень искренности которых, согласно тестам, не дотягивала до нормы, в дальнейшем не учитывались. Фрайбургский многофакторный личностный опросник был разработан сотрудниками ЛГУ (ныне – СПбГУ) в соавторстве с учеными Гамбургского университета. Для тестирования информантов использовалась модифицированная форма опросника В, в разработке А.А. Крылова и Т.И. Ронгинской. Главное отличие этого теста от опросника Г. Айзенка заключается в синхроническом подходе к тестированию: тест демонстрирует эмоциональное состояние информанта на момент записи. Статичной характеристикой остается только значение психологического типа, которое и использовано в настоящей работе.

На первом этапе исследования был создан программный инструментарий (две программы с консольным интерфейсом для определения результата психологических тестов (EPI/FPI), скрипт на Python для автоматического подсчёта количества слов информантов), обработаны и подсчитаны результаты всех имеющихся психологических тестов, определен психологический состав информантов корпуса ОРД[1]. Далее, на основании базы дан-

[1] Подробнее о психологическом составе корпуса ОРД см. [Gorbunova 2017].

ных ОРД и с учетом результата работы программного инструментария, был составлен рабочий подкорпус для проверки влияния психотипа говорящего на употребление им в устной спонтанной речи прагматемы *вот*. Для этого была проведена балансировка материала по количеству словоупотреблений и психотипу (3 экстраверта – 25 509 слов, 3 интроверта – 21 990 слов) (см. табл. 1).

Таблица 1

Метаданные рабочего подкорпуса

Инф.	И109	И102	И113	И121	И71	И79
Пол	М	М	Ж	Ж	Ж	М
Возраст	28	27	28	28	21	40
Образование	Высш.	Ср. спец.	Высш.	Высш.	Высш.	Высш.
Психотип	Экстр.	Экстр.	Экстр.	Интр.	Интр.	Интр.
Тип темперамента	Сангв.	Сангв.	Сангв.	Меланх.	Меланх.	Флегм.
Возрастная группа	Младш.	Младш.	Младш.	Младш.	Младш.	Старш.
Время звучания (в мин.: сек.)	74:13	47:55	80:59	73:44	39:50	38:33
Объем фрагмента в «словах»[1]	7 769	8 036	9 704	12 364	3 379	6 247

П. Бокале в своих работах [Bocale 2011 a, b] говорит о преимущественно инициальной и финальной позициях прагматемы *вот* в устном дискурсе, где она служит для установления контакта либо, соответственно, маркирует завершение планируемого отрезка речи. Ю.В. Дараган выделяет следующие функции слова *вот*: 1) концептуализация; 2) контроль; 3) оценка; 4) апелляция [Дараган 2000]. Подробнее о функциях прагматемы *вот* в русской повседневной речи см. также: [Звуковой корпус… 2015: 16-51].

В нашем материале прагматема *вот* оказалась наиболее частотной. С помощью метода сплошной выборки из рабочего

[1] Объем материала подсчитывался автоматически, с помощью компьютерной программы, поэтому в «слова» попали все знаки расшифровок, отделенные пробелами. Это делает полученные цифры несколько условными, но, поскольку все информанты находятся в этом отношении в «равных условиях», этим обстоятельством, думается, можно пренебречь.

подкорпуса ОРД были извлечены все употребления этой прагматемы (в том числе в составе коллокаций[1]) и отфильтрованы по употреблению (экстраверт/интроверт). Употребления этих слов в их словарных значениях [МАС 1999: 219] не учитывались. С учетом обоих критериев (лингвистического и психологического) для дальнейшего анализа было отобрано 124 единицы в контекстах. Помимо психотипа информанта, фиксировались также функции прагматемы в каждом конкретном контексте. По психотипам говорящего материал распределился следующим образом (см. рис. 1).

Как видно из рисунка 1, интроверты значительно больше (на 0,2 %) употребляют исследуемую прагматему, ср.:

(1) *по стилистике / да / п... (э) к платью обязательно / (э-э) к росту / да / некоторые даже там я не знаю цвет глаз* ***вот*** *(э) как-то пытаются отразить в букете* (И121, интроверт)[2];

(2) *и(:) / ты укутанный пьёшь тёплое / (...) питьё / и* ***вот*** *организм сам (...) из-за разницы того / что (...) ты тёплый / а всё вокруг холодно /* ***вот*** *он эту разницу отдаёт* ...(И109, экстраверт);

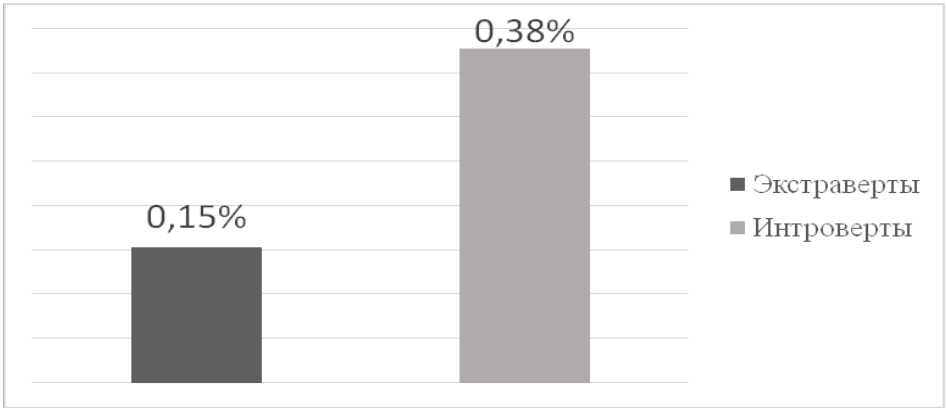


Рис. 1. Количество употреблений прагматемы ВОТ в соотношении с общим количеством словоупотреблений в речи информантов с различным психотипом

[1] Термин *коллокация* самым непосредственным образом связан с коллоквиалистикой и используется для определения неоднословной, устойчивой и регулярно встречающейся языковой единицы [Firth 1957]. Ср. также: *коллокации* – это «статистически устойчивые словосочетания» [Захаров, Хохлова 2010: 138], или «комбинация двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости» [*там* же: 136].

[2] Об особенностях орфографического представления материала ОРД см. [Русский язык… 2016: 242-243].

Такую разницу в количестве употреблений можно объяснить некоторой «речевой рассеянностью» интровертов. Они в принципе меньше говорят, и потому у них меньше разговорной практики, нет привычных речевых тактик или подготовленных реплик. Они с легкостью могут забыть вещи, которые хорошо знают, поэтому иногда спотыкаются на каждом слове, объясняя что-то, или неожиданно забывают слово, которое хотели употребить. И, чтобы сгладить неловкость своей речевой заминки, интроверт просит у собеседника понимания, подсказки и употребляет прагматему (как правило – хезитативную)[1].

В то время как интроверты в разговоре колеблются, экстраверты могут нетерпеливо составлять все новые и новые фразы, объясняя и дополняя сказанное и совершенно не прибегая при этом к помощи вербальных хезитативов, т. е. без всяких заминок и колебаний, ср.:

(3) *ну к... / не / **вот** / где ? он тебе пишет / иди сюда / я тебе в лицо скажу / ну как так / а ? **вот** за это ненавижу вашу работу* (И102, экстраверт).

На примере (3) видно, как информант-экстраверт не сдерживает энергию, энтузиазм и возмущение, активно дополняет и трансформирует свою речевую картину мира, демонстрируя импульсивность и неподдельную активность, заинтересованность в беседе.

Некоторым интровертам, прежде чем что-либо сказать, требуется «порыться» в долгосрочной памяти, чтобы обнаружить

---

1 Ср.: экстраверт в принципе на все «реагирует быстро, часто сначала делает, потом думает» [http://www.wikiznanie.ru]. Экстраверсию можно назвать активной, но при этом энергозатратной установкой психики [Журавлева 2008], ведущей к расширению сферы активности. Общей чертой речи экстравертов можно назвать ее быстрый темп и яркое внешнее выражение эмоций. Направленность их внимания на содержание речи относительно невысокая [там же]. Интроверт, «прежде чем совершить действия, тщательно продумывает их <…>. Психологические защитные средства включают в себя добросовестность, щепетильность, педантичность, бережливость, осторожность, недоверчивость, умеренность, совестливость, честность, прямоту, вежливость» [http://www.wikiznanie.ru]. Интроверсия– это пассивная, но энергоэкономная и защитная установка психики, ведущая к освоению и углублению уже имеющегося, сосредоточенная на внутреннем мире [Журавлева 2008]. Обычно интроверты предпочитают письменную речь устной. В своей речи они не инициативны, поэтому предпочитают ответные реплики. Однако направленность внимания на содержание диалога у них высокая, именно поэтому их реплики характеризуются подготовленностью и продуманностью [Журавлева 2008].

там нужную информацию. Их размышления и припоминания требуют времени, не терпят спешки и принимают в речи хезитативную форму, ср.:

(4) *нет с Вырицей$ / **вот** с () как его ну (...) как он называется ... ну вышитые что ? гобелены **вот*** (И79, интроверт).

На русском материале до недавнего времени единой и полной функциональной классификации прагматем создано не было. Поэтому в качестве основной рабочей типологии прагматем в данной работе была использована классификация прагматических маркеров (ПМ) и их функций в устной речи, созданная Н. В. Богдановой-Бегларян [Богданова-Бегларян 2014, 2016]. Однако проведенный согласно данной классификации функциональный анализ распределения употреблений прагматемы *вот* не выявил каких-либо статистически значимых результатов для сопоставления различий (см. рис. 2).

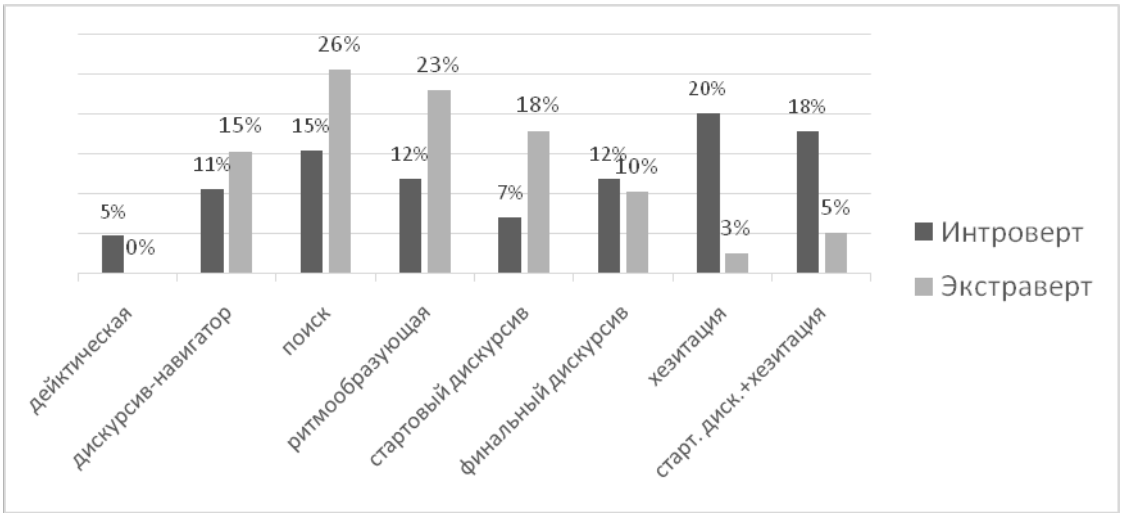


Рис. 2. Функциональное распределение употреблений прагматемы ВОТ в устной речи с учетом психотипа говорящего

В результате анализа материала получилось почти идеальное функциональное распределение, что вызвало необходимость посмотреть на количество коллокаций с прагматемой *вот* и выявить различия в их употреблении. Наиболее частотными в материале исследования оказались следующие коллокации:

- *а вот,*
- *ну вот,*
- *да вот,*
- *вот это вот* (во всех формах).

Распределение по коллокациям, однако, существенных различий в их употреблении экстравертами/интровертами не выявило (см. рис. 3).

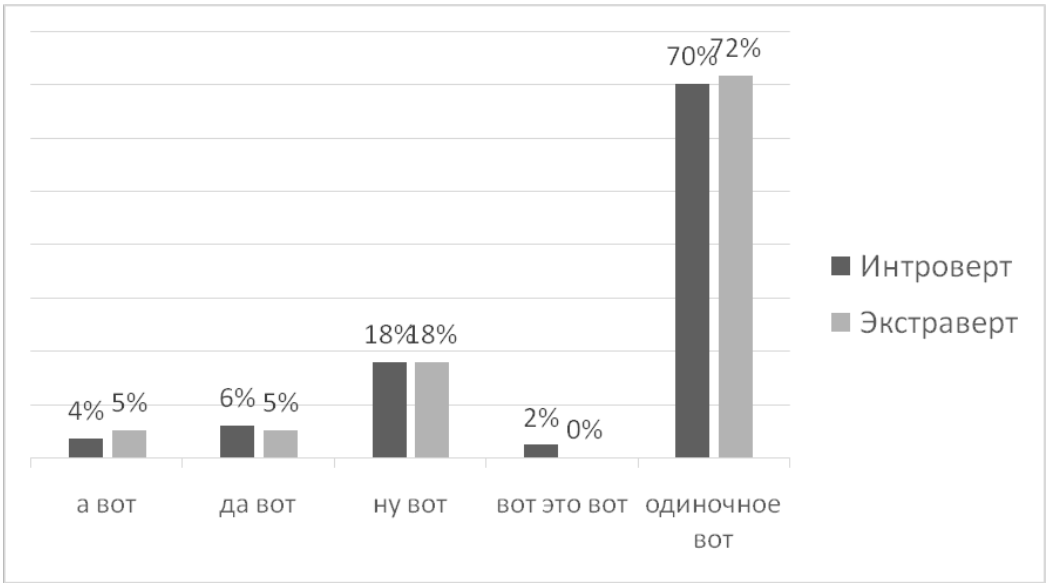


Рис. 3. Распределение употреблений прагматемы ВОТ в составе коллокаций с учетом психотипа говорящего

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что, несмотря на достаточно значимое различие в количестве употреблений прагматемы *вот* экстравертами и интровертами, выделение довольно большого количества контекстов со словом *вот* в тех или иных функциях в речи, в изолированном употреблении или в составе коллокаций, не выявило никакой специфики его употребления информантами с разным психотипом. Расширение пользовательского подкорпуса и новые методики анализа, возможно, помогут такую специфику обнаружить.

К перспективам настоящего исследования можно отнести дальнейшее выявление значимых речевых признаков каждого из психологических типов. В рамках корпусного материала интересным представляется также прогнозирование специфики речевого поведения человека в зависимости от типа его темперамента и психотипа.

Литература

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: УРСС, 2001. – 360 с.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 3 (27), 2014. – С. 7–20.

Богданова-Бегларян Н. В. Функционирование некоторых прагматем русской устной речи в коммуникации представителей разных социальных групп // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Вып. 2 (34), 2016. – С. 38-49.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР^3-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. – СПб.: Политехника-принт, 2017. – С. 14-20.

Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 18. – М.: ИРЯ РАН, 2018. – В печати.

Богословская И. В. Количественный анализ ассоциативных реакций интровертов и экстравертов // Вестник ЧелГУ. – 2011, № 28. [Электронный ресурс] // https://cyberleninka.ru/article/n/kolichestvennyy-analiz-assotsiativnyh-reaktsiy-introvertov-i-ekstravertov.

Викизнание [Электронный ресурс] //http://www.wikiznanie.ru.

Дараган Ю. В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Том 1. Теоретические проблемы. – Протвино, РГГУ, 2000. – С. 67-73.

Журавлева, А. А. Влияние психотипа личности диктора на специфику его устной речи // Доклад на международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2008». – Бекасово, 4-8 июня 2008 г.

Захаров В. П., Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». –Вып. 9 (16), 2010. – С. 136-143.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. – 364 с.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А – Й. – 736 с.

Плунгян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка: Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. – М.: Индрик, 2005. -С. 6-20.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян.– СПб.: ЛАЙКА, 2016. – 244 с.

Сибата, Т. Исследование языкового существования в течение 24 часов // Языкознание в Японии. – М.: Радуга, 1983. – С. 134-141.

Bocale, P.Дискурсивные слова в разговорной речи [Электронный ресурс] // russian.slavica.org/article9375.html. – Cambridge, 2011a.

Bocale, P. Роль текстовых коннекторов в молодежной речи [Электронный ресурс] // russian.slavica.org/article514.html. – Roma, 2011b.

British National Corpus 2017 [Электронный ресурс] // http://www.natcorp.ox.ac.uk/

Bybee, J. Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency // The Handbook of Historical Linguistics / B. D. Joseph,J. Janda (eds.). – Oxford: Blackwell, 2003. – Pp. 602-623.

Firth, J. R. Papers in Linguistics, 1934-1951. – Oxford University Press, 1957. – 233 p.

Gorbunova, D. Spontaneous Oral Speech From the Psycholinguistic Side: Pragmatemes in the Speech of Informants with a Different Psychotype // Communicative researches. – № 4 (14), 2017. – Pp. 73-82.

Резюме

Объектом настоящего исследования является устная речь, организованная в корпус, в частности, ее психолингвистические характеристики. Предметом исследования является прагматема *вот*, употребляемая информантами различных психологических типов в потоке повседневной речи. Целью работы было рассмотреть функционирование этой прагматемы в устной речи и установить корреляции между ее употреблением и психологическими характеристиками говорящего. Отобранный для исследования речевой материал анализировался с помощью традиционных для лингвистических работ описательного, гипотетико-дедуктивного и сравнительно-сопоставительного методов. В работе была подтверждена гипотеза о наличии корреляции между общим количеством употребления прагматемы *вот* и экстравертностью/интровертностью информанта. Гипотеза о зависимости функций данной прагматемы в речи от психотипа говорящего не подтвердилась.

Ключевые слова: звуковой корпус русского языка, повседневная речь, психотип, грамматика речи, прагмалингвистика, коллоквиалистика, дискурсивные единицы, интроверсия, экстраверсия.

VOT: ONE OF PRAGMATEMES IN THE SPEECH OF INFORMANTS WITH A DIFFERENT PSYCHOTYPE

Daria A. Gorbunova
SPBSU, Saint-Petersburg
darya.a.gorbunova@yandex.ru

Summary

The object of this research is organized in corpus oral speech, in particular, its psycholinguistic characteristics. The subject of the research is a pragmateme *vot*, used by informants of various psychological types in their everyday speech. The aim of the work was to consider the functioning of the pragmateme *vot* in oral speech and establish the correlation between its use and the psychological characteristics of the speaker. The selected speech material was analyzed using traditional for linguistic methods: descriptive, hypothetical-deductive and comparative. During the research we confirmed the hypothesis of a correlation between the total amount of pragmatemeusage and the extrovertness / introvertness of the informant. The functional dependence of pragmateme in speech from the speaker's psychotype was not confirmed.

Keywords: Russian speech corpus; everyday speech; personality type; automatic data processing; oral communication; speech grammar; pragmalinguistics,colloquialistics; discursive units; introversion; extraversion;

References

Baranov A. N. Vvedenie v prikladnuju lingvistiku [Introduction to Applied Linguistics]. – M.: URSS, 2001. – 360 p.

Bocale, P. Diskursivnye slova v razgovornoj rechi [Discourse Words in Colloquial Speech]//URL: russian.slavica.org/article9375.html. – Cambridge, 2011a.

Bocale, P. Rol' tekstovyh konnektorov v molodezhnoj rechi [The Role of Textual Connectors in Youth Speech] // URL: russian.slavica.org/article514.html. – Roma, 2011б.

Bogdanova-Beglarian N. V. (2014) Pragmatemy v ustnoj povsednevnoj rechi: opredelenie ponjatija i obshhaja tipologija [Pragmatemes in Everyday Speech: Definition of the Concept and General Typology], Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja I zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 3(27), pp. 7–20.

Bogdanova-BeglarjanN.V., Sherstinova T.Ju., Blinova O.V., Martynenko G.Ja. (2017) Korpus "Odin rechevoj den'" v issledovanijah sociolingvisticheskoj variativnosti russkoj razgovornoj rechi [«One Day of Speech» Corpus in Studies

of Sociolinguistic Variability of Russian Colloquial Speech], Analiz razgovornoj russkoj rechi [Analysis of Colloquial Russian Speech] (AR3-2017): Trudy sed'mogo mezhdisciplinarnogo seminara [The Works of the 7rd Interdisciplinary Seminar]. St. Petersburg: Politehnika-print, pp. 14-20.

Bogdanova-Beglaryan N. V.Funktsionirovanie nekotorykh pragmatem russkoj ustnoj rechi v kommunikatsii predstavitelej raznykh sotsial'nykh grupp[Functioning of Some Pragmatemes in Russian Oral Speech of Different Social Groups] // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya. 2016. Vyp. 2 (34). pp. 38 49.

Bogdanova-Beglaryan N. V., SherstinovaT.Ju., Blinova O. V., Martynenko G. Ja. Korpus russkogo yazyka povsednevnogo obshheniya «Odin rechevoj den'»: tekushhee sostoyanie I perspektivy[«One Day of Speech» Russian Colloquial SpeechCorpus: current state and prospects]// Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 18. – M.: IRYA RAN, 2018. –In print.

Bogoslovskaya I. V.Kolichestvennyj analiz assotsiativnykh reaktsij introvertov I ehkstravertov [Quantitative Analysis of Associative Reactions of Introverts and Extroverts] // VestnikCHelGU. 2011. №28// URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kolichestvennyy-analiz-assotsiativnyh-reaktsiy-introvertov-i-ekstravertov

British National Corpus 2017// URL:http://www.natcorp.ox.ac.uk/

Bybee, J. Mechanisms of Change in Grammaticization: The Role of Frequency // The Handbook of Historical Linguistics / B. D. Joseph,J. Janda (eds.). – Oxford: Blackwell, 2003. – Pp. 602 623.

Daragan Ju. V. Funkcii slov-«parazitov» v russkoj spontannoj rechi [Functions of "Parasites" Words in Russian Spontaneous Speech] Trudy Mezhdunarodnogo seminara «Dialog-2000» [According to the Materials of International Conference "Dialogue-2000"]. Protvino, RGGU, pp.67-73.

Firth, J. R. Papers in Linguistics, 1934-1951. – Oxford University Press, 1957. – 233 p.

Gorbunova, D. Spontaneous Oral Speech From the Psycholinguistic Side: Pragmatemes in the Speech of Informants with a Different Psychotype // Communicative researches. – № 4 (14), 2017. – Pp. 73-82.

Plungjan V. A. Zachem nuzhen Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: Neformal'noe vvedenie [Why the National Corpus of the Russian Language is Necessary: Informal Introduction]// The National Corpus of the Russian Language: 2003-2005 – M.: Indrik, 2005. Pp. 6-20.

Russkij yazyk povsednevnogo obshheniya: osobennosti funktsionirovaniya v raznykh sotsial'nykh gruppakh [Russian Colloquial Speechfeatures in different social groups] Kollektivnaya monografiya / Otv. red. N. V. Bogdanova-Beglaryan. – SPb.: LAJKA, 2016. – 244 p.

SAD–Slovar' russkogo yazyka [Russian dictionary] V 4-kh t. / RAN, In-t lingvistich. issledovanij. — 4-e izd., ster. — M.: Rus. yaz.; Poligrafresursy, 1999.Vol. 1. A—J. — p. 219.

Sibata, T. Issledovanie jazykovogo sushhestvovanija v techenie 24 chasov [Study of Language Existence within 24 Hours] // Linguistics in Japan. – M.: Raduga, 1983. – Pp. 134-141.

Vikiznanie[Wikibooks] //URL:http://www.wikiznanie.ru

Zakharov V. P., Khokhlova M. V. Analiz effektivnosti statisticheskih metodov vyjavlenija kollokacij v tekstah na russkom jazyke [Analysis of the Effectiveness of Statistical Methods for Identifying Collocations in Texts in Russian] // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog».– Vyp. 9 (16), 2010. – Pp. 136-143.

Zhuravleva, A. A. Vlijanie psihotipa lichnosti diktora na specifiku ego ustnoj rechi[The Influence of the Psychotype of the Speaker's Personality on the Specifics of His Oral Speech] // Doklad na mezhdunarodnoj konferencii po komp'juternoj lingvistike i intellektual'nym tehnologijam «Dialog 2008». – Bekasovo, 4-8 June, 2008.

Zvukovoj korpus kak material dlja analiza russkoj rechi. Chast' 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. Tom 2. Zvukovoj korpus kak material dlja novyh leksikograficheskih proektov. Kollektivnaja monografija [Russian Speech Corpus as a Material for analysis of Russian Speech. Part 2: Theoretical and Practical Aspects of Analysis] Vol. 2. Collective Monograph. St. Petersburg: Philologicalfaculty, 396 p.

КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ (ПЕРСОНАЛЬНОСТИ) СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СИТУАЦИИ МЕЖСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА

Егоров Илья Михайлович,
научный сотрудник, Университет Иоганна Гутенберга Майнц
i.m.jegorow@gmail.com

Введение

Цель настоящей работы – установить, каким образом ситуация языкового контакта повлияла на развитие категорий одушевленности и персональности существительных в ряде славянских идиомов, прежде всего в островных переселенческих говорах. В основе согласовательных систем современных славянских языков лежит унаследованная от праславянского система с сильно десемантизированным распределением имен существительных по трем родам. Эта старая система в ходе развития отдельных славянских языков была осложнена появлением дополнительных признаков, мотивированных семантикой лексемы, а именно признаком одушевленности и персональности. Вслед за [Плунгян 2011: 142] под одушевленностью мы понимаем «противопоставление живых существ всем прочим объектам», а под персональностью – «противопоставление людей всем прочим объектам». При описании согласования одни исследователи объединяют эти признаки с родом, а другие выделяют в отдельную грамматическую категорию (или две отдельные категории для таких языков, как польский, где релевантны оба признака). Последний подход принят и в настоящей работе.

Данные категории, формировавшиеся в отдельных славянских языках в историческое время, представляют собой один из тех участков грамматики, которые демонстрируют заметные межъязыковые различия. Во всех современных славянских языках маркером одушевленности является синкретизм форм ACC.SG и GEN.SG существительных мужского рода. Как одушевленные маркированы существительные, обозначающие людей (персональные) и животных (анимальные)[1]. В восточно- и за-

[1] Кроме существительных названных семантических групп, синкретизм ACC.SG=GEN.SG в польском литературном языке демонстрируют также названия танцев (*tańczyć walca, krakowiaka* ‘танцевать вальс, краковяк’), алкогольных напитков (*pić szampana* ‘пить шампанское’), азартных игр (*grać w brydża, w pokera* ‘играть в бридж, в

паднославянских языках (кроме чешского на большей части его территории) синкретизм форм ACC и GEN распространился и на множественное число, охватывая, однако, разные классы лексем. Именно распространение синкретизма форм ACC.PL и GEN.PL существительных будет предметом дальнейшего рассмотрения.

Формирование категории одушевленности (персональности) существительных в отдельных славянских языках достаточно подробно изучено. Из работ по данной проблематике в русском языке можно назвать такие, как [Крысько 1994, Ильченко 2011], в польском – [Kucała 1978], в отношении словацкого языка она затрагивается в [Pauliny 1990]. Основные сведения о синхронном состоянии и историческом развитии категории одушевленности (персональности) в славянских языках обобщены в [Klenin 2009]. На материале некоторых славянских переселенческих говоров в России эта категория анализировалась в [Скорвид 2017] наряду с другими фрагментами их грамматической системы.

В настоящей работе данные переселенческих говоров рассматриваются на фоне всего западно- и восточнославянского диалектного ландшафта. Факты переселенческих говоров ниже последовательно сопоставляются с данными диалектов на исходной территории, насколько это позволяют имеющиеся описания. Такой подход, в частности, позволил нам обнаружить новые факты мазурских говоров польского языка, которые до сих пор не привлекали внимания исследователей. К сопоставлению с западнославянскими языковыми островами в восточнославянском окружении привлекаются – чего не делалось ранее – данные островного чешского говора на территории Польши, а также лемковских говоров в Польше, после 1945 года оказавшихся в островной ситуации, и карпаторусинских диалектов на территории Словакии в сопоставлении с диалектами на территории Украины.

Сведения о чешских говорах на исконной территории почерпнуты из диалектологического атласа чешского языка по ре-

---

покер’), грибов (*znaleźć muchomora* ‘найти мухомор’), марок сигарет (*zapalić camela* ‘закурить «Кэмел»’), автомобилей (*kupić fiata, poloneza* ‘купить «Фиат», «Полонез»’), а также некоторые названия цветов, плодов, блюд и физических недугов [Bańko 2012: 151-152]. Такой же синкретизм в контекстах, подчеркивающих единичность предмета, возможен в разговорном польском и у лексем, не входящих в перечисленные выше группы: например, *wyrwać zęba* ‘вырвать зуб’, *wysłać maila* ‘послать е-мейл’. Аналогичное явление наблюдается и в других славянских языках. Поскольку его связь с лексическим значением одушевленности (живого существа) если и прослеживается, то имеет опосредованный характер, в данной статье оно не обсуждается.

дакции Яна Балхара [Balhar 2002]; о словацких – из очерка словацких диалектов Рудольфа Крайчовича [Krajčovič 1988]; о польских – из работы Мариана Куцалы [Kucała 1978] об истории категории рода в польском языке, где автор во многом опирается на собственные записи, а также из описания мазурских говоров Казимижа Нича [Nitsch 1954], и из словаря мазурских говоров [SGOWM]. Существующие описания и диалектологические атласы, дающие чаще всего информацию о том, что в диалектах есть, но не о том, что в них отсутствует, могут несколько искажать картину. Статистический анализ может быть применен лишь к материалу (прежде всего иллюстративные контексты из записей спонтанной речи и из фольклорных текстов в словаре [SGOWM]) мазурских говоров польского языка. Данные чешских островных говоров на территории Чехии получены из статьи [Dejna 1978], на территории России – из [Skorwid 2017], польского переселенческого говора в Иркутской области – из монографического описания грамматики данного идиома [Mitrenga-Ulitina 2015], о периферийных польских говорах на территории Украины и Белоруссии из [Масленникова 2001]. Названные исследования не предоставляют точных количественных данных. Рассматривая мазурский переселенческий говор, в Сибири мы опираемся на собственные полевые записи спонтанной устной речи. Данные о карпаторусинских идиомах почерпнуты из корпуса разговорного русинского языка, содержащего записи спонтанной речи из сел Закарпатской области Украины, а также из восточной Словакии и Польши.

Логика дальнейшего изложения такова: вначале рассматривается ситуация в соответствующем современном литературном языке и в диалектах данного языка на основной территории его распространения, а затем – ситуация в переселенческих говорах. Особое внимание будет уделено мазурским говорам на исконной территории в Польше и переселенческому говору в Сибири. Последовательность изложения фактов карпаторусинских идиомов вынужденно будет несколько иной, поскольку все они, как показано ниже, испытывают адстратное влияние.

Данные чешских говоров на исконной территории

В чешском литературном языке синкретизм форм ACC.PL=GEN.PL отсутствует. У одушевленных существительных мужского рода сохраняются старые формы ACC.PL, не сов-

падающие ни с формами GEN.PL, ни с формами NOM.PL: *kamarádi*$^{\text{NOM.PL}}$, *kamarády*$^{\text{ACC.PL}}$, *kamarádů*$^{\text{GEN.PL}}$. Интересующий нас падежный синкретизм отмечен только в говорах, переходных к польским (ляшские) и к словацким (моравско-словацкие) [Balhar 2002: 248–254]. При этом в моравско-словацких говорах этот синкретизм последовательно распространен у персональных и анимальных существительных мужского рода, т. е. в них представлена вполне сформировавшаяся категория одушевленности, как и в западнословацких (трнавских и загорских) говорах [Krajčovič 1988: 214, 217]. В отношении ляшских говоров данные карт 165–167 в [Balhar 2002] позволяют заключить, что подобный синкретизм здесь последовательно представлен только у существительных твердого типа склонения со значением лица. У существительных мягкого типа склонения и анимальных существительных твердого типа формы ACC.PL=GEN.PL отмечаются в отдельных населенных пунктах моравско-польского пограничья при господстве общечешских форм, не демонстрирующих такого синкретизма, на остальной территории.

Данные островных чешских говоров

В островных чешских говорах, представленных в России на Северном Кавказе и в Западной Сибири[1], нормой для одушевленных существительных мужского рода являются формы ACC.PL=NOM.PL (1), тогда как формы ACC.PL=GEN.PL встречаются у них крайне редко (2–3); наконец, лишь в исключительных случаях формы ACC.PL=GEN.PL отмечаются также у существительных женского и среднего рода со значением лица (4–5) [Скорвид 2017: 466–467]: (1) *mn'eli sme* ***malí vnuki***$^{\text{ACC.PL=NOM.PL}}$ (Кавказ) 'мы имели маленьких внуков'; (2) *jak vihnal* ***texˇ Tatarú***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ / ***tiχ Turkú***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ (Кавказ) 'как выгнал тех татар… тех турок'; (3) *brali* ***t'eχ liď'í ruskejχ***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ *v armiju* (Кавказ) 'брали тех людей русских в армию'; (4) *mám* ***pravnuček***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ (Кавказ) 'имею правнучек'; (5) *jednu neď'eli kluci nás šm̥rkustovali* / ***d'efčat***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ (Сибирь) 'в одно

[1] Северокавказские чешские говоры распространены в ряде населенных пунктов в окрестностях гг. Анапа, Новороссийск и Туапсе на территории Краснодарского края и г. Майкоп в Республике Адыгея (всего около 50 носителей); они восходят частично к юго-западным, а частично – к северо-восточным чешским говорам. Западносибирский чешский говор распространен в дд. Репинка, Новоградка, Воскресенка Калачинского р-на Омской области (около 25 говорящих); он восходит к северо-восточным чешским говорам. Подробнее см. [Скорвид 2017: 450–451].

воскресенье парни стегали прутиком нас, девушек’. Всего отмечено менее десятка подобных форм, в обоих говорах они имеют маргинальный характер. Как северокавказские, так и западносибирский говоры восходят к собственно чешским диалектам, для которых синкретизм форм ACC.PL=GEN.PL нехарактерен. Это позволяет сделать вывод, что его появление – результат влияния русского языка.

В островном чешском говоре деревни Куцов в Польше[1] Кароль Дейна [Dejna 1978: 230] отмечает наряду со старыми формами ACC.PL также формы ACC.PL=GEN.PL: (6) *pobiu̯ **zu̯ ˈod’eiu̯*** ACC.PL=GEN.PL ‘побил воров’; (7) *mi̯eu̯ sem **dobrei̯x sˈou̯sedu*** ACC.PL=GEN.PL ‘я имел хороших соседей’; (8) *vid’eu̯ sem **vˈoi̯aku*** ACC.PL=GEN.PL ‘я видел солдат’. Распространение синкретизма не выходит за рамки персональных существительных мужского рода. Это обусловлено тем, что в польском языке, оказавшем влияние на этот говор, синкретизм ACC.PL=GEN.PL охватывает только названный класс существительных.

Данные польских говоров на исконной территории

Как было отмечено выше, в польском, как и в словацком литературном языке, синкретизм ACC.PL=GEN.PL характеризует только персональные существительные мужского рода, иначе – лично-мужские (пол. *męskoosobowe*). Во многих польских диалектах он распространен и у названий животных мужского рода (пол. *męskożywotne*). Примеры из работы Мариана Куцалы [Kucała 1978: 153]: (9) *zadnéj owiecki nie rusę, ino **barankόw** wydusę* ‘ни одной овечки не трону, только барашков передушу’; (10) *gai̯ovy u̯odgońuł **tyx psuf*** ‘лесник отогнал этих собак’; (11) *wzioł **tex wołów** i posed orać* ‘взял тех волов и пошел пахать’. Описывая территориальное распространение синкретизма ACC.PL=GEN.PL, автор цитирует Казимежа Нича: «на всем востоке присутствует ACC.PL=GEN.PL также и за рамками класса “лично-мужских существительных” <…> их можно услышать в Вармии, в Дальнем Мазовше, в Сандомирском повяте и в центральной Галиции» ([Nitsch 1958] по: [Kucała 1978: 153]). «Восток» здесь понимается достаточно широко, так как самая западная точка, откуда имеются интересующие нас при-

[1] Был распространен в д. Куцов (пол. *Kucόw*) в гмине Клещов Белхатовского повята Лодзинского воеводства (на 1968 год 79 чехов по данным [Tobjański 1994: 187]). Восходит к северо-восточным чешским говорам. См. [Dejna 1978].

меры, Вадовицкий повят [Kucała 1978: 152], находится почти на границе малопольского и силезского диалектов. К сожалению, последовательно это явление картографировано не было. Неясен также статус форм ACC.PL=GEN.PL анимальных существительных мужского рода: это единственно возможная у них форма или она присутствует наряду с ACC.PL=NOM.PL?

В польском говоре деревни Венчурка в Мыщленицком повяте (приблизительно в 35 км на юг от Кракова) синкретизм ACC.PL=GEN.PL был выявлен и у неодушевленных существительных мужского рода, однако только в сочетании с числительным: (12) ***dvok smrekȯv***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ *zežnęńi na deśḱi* ‘две сосны срубили на доски’, (13) *kåzå̯uek se vyrvaʒ́* ***dvog zębȯf***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ ‘велел себе вырвать два зуба’; при этом существительные женского рода во всех случаях, включая сочетания с числительными, имеют формы ACC.PL=NOM.PL [Kucała 1978: 156]. В этой связи можно заметить, что сочетания с числительным представляют собой специфический контекст, «индуцирующий» синкретизм ACC.PL=GEN.PL (но только у персональных существительных), также в нижнелужицком языке. Вне сочетания с числительным или формами ACC личных местоимений *nas, was* в нижнелужицком такой синкретизм отсутствует.

В очерке мазурских говоров Нича [Nitsch 1954] и в иллюстративных контекстах, приведенных в словаре [SGOWM] нами были обнаружены примеры форм ACC.PL=GEN.PL не только у анимальных существительных мужского рода (14–15), но и у названий животных и лиц женского рода (16–19): (14) *ońi ma̯io* ***dobryx psȯf***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ [Nitsch 1954: 288] ‘они имеют хороших собак’; (15) *v sobota zabźijom* ***indykuf***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$, ***kuruf***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ [SGOWM 1993: 37] ‘в субботу забьем индюков, петухов’; (16) *zawoływała* ***sonsadek***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ *i* ***przijaczołek***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ [Nitsch 1954: 288] ‘созывала соседок и подружек’; (17) *nas* ***starych babuśuf***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ *to mogl’iby puścić za Odre*[1] [SGOWN 1987: 140] ‘нас, старых бабусь-то, могли бы за Одер пустить’; (18) ***krovuf***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ *štyry tša vydoić* [SGOWM 1993: 336] ‘коров четырех нужно подоить’; (19) *czężke starania* ***krow***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ *pouczać czognięca wozow* [SGOWM 1993: 336] ‘тяжкие старания коров учить тянуть возы’.

[1] Ср. практически дословное повторение данного контекста, видимо, в речи того же информанта: *nas* ***babuśuf*** *mogl’iby vyv’eść* ‘нас, бабусь, могли бы вывезти’ [SGOWN 1987: 140].

Распространение данного падежного синкретизма на лексически одушевленные существительные женского рода является уникальным явлением для польских диалектов, не контактирующих с восточнославянскими языками. Несмотря на то, что эти примеры зафиксированы в опубликованных томах SGOWM, а один приведен в классической работе по говорам севера Польши [Nitsch 1954: 288], они не привлекли внимания исследователей. Всего имеется пять примеров (с учетом повтора), приведенных выше, и указание в словарной статье *panienka*: «GApl *-ów*» без примера [SGOWM 2014: 23]. Если рассматривать мазурские говоры как единую систему[1], то можно представить следующую статистику (таблица №1), основанную на соотношении примеров в вышедших томах SGOWM[2].

Таблица 1

Соотношение форм ACC.PL=GEN.PL и ACC.PL=NOM.PL у анимальных существительных мужского рода и у одушевленных существительных женского рода в мазурских говорах

	ACC.PL=GEN.PL	ACC.PL=NOM.PL
мужской род (названия животных)	7 (58%)	13 (34%)
женский род (названия животных и лиц)	5 (42%)	25 (66%)

Для случаев проявления синкретизма ACC.PL=GEN.PL у имен женского рода можно предложить разные объяснения, которые, впрочем, всякий раз оказываются объяснениями ad hoc. Так, в примерах (17) и (18) представлены сочетания с числительным и с личным местоимением, что могло способствовать появлению формы ACC.PL=GEN.PL, ср. ситуацию в говоре Венчурки и в нижнелужицком языке; в примере (19) употребление формы ACC.PL=GEN.PL могло обусловить скопление форм GEN в данном сочетании; в примере (16) можно предположить форму GEN с количественным значением или эллипсис квантификатора *duzo* ‘много’, требующего такой формы.

[1] Такое допущение, однако, является довольно смелым, поскольку при известной общности мазурские говоры разделены целым рядом фонетических и морфологических изоглосс.

[2] Обследование затруднено тем, что далеко не для всех существительных приводятся формы ACC.PL. Примеры приходится извлекать не только из статей, посвященных интересующим нас лексемам, но и из всех остальных.

Малочисленность примеров не позволяет сделать надежный вывод об ареале распространения данного явления. Тем не менее локализация имеющихся примеров синкретизма ACC.PL=GEN.PL анимальных и персональных существительных женского рода на юге центральной и западной частей мазурских говоров заслуживает внимания (см. Рис. 1). Конечно, другие примеры, если они будут обнаружены, могут дать разброс на более обширной территории.

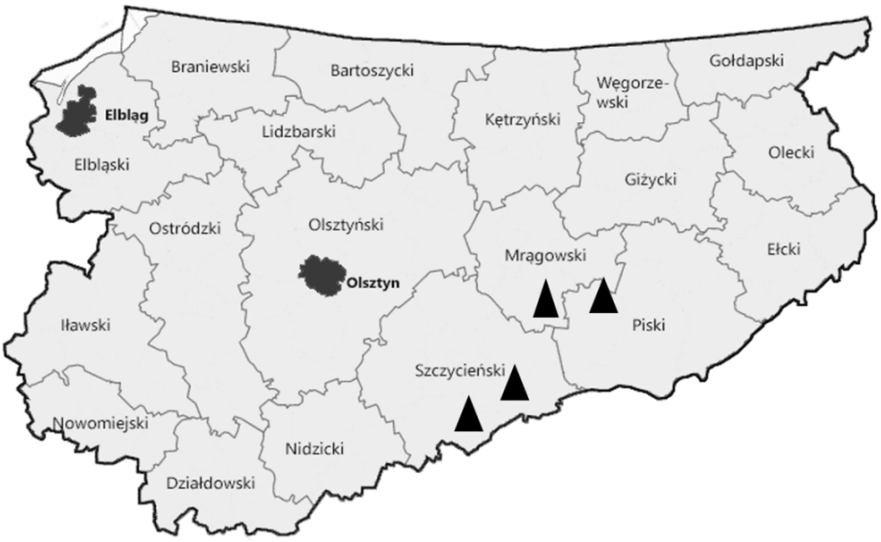


Рис. 1. *На карте Варминьско-Мазурского воеводства треугольниками обозначены населенные пункты, в которых зафиксированы примеры (16–19)*

Данные островных польских говоров

Островной переселенческий говор в Хакасии и в Красноярском крае РФ[1] демонстрирует распространение форм ACC.PL=GEN.PL у всех одушевленных существительных. В этом говоре достаточно отчетливо выделяются классы персональных существительных мужского рода, у которых синкретизм ACC.PL=GEN.PL почти обязателен, и остальных существительных, обозначающих живые существа, у которых он факультативен: (20) *i* ***šv'ińof*** ACC.PL=GEN.PL *i* ***krovof*** ACC.PL=GEN.PL *i* ***genšof*** ACC.PL=GEN.PL *fśex pobrizgam* 'и свиней, и коров, и гусей – всех побрызгаю'; (21) *i* ***kobžituf*** ACC.PL=GEN.PL *i* ***xłopuf*** ACC.PL=GEN.PL *fśex*

[1] Распространен в д. Александровка Краснотуранского р-на Красноярского края и в с. Знаменка Боградского р-на Республики Хакасия (на 2013 год около 60 носителей). Восходит к мазурской группе говоров мазовецкого диалекта. См. [Егоров 2016], [Skorwid 2017], [Stupiński 2008], [Stupiński 2009].

pozab'iral'i ‘и женщин, и мужиков – всех позабирали’; (22) *una pasła* ***kuńe***[ACC.PL=NOM.PL] */ tix / jak mi ix nazivami / kiž́aki / pasła* ***kiž́akuf***[ACC.PL=GEN.PL] ‘она пасла коней, этих, как мы их называем, жеребята, пасла жеребят’; (23) *posła* ***krovi***[ACC.PL=NOM.PL] *doiť́ / f sofxože doiła* ***krovuf***[ACC.PL=GEN.PL] ‘пошла коров доить, в совхозе доила коров’. Как видно из последних двух примеров, варьирование отмечается даже в соседних клаузах в речи одного носителя. Количественное соотношение примеров представлено в таблице 2.

Таблица 2

Соотношение форм ACC.PL=GEN.PL и ACC.PL=NOM.PL у анимальных существительных мужского рода и у одушевленных существительных женского рода в польском (мазурском) переселенческом говоре

	ACC.PL=GEN.PL	ACC.PL=NOM.PL
мужской род (названия животных)	6 (27%)	6 (25%)
женский род (названия животных и лиц)	16 (73%)	18 (75%)

Сопоставимая частотность форм ACC.PL=GEN.PL и ACC.PL=NOM.PL одушевленных существительных женского рода показывает, что синкретизм ACC.PL=GEN.PL у них нельзя назвать маргинальным явлением. Его распространение может объясняться влиянием русского языка, но вместе с тем речь может идти о развитии черты, присущей уже диалектам на исходной территории. Фонетические и морфологические особенности данного переселенческого говора позволяют считать его прародиной именно ту территорию в рамках мазурского региона, где зафиксированы аналогичные формы ACC.PL=GEN.PL [Егоров 2013: 109].

Существует единственный контекст, в котором для персональных существительных мужского рода возможна форма ACC.PL=NOM.PL. Парадоксальным образом это именно тот контекст, который в других идиомах способствует появлению форм ACC.PL=GEN.PL, ср. говор Венчурки и нижнелужицкий язык. Это сочетания с числительными *dva* и *tři*[1]: (24) ***dva sini*** *mam i curk'e* ‘двух сыновей имею и дочь’; (25) *dva mam / ʒ́eć́i dva /* ***dva šurk'i*** ‘двоих имею, детей двоих, два мальчика[(?)] / двух мальчи-

[1] Подобная форма ACC.PL=GEN.PL в сочетании с числительным *štyry* отмечена и в мазурских говорах на исходной территории, ср. пример (18).

ков’; (26) ***dva ʒ́efcak’i*** *połucuł* ‘двух девочек получил’; (27) ***tři vnuk’i*** *mam* ‘трех внуков имею’; ср. аналогичную форму на исходной территории мазурских говоров: (28) *mńałam šešć́ ʒ́eć́i*, ***dva xłopak’i*** *i šteri ʒ́efčini* ‘имела шесть детей, два мальчика и четыре девочки’ [SGOWM 1991: 166].

Лексемы из примеров (24–28) обозначают невзрослых людей (молодых или младших родственников), т. е. образуют достаточно четко очерченную семантическую группу. В [Skorwid 2017: 468] эти формы объясняются просто сохранением старого окончания ACC.PL. Можно предположить, что стимулом для сохранения старой флексии именно у этой группы существительных стало сохранение дуального окончания ACC.DU *-y* > *-i* у лексемы *sin* ‘сын’. Старое окончание ACC.PL могло сохраняться в силу аналогии с группами типа **dъva syny* на основании фонетической идентичности и семантической близости.

Употребленные независимо или в сочетании с личным местоимением числительные в функции NOM имеют равную GEN форму в том случае, если они референтны группе людей. Таким образом, здесь выражается персональность существительных мужского и женского рода. Эти формы ACC=GEN изофункциональны русским собирательным числительным в абсолютном употреблении (см. о них пункт 5.2.4 в [Сичинава 2012]): (29) ***pš́eńčux nas...*** *pš́eńč́ šostr tutaj rodnix* ‘пятеро нас… пять сестер здесь родных’; (30) *no ʒ́eńka bogu, co u mńe ʒ́eć́i su* / ***seš́čux jex*** ‘но слава Богу, что у меня дети есть, шестеро их’; (31) ***dvux třex*** *tak zijo normalno* / *kto moze* ‘двое, трое так живут нормально, кто может’. Собственно собирательные числительные в мазурских говорах отсутствуют. Они замещены формами равными GEN, как в примерах (29–31). Однако употребление этих форм отличается от употребления русских собирательных числительных. В частности, не встречается употребление формы, эквивалентной собирательному числительному, в сочетании с существительным женского рода, типа рус. разг. *пятеро сестер*: ср. пример (29).

Формы ACC.PL=GEN.PL, как в примерах (20–23) из мазурского переселенческого говора в Сибири, обнаружены и в малопольско-силезском переселенческом польском говоре в Иркут-

ской области РФ[1]. Эти формы и здесь зафиксированы наряду с формами ACC.PL=NOM.PL, ср. (35–36). Примеры из [Mitrenga-Ulitina 2015: 119]: (32) *dvanaśće lod m'aų̯ jak pas* ***ov'ec***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ ‘двенадцать лет ему было, когда он пас овец’; (33) *cynsto byvo* / *u̯uželknum* ***kruf***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ / *to vydoi̯ić ńe i̯iźe* ‘часто бывает, сглазят коров, тогда подоить не получается’; (34) *pšyn'esu̯a* (*urodziła*) ***dvuχ curkuf***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ ‘принесла (родила) двоих дочерей’; (35) *čšymali my* ***krovy***$^{\text{ACC.PL=NOM.PL}}$, ***śv'ińe***$^{\text{ACC.PL=NOM.PL}}$, ***u̯ofce***$^{\text{ACC.PL=NOM.PL}}$ ‘держали мы коров, свиней, овец’; (36) *Krysa m'oų̯* ***curk'i***$^{\text{ACC.PL=NOM.PL}}$ ‘Крыса имел дочерей’. Светлана Митренга-Улитина отмечает, что примеры, подобные (32–34), не слишком широко представлены в обследованном материале [Mitrenga-Ulitina 2015: 119]. Надежных сведений о формах ACC.PL=GEN.PL в исходных говорах Домбровского угольного бассейна нет. Эта территория находится несколько западнее той крайней точки, откуда имеются примеры ACC.PL=GEN.PL для анимальных существительных мужского рода. Распространение синкретизма ACC.PL=GEN.PL у существительных женского рода в данном переселенческом говоре с большой степенью вероятности является следствием контакта с русским языком.

Периферийные польские диалекты (пол. *polszczyzna kresowa*) на территории Белоруссии и Украины, находящиеся в настоящее время в островной ситуации, также демонстрируют синкретизм ACC.PL=GEN.PL у одушевленных существительных всех родов: (37) *v'iźa curkof* ‘вижу дочерей’, (38) *v'iźa kogutof* ‘вижу петухов’ [Масленникова 2001: 441]. Это объясняется адстратным влиянием белорусского и украинского языков. Распространение синкретизма ACC.PL=GEN.PL в белорусском совпадает с ситуацией в русском литературном языке. В украинском же языке и некоторых русских говорах [Крысько 1994: 124] синкретизм ACC.PL=GEN.PL факультативен для анимальных существительных, ср. ACC.PL=NOM.PL *бачив коні*, наряду с ACC.PL=GEN.PL *бачив коней* [Shevelov 1993: 958].

Данные карпаторусинских идиомов

В лемковских говорах в Польше и в русинских диалектах на территории Словакии формы ACC.PL=GEN.PL отмечаются

[1] Распространен в с. Вершина Боханского р-на Иркутской области. Восходит к говорам Домбровского угольного бассейна, переходной малопольско-силезской области. См. [Mitrenga-Ulitina 2015].

только у персональных существительных мужского рода: (39) русин. *мам* ***двох братїв***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ ‘имею двоих братьев’; (40) лемк. ***єдных моіх братів***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ *выселили* ‘одних моих братьев выселили’; (41) лемк. *мала лем* ***дві дружкы***$^{\text{ACC.PL=NOM.PL}}$ *і* ***двох дружбів***$^{\text{ACC.PL=GEN.PL}}$ ‘я имела двух подружек и двух друзей’; но: (42) русин. *там зьме малі* ***коровы***$^{\text{ACC.PL=NOM.PL}}$ ‘там мы имели коров’; (43) русин. *малі зьме там* ***коні***$^{\text{ACC.PL=NOM.PL}}$ ‘мы имели там коней’; (44) русин. *майме* ***дївкі***$^{\text{ACC.PL=NOM.PL}}$ ‘поимеем девочек’; (45) лемк. *мали мы іщы зі собом* ***дві коровы***$^{\text{ACC.PL=NOM.PL}}$ ‘имели мы еще с собой двух коров’ [CSR]. Такое распространение синкретизма ACC.PL=GEN.PL аналогично состоянию в словацком и польском литературном языках. Однако в словацком варианте литературного русинского формы ACC.PL=GEN.PL закрепляются и за анимальными существительными мужского рода [Плїшкова, Ябур 2009: 69–72].

Карпаторусинские диалекты на территории Украины демонстрируют иную картину. В говоре села Торунь, согласно данным в [Николаев, Толстая 2001: 19], у всех существительных в формах множественного числа распространен синкретизм ACC=NOM, т. е. ACC.PL=GEN.PL в системе этого говора вообще отсутствует. Однако в Корпусе разговорного русинского языка отмечаются формы ACC.PL=GEN.PL из соседних говоров: (46) *малам* ***трьох хлопцю*** ‘имела трех мальчиков’; (47) *дуже много поприїзжало такі за* ***зятю*** *за* ***невіст*** *сюда* ‘очень много поприезжало тоже в качестве зятьев, в качестве невест’; (48) *маву* ***двох коз*** ‘имею двух коз’ [CSR]. Наряду с ними встречаются и формы ACC.PL=NOM.PL у анимальных существительных обоих родов: (49) ***дві коровы*** *маву* ‘две коровы имею’; (50) *я пасла* ***коровы*** *на поли* ‘я пасла коров на поле’; (51) *треба было на вийчур* ***коні*** *спровадити* ‘нужно было на вечер коней отвести’ [CSR]. Состояние системы, при котором синкретизм ACC.PL=GEN.PL обязателен только для персональных существительных обоих родов, но факультативен для анимальных, соответствует ситуации в украинском литературном языке.

Выводы

Ареал западно- и восточнославянских языков с точки зрения распространения синкретизма ACC.PL=GEN.PL образует континуум. В самой западной части этого континуума данный синкретизм у существительных вообще отсутствует (литературный чеш-

ский и большинство чешских диалектов), в восточной имеет максимальное распространение (русский и белорусский языки). Переходные стадии демонстрируют на западе польский и словацкий языки и их диалекты, на востоке – украинский язык. Постепенный охват синкретизмом ACC.PL=GEN.PL новых лексических групп соответствует «иерархии одушевленности»: личные местоимения > персональные существительные > анимальные существительные > существительные, обозначающие предметы и понятия (неодушевленные). На западе данного континуума указанный синкретизм закреплен только у личных местоимений (прежде всего 1-го и 2-го лица), занимающих высшую позицию в иерархии, восточнее же он доходит до низшей позиции, т. е. до анимальных существительных. Разные участки этого континуума отражают разные этапы исторического развития славянских языков. Чешская система наиболее архаична; русская и белорусская, а также система говора Венчурки наиболее инновативны. Специфика западнославянского развития по сравнению с восточнославянским состоит в распространении синкретизма ACC.PL=GEN.PL лишь у существительных мужского рода; исключением являются мазурские говоры. В восточнославянских же языках этот синкретизм сначала закрепился у персональных существительных обоих родов и лишь затем распространился на анимальные [Крысько 1994: 99–103].

Распространению рассматриваемого синкретизма из субпарадигмы множественного числа лексем, стоящих выше в иерархии одушевленности, на лексемы, занимающие более низкие позиции, безусловно, способствовал аналогичный синкретизм в субпарадигме единственного числа, ср. словацкие говоры и говор Венчурки. В последнем синкретизм ACC.PL=GEN.PL в определенных контекстах перестал маркировать одушевленность, охватив и неодушевленные существительные мужского рода. Этот процесс происходил без какого-либо иноязычного влияния.

При языковом контакте (и особенно в островной ситуации) идиом, в котором синкретизм ACC.PL=GEN.PL изначально имел меньшее распространение, расширяет его, стремясь выровнять асимметрию между исходной системой и системой доминирующего языка окружения. Имеющиеся формальные средства начинают использоваться для выражения иной семантики, а именно той, которая выражается этими же или эквивалентными (ср. «собирательные числительные» в мазурских говорах) средствами в доминирующем языке. Остается неясным, возможно ли обратное разви-

тие: сужение сферы распространения синкретизма ACC.PL=GEN.PL. Теоретически это можно было бы предполагать в островных русских говорах старообрядцев в Польше, однако релевантных сведений о границах выражения одушевленности существительных в ACC.PL в этих говорах нет. Данные карпаторусинских идиомов также не позволяют ответить на этот вопрос, так как отсутствуют свидетельства того, что в лемковских диалектах в Польше и в русинских диалектах в Словакии синкретизм ACC.PL=GEN.PL был когда-либо последовательно распространен у существительных женского рода.

Список сокращений

лемк. – лемковский, пол. – польский, разг. – разговорный, рус. – русский, русин. – русинский, ACC – винительный падеж, DU – двойственное число, GApl – родительный и винительный падеж множественного числа (сокращение, принятое в [SGOWM]), GEN – родительный падеж, NOM – именительный падеж, PL – множественное число, SG – единственное число

Литература

Егоров И. М. Фонетические особенности польского переселенческого говора в Республике Хакасия и Красноярском крае // Полевые исследования студентов РГГУ VIII. М., 2013. С. 98–109.

Егоров И. М. Польский переселенческий говор в Республике Хакасия и в Красноярском Крае РФ // Slavia Occidentalis 73/1. Poznań, 2016. С. 48–59.

Ильченко О. С. История категории одушевленности в русском языке. СПб., 2011.

Крысько В. Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Масленникова Л. И. Польский периферийный диалект // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в 3-х томах. Т. 2. М., 2001. С. 433–442.

Николаев С. Л., Толстая М. Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.

Плїшкова А., Ябур В. Сучасный русиньскый списовный язык. Пряшів, 2009.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Сичинава Д. В. Числительное. 2012 // Русская корпусная грамматика. Электронный ресурс. Режим доступа: http://rusgram.ru/Числительное, дата обращения: 28.01.2018.

Скорвид С. С. К типологии инославянских переселенческих говоров в России // Slověne = Словѣне. Vol. 6. No 1, 2017. С. 449–484.

Balhar J. et al. Český jazykový atlas 4. Praha, 2002.

Bańko M. Wykłady z polskiej fleksji. Warszawa, 2012.

Corpus of Spoken Rusyn. Электронный ресурс. Режим доступа: http://parasolcorpus.org/Varchola1/index.php. Дата обращения: 01.04.18.

Dejna K., Polskie elementy językowe w gwarze czeskiej wsi Kuców koło Bełchatowa // Z polskich studiów slawistycznych. Seria V. Warszawa, 1978. S. 221–231.

Klenin E. Animacy, Personhood // Kempgen S., Kosta P., Berger T., Gutschmidt K. (Hrsgb.). Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung / An International Handbook of their Structure their History and their Investigation. B. 1. Berlin – New York, 2009. P. 152–161.

Krajčovič R. Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava, 1988.

Kucała M. Rodzaj gramatyczny w historii polszczyzny. Wrocław, 1978.

Mitrenga-Ulitina S. Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii. Lublin, 2015.

Nitsch K. Dialekty polskie Prus Wschodnich // Wybór pism polonistycznych. T. III: Pisma Pomorzoznawcze. Wrocław – Kraków, 1954. S. 397–467.

Nitsch K. Dialekty języka polskiego. Wrocław, 1958.

Pauliny E. Vývin slovenskej deklinácie. Bratislava, 1990.

Shevelov G. Y. Ukrainian // The Slavonic Languages. Ed. Comrie B., Corbett G. G. London – New York, 1993. P. 947–998.

SGOWM – Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur. Red. Perzowa H. Kołodziejczykowa D., Perzowa H., Stamirowska Z., Sobolewska K. T. 1–6. Warszawa – Kraków, 1987–2014.

Skorwid S. *Nu... pr¨ivet peredavajta, co tu tak¨e Mazur¨i, Polak'i luterany su...* Jeszcze raz o "polszczyźnie okolic Krasnojarska" na tle innych przesiedleńczych gwar słowiańskich w Rosji // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. T. LXIV. Łódź, 2017. S. 289–302.

Stupiński E. Geneza polszczyzny w okolicy Krasnojarska // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. T. LIII. Łódź, 2008. S. 207–218.

Stupiński E. Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN. T. LIV. Łódź, 2009. S. 197–204.

Tobjański Z. Czesi w Polsce. Kraków, 1994.

Резюме

Статья посвящена проблеме трансформации категорий одушевленности и персональности в ситуации межславянского языкового контакта. Целью настоящей статьи является установить, какие изменения претерпела категория одушевленности (персональности) в ряде островных говоров. Рассматривается материал чешских и польских переселенческих говоров, а также материал русинских идиомов, находящихся в островной ситуации. Материал переселенческих говоров последовательно сопоставляется с данными диалектов на исходной территории. Общая тенденция развития грамматики островных диалектов состоит в стремлении к выравниванию асимметрии между системой островного идиома и языка окружения. Синкретизм ACC.PL=GEN.PL, являющийся главным маркером одушевленности (персональности), имеет разный охват лексики в славянских языках. В островных говорах данный синкретизм стремится к распространению на те же группы лексем, для которых он характерен в доминирующем языке окружения. В отдельных диалектах распространение синкретизма ACC.PL=GEN.PL происходит и без иноязычного влияния.

Ключевые слова: контактные языки, славянские диалекты, одушевленность, персональность, падежный синкретизм

CATEGORY OF ANIMACY (PERSONHOOD) IN THE SITUATION OF THE INTERSLAVIC LANGUAGE CONTACT

Ilia M. Egorov
research fellow, Johannes Gutenberg-University Mainz
i.m.jegorow@gmail.com

Summary

The article deals with the problem of transformation of animacy and personhood in the situation of Interslavic language contact. The aim of the present paper is to identify what kind of changes category of animacy (personhood) have undergone in several island dialects. This problem is considered on the material of Polish and Czech (primarily immigrant) dialects and Ruthenian idioms that are also in the situation of language island. The data of immigrant dialects were consistently compared with the dialects in the original territory. The data of each idiom were considered against the background of West and East Slavic language landscape. The main trend in the development of the grammar of the island dialect in the surrounding of the closely related language is to level the asymmetry between grammar system of this dialect and the system of dominant language. The ACC.PL=GEN.PL syncretism, that is the main marker of animacy (or of personhood), has a different coverage of vocabulary in Slavic

languages. In the island dialects the syncretism tends to spread to those groups of lexemes, for which it is characteristic in the surrounding language. In some idioms the spread of the ACC.PL=GEN.PL syncretism occurs without foreign influence.

Keywords: language contact, Slavic dialects, animacy, personhood, case syncretism

References

Balhar J. et al. Český jazykový atlas 4 [Czech language atlas 4]. Prague, 2002.

Bańko M. Wykłady z polskiej fleksji [Lectures on Polish inflection]. Warsaw, 2012.

Corpus of Spoken Rusyn. Online publication. Available at http://parasolcorpus.org/Varchola1/index.php. Accessed 01.04.18.

Dejna K. Polskie elementy językowe w gwarze czeskiej wsi Kuców koło Bełchatowa // Z polskich studiów slawistycznych. Seria V. [Polish language features in the Czeck dialect of the village of Kuców in Bełchatów County // From the Polish Slavic Studies. Series 5]. Warsaw, 1978. P. 221–231.

Egorov I. M. Foneticheskie osobennosti pol'skogo pereselencheskogo govora v Respublike Khakasiya i Krasnoyarskom krae // Polevye issledovaniya studentov RGGU VIII [Phonetic features of the Polish immigrant dialect in the Republic of Khakassia and Krasnoyarsk Krai // Field researches of students of RSUH VIII]. Moscow, 2013. P. 98–109.

Egorov I. M. Pol'skij pereselencheskij govor v Respublike Khakasiya i v Krasnoyarskom Krae RF [Polish immigrant dialect in the Republic of Khakassia and Krasnoyarsk Krai] // Slavia Occidentalis 73/1. Poznań, 2016. P. 48–59.

Il'chenko O. S. Istoriya kategorii odushevlennosti v russkom yazyke [History of the category of animacy in Russian language]. Saint Petersburg, 2011.

Klenin E. Animacy, Personhood // Kempgen S., Kosta P., Berger T., Gutschmidt K. (Hrsgb.). Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung / An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation. B. 1. Berlin – New York, 2009. P. 152–161.

Krajčovič R. Vývin slovenského jazyka a dialektológia [The history of Slovak language and dialectology]. Bratislava, 1988.

Krys'ko V. B. Razvitie kategorii odushevlennosti v istorii russkogo yazyka [Development of the category of animacy in the history of Russian language]. Moscow, 1994.

Kucała M. Rodzaj gramatyczny w historii polszczyzny [Grammatical gender in the history of Polish language]. Wrocław, 1978.

Maslennikova L. I. Pol'skij periferijnyj dialekt // Yazyki Rossijskoj Federacii i sosednikh gosudarstv. Enciklopediya v 3-kh tomakh. [Kresy dialect // The languages of Russia and adjacent states. Encyclopedia in 3 volumes]. Vol. 2. Moscow, 2001. P. 433–442.

Mitrenga-Ulitina S. Język polski mieszkańców wsi Wierszyna na Syberii. [The Polish language of the inhabitants of the village of Wierszyna in Siberia]. Lublin, 2015.

Nikolaev S. L., Tolstaya M. N. Slovar' karpatoukrainskogo torun'skogo govora s grammaticheskim ocherkom i obrazcami tekstov [Dictionary of Carpato-Ukrainian Torun dialect with a grammatical essay and samples of texts]. Moscow, 2001.

Nitsch K. Dialekty polskie Prus Wschodnich // Wybór pism polonistycznych. T. III: Pisma Pomorzoznawcze [Polish dialects of East Prussia // Selected studies on Polish language. Vol. 3: Pomeranian studies]. Wrocław – Cracow, 1954. S. 397–467.

Nitsch K. Dialekty języka polskiego [Dialects of Polish language]. Wrocław, 1958.

Pauliny E. Vývin slovenskej deklinácie. [The history of the Slovak declination]. Bratislava, 1990.

Plïshkova A., Yabur V. Suchasnyj rusin'skyj spisovnyj yazyk [Modern literary Ruthenian language]. Prešov, 2009.

Plungyan V. A., The Introduction Into Grammatical Semantics: Grammatical Meaning and Grammatical Systems of the World's Languages. Moscow, 2011.

Shevelov G. Y. Ukrainian // The Slavonic Languages. Ed. Comrie B., Corbett G. G. London – New York, 1993. P. 947–998.

Sichinava D. V. Chislitel'noe. 2012 // Russkaya korpusnaya grammatika [Numerals. 2012 // Russian Corpus Grammar]. Online publication. Available at http://rusgram.ru/Числительное, Accessed 28.01.2018.

Skorvid S. S. K tipologii inoslavyanskikh pereselencheskikh govorov v Rossii [On the typology of Slavic immigrant dialects in Russia] // Slověne. Vol. 6. No 1, 2017. P. 449–484.

SGOWM – Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur [Dictionary of Ostróda, Warmia and Masuria region dialects]. Vol. 1–6. Ed. Kołodziejczykowa D., Perzowa H., Stamirowska Z., Sobolewska K. Warsaw – Cracow, 1987–2014.

Skorwid S. *Nu... pr˙ivet peredavajta, co tu tak˙e Mazur˙i, Polak'i luterany su...* Jeszcze raz o "polszczyźnie okolic Krasnojarska" na tle innych przesiedleńczych gwar słowiańskich w Rosji // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN [*Well... greet everybody and tell that such Masures, Polish Lutherans live here...* Once again about "Polish language in the area of Krasnoyarsk" against the background of other Slavic immigrant dialects in Russia// Dissertations of Language Committee of Lodz Learned Society]. Vol. 64. Łódź, 2017. P. 289–302.

Stupiński E. Geneza polszczyzny w okolicy Krasnojarska // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN [The genesis of Polish language in Krasnoyarsk vicinity // Dissertations of Language Committee of Lodz Learned Society]. Vol. 53. Łódź, 2008. P. 207–218.

Stupiński E. Wpływy wschodniosłowiańskie na polszczyznę okolic Krasnojarska // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN [Eastern slavic influence on Polish language in Krasnoyarsk vicinity // Dissertations of Language Committee of Lodz Learned Society]. Vol. 54. Łódź, 2009. P. 197–204.

Tobjański Z. Czesi w Polsce [Czech people in Poland]. Cracow, 1994.

О ФУНКЦИЯХ АОРИСТА В НАРРАТИВЕ СЕРБСКОЙ ПРОЗЫ

Егорова Мария Александровна
аспирант Института Лингвистики РГГУ,
drajenka@gmail.com

Введение

Система прошедших времён сербскохорватского языка включает две синтетические формы прошедшего времени — имперфект и аорист — и как минимум две аналитические — перфект и плюсквамперфект.

Употребление аналитических форм является регулярным и предсказуемым. Перфект представляет собой дефолтную форму прошедшего времени, выражая «действия, которые совершались или совершились в прошлом» [Гудков 1969: 55]. В современном сербскохорватском языке перфект оттеснил другие претеритные формы и, по всей видимости, в зоне прошлого нет таких контекстов, в которых он не мог бы быть употреблён [Стевановић 1989: 605-606][1]. Плюсквамперфект, или предпрошедшее время, используется для выражения действий, «которые осуществлены или осуществлялись ранее других действий, или случились в далёком прошлом» [Гудков 1969: 56][2].

---

[1] Здесь может последовать справедливое возражение, что название ‘перфект’ (серб.-хр. ‘перфек(а)т’) не подходит для данного случая. В грамматических описаниях ярлык ‘перфект’ по традиции сохраняется, несмотря на то что его неадекватность была отмечена сербскими грамматистами [Стевановић 1989: 605]. В [Тошович 2006] для этой формы используется более нейтральный ярлык ‘прошедшее время’.

[2] Здесь следует заметить, что условия употребления плюсквамперфекта менее тривиальны, чем может показаться на первый взгляд. Так, в следующих контекстах, где мы ожидали бы появления плюсквамперфекта, употребляется обычный перфект:

(i) *Tada se ona podiže sa snahama svojima da se vrati iz zemlje moavske, jer ču da* ***je*** *Gospod* ***pohodio*** *narod svoj davši mu hljeba* [Maretić 1963: 617]

‘Тогда встала она с невестками своими, чтобы вернуться из земли Моава, ибо услышала, что Господь **посетил** народ свой, дав ему хлеба’.

(ii) *Nekoliko puta i na stolu u prizemnom sobičku jedne bakice-bogomoljke, koja je radila kao garderoberka u pozorištu, a ja je oslovljavao neprestano sa »kumo«, jer* ***je*** *nekada davno* ***dolazila*** *u kuću moga oca, gde* ***su*** *je isto tako* ***zvali*** [Kapor 1975: 18]

‘Несколько раз [я ночевал] и на столе в подвальной комнатке одной старушки-богомолки, которая работала гардеробщицей в театре, а я её всё время называл «кума!», потому что когда-то давно она **приходила** в дом моего отца, где её **звали** точно так же’.

В тех же случаях, когда мы находим плюсквамперфект, он выражает результирующее состояние в прошедшем [Сичинава 2013: 25-28], причём, видимо, не любое, а значимое (с точки зрения автора высказывания):

Говоря об аналитических временах зоны прошлого, в дополнение к перфекту и плюсквамперфекту следует упомянуть хабитуалис, который не имеет собственных средств выражения; его формы омонимичны формам сослагательного наклонения[1].

Употребление синтетических времён — аориста и имперфекта — намного более специфично. Во-первых, в современном сербскохорватском языке они находятся в дополнительном распределении: аорист образуется почти исключительно от основ совершенного вида, тогда как имперфект, напротив, от основ несовершенного вида [Гудков 1969: 56-57; Maretić 1963: 232; Стевановић 1989: 633, 655][2]. Во-вторых, имперфект и аорист имеют ограниченную функциональную дистрибуцию: они малоупотребительны в разговорном языке, неприемлемы в текстах официально-делового стиля и почти не встречаются в публицистических и научных текстах, за исключением устойчивых выражений типа *како рекосмо* ‘как мы [уже] сказали, как [уже] было сказано’[3] [Гудков 1969: 57-58; Тошович 2006: 194; Стевановић 1989: 632].

Основная сфера употребления сербскохорватских синтетических претеритов — язык художественного повествования. Так, в [Гудков 1969: 56-57] читаем, что формы аориста «применяются главным образом в художественном повествовании», а импер-

---

(iii) *Имам само мајку, која је стигла једино мене да роди, а отац* ***је*** *већ* ***био отишао*** *у рат*. [Гудков 1969: 123]

‘У меня есть только мать, которая успела одного меня родить, когда отец уже **ушёл** на войну’.

(iv) *И мени и Јакову се у том часу учинише и сићушњи и туђи и некако опустошени као да* ***су били изгубили*** *нешто што се више не може ни наћи ни прежалити!* [Зайцева, Стоянович, Милютина 2003: 247]

‘И мне, и Якову в тот момент они показались и мелкими, и чужими, и как будто опустошёнными, словно **потеряли** что-то, что больше невозможно ни найти, ни позабыть’.

Семантика сербскохорватского плюсквамперфекта, несомненно, требует дальнейшего исследования.

[1] В традиционных описаниях сербскохорватского языка хабитуалис не выделяется в отдельную категорию: принято говорить, что «формы сослагательного наклонения используются в повествовании также для выражения действий, неоднократно повторявшихся в прошлом» [Гудков 1969: 61].

[2] Судя по анализу аористов от основ несовершенного вида в [Стевановић 1989: 633-644], в более раннюю эпоху состояние сербскохорватского — по крайней мере, в части его диалектов — было близко к состоянию, описанному в [Comrie 1976: 23] для болгарского, где показатели и аориста, и имперфекта свободно комбинируются как с основами совершенного вида, так и с основами несовершенного вида.

[3] Буквально ‘как сказать.AOR.1PL’.

фект «встречается у некоторых писателей в повествовании и почти никогда — в диалогах».

Но если имперфект встречается исчезающе редко[1], то формы аориста не только не склонны к исчезновению[2], но и «обретают новую жизнь в интернет-форумах, чатах, sms-сообщениях и в электронной почте» [Тошович 2006: 205][3].

Итак, употребление аориста ограничено разговорным и литературно-художественным стилями. При этом, как отмечают специалисты ([Maretić 1963: 616-618; Стевановић 1989: 633; Тошо-

---

[1] Согласно [Тошович 2006: 199], «имперфект находится в стадии исчезновения».

[2] Полное исчезновение аориста предсказывал в прошлом веке хорватский лингвист Томо Маретич, см. [Тошович 2006: 195].

[3] В приводимых в [Тошович 2006: 205-213] примерах часто подчёркивается устаревший и "поэтический" характер аориста, так что авторы сообщения считают нужным пояснить / прокомментировать выбор данной формы:

(i) *Baš tako, aorist se upotrebljava vrlo rijetko, a zvuči lirski, puno ljepše od samog perfekta.*

'Именно так, **аорист употребляется очень редко**, **а звучит лирично**, намного лучше простого [букв. 'чистого'] перфекта'.

(ii) *Zakaj sve u aoristu pišeš??? E... da mi nisi reko, ne bih ni skužio... fakat nemam pojma zakaj. Uostalom, pa nije nit aorist tak loš. Možda je to do proljeća pa me neki pjesnički nagon navodi da se tako pomalo nesvakodnevno i lirsko-epsko-ne baš-sasvim-zdravorazumski izražavam.*

'Почему ты всё пишешь в аористе??? Ээ… если бы [ты] мне не сказал, я бы и не заметил... на самом деле я понятия не имею, почему. Кстати, аорист вовсе не так плох. Может быть, это по весне какой-то **поэтический** инстинкт побуждает меня выражаться таким **немного неповседневным**, **лироэпическим** и не вполне здравомыслящим образом'.

(iii) <…> *evo jedno od mogućih rješenja tvojeg problema (kaj ne voliš da ti se obraćaju u ženskom rodu) <...> problemi nastaju sa perfektom al tomu se da doskočiti ako upotrijebiš aorist ili imperfekt, jest da ćeš zvučati malo neobično, al i simpatično bar meni.*

'<…> вот одно из возможных решений твоей проблемы (если не любишь, чтобы к тебе обращались в женском роде) <…> проблемы начинаются с [употреблением] перфекта, но с этим можно справиться, если употребишь аорист или имперфект; да, ты будешь звучать **немного необычно**, но и симпатично (по крайней мере, на мой взгляд)'.

В ряде случаев авторы сообщений не способны уверенно определить, какую именно форму они употребили (iv) и насколько она уместна (v).

(iv) *Evo **pročitah** ovo na iskonu, pa **se šokirah** (jel to aorist ili imperfekt?)*

'Вот прочитал это вначале и был шокирован (**это аорист или имперфект**?)'

(v) <…> *pa **zavirih** (jel to korektna upotreba aorista ili aorist uopće ili su možda united aorists) na simpsone.*

'<…> и я посмотрел (**будь то правильное употребление аориста, или аорист вообще, или, может быть, "объединённые аористы"**) Симпсонов'.

Приведённые выше примеры, наряду с отмеченными Тошовичем аномалиями (e. g. «необычные» формы аориста (образованные от основ несовершенного вида, не согласующиеся по лицу и числу с подлежащим); наличие этой формы в сообщениях носителей кайкавского диалекта, для которого использование этой формы не характерно, ср. (ii)-(iii) с характерными местоимениями *kaj* 'что', *zakaj* 'почему' вместо стандартных *šta, zašta*), на наш взгляд, противоречат предположению о том, что здесь имеет место фиксация на письме непрерывной, но дотоле "невидимой" устной традиции.

вич 2006: 195]), формы аориста во всех контекстах можно заменить на соответствующие формы перфекта, а в ряде контекстов — также на формы исторического презенса. Обратное неверно: не каждую форму перфекта можно произвольно заменить на аорист.

Исходя из этого, мы полагаем, что аорист в современном сербскохорватском языке **маркирован** в том значении, которое придавал этому термину Р.О. Якобсон, а именно «наделён дополнительной информационной значимостью» [Якобсон 1985: 313]. Можно предположить поэтому, что он имеет некий специфический набор значений и / или функций в тексте.

В настоящей статье мы изложим результаты нашего пилотного исследования, проведенного на материале небольшого массива текстов художественной прозы на сербскохорватском языке. Ни в коей мере не претендуя на полноту, данная статья является лишь пробным камнем в исследовании семантики сербскохорватского аориста.

Общие сведения

Аорист образуется преимущественно от основ совершенного вида при помощи следующего набора окончаний: 1 SG *–h*, 2 SG и 3 SG *–∅*, 1 PL *–smo*, 2 PL *–ste*, 3 PL *–še* [Стевановић 1986: 339-340], [Кречмер, Невекловский 2005: 181][1].

В таблице I приведены в качестве примера парадигмы глаголов *рећи* ‘сказать’ и *пронаћи* ‘найти, обнаружить, открыть’ в том виде, как они обычно встречаются в текстах, т. е. без расстановки акцентов. Полужирным шрифтом выделены окончания аориста.

Таблица 1

Парадигмы аориста сербскохорватских глаголов *рећи* ‘сказать’ и *пронаћи* ‘найти’

	Sg	Pl	Sg	Pl
	рећи ‘сказать’		*пронаћи* ‘найти’	
1 л.	рек**ох**	рек**осмо**	пронађ**ох**	пронађ**осмо**
2 л.	рече	рек**осте**	пронађе	пронађ**осте**
3 л.	рече	рек**оше**	пронађе	пронађ**оше**

В грамматических описаниях сербскохорватского языка сообщается, что аорист «употребляется в повествовании для обозначения событий, которые произошли в прошлом» [Maretić

[1] В грамматическом очерке [Гудков 1969], имеющем более практическую направленность, соединительный гласный –е / -о включён в состав окончаний.

1963: 616], «означает действия, которые происходили или произошли в прошлом, до момента речи» [Стевановић 1989: 631], «выражает не длительное или мгновенное действие в прошлом» [Гудков 1969: 57].

Помимо этого, различные авторы упоминают, что аорист используется для указания на действие, совершившееся недавно, «непосредственно перед моментом речи» [Толстой 2000: 705][1], или на «действие в прошлом, которое действующее лицо (говорящий) заметило или пережило» [Тошович 2006: 194], а также обращают внимание на характерные употребления аориста для выражения удивления, гнева, скорби или упрека [Maretić 1963: 619-620; Стевановић 1989: 645]. В связи с тем, что аорист встречается преимущественно в языке художественной литературы, замечают, что он придаёт живость повествованию [Стевановић 1989: 633], «употребляется в функции усиления динамики текста, живости изложения и большей экспрессивности» [Тошович 2006: 196][2].

Материал и метод исследования

Для нашего исследования мы отобрали небольшой массив текстов — всего 18 отрывков[3] из следующих произведений второй половины XX века: Добрица Ћосић. „Далеко је сунце“, 1951; Антоније Исаковић. „Двоје“, 1953; Бранко Ћопић. „Римљанин без тоге“, 1956; Михаило Лалић. „Лелејска гора“, 1957; Ранко Маринковић. „Понижење Сократа“, 1959; Данило Киш. „Мансарда“, 1962; Драгослав Михајловић. „Кад су цветале тикве“, 1968; Бранимир Шћепановић. „Уста пуне земље“, 1974; Момо Капор. „Фолиранти“, 1975; Драгослав Михајловић. „Чизмаши“, 1983; Борислав Пекић. „Беснило“, 1983; Данко Поповић. „Књига о Милутину“, 1985; Радослав Братић. „Слика без оца“, 1985; Милорад Павић. „Предео сликан чајем“, 1988; Слободан Селенић. „Timor mortis“, 1989; Милорад Павић.

[1] В [Стевановић 1989: 646] это значение названо исконным (серб.-хр. ‘прастаро значење’).

[2] Строго говоря, в изложении Бранко Тошовича остаётся до конца не ясным, является ли ограниченная функциональная дистрибуция аориста следствием его «экспрессивности», или же «экспрессивность» аориста возникает вследствие его ограниченного употребления.

[3] Мы полагаем, что для исследования лучше брать не ограниченные контексты из одного-двух предложений, а более крупные отрезки текста.

„Унутрашња страна ветра“, 1991; Момо Капор. „Зелена чоја Монтенегра“, 1992; Давид Албахари. „Мамац“, 1996[1].

Для этих отрывков мы подсчитали приблизительную частоту форм аориста по отношению к другим претеритным глагольным формам в нарративе[2]. Полученные цифры позволяют сравнивать тексты по частоте употребления аориста. Частота употребления форм аориста в наблюдаемых текстах колеблется от 0 до ~0,6 (см. Диаграмму I)[3].

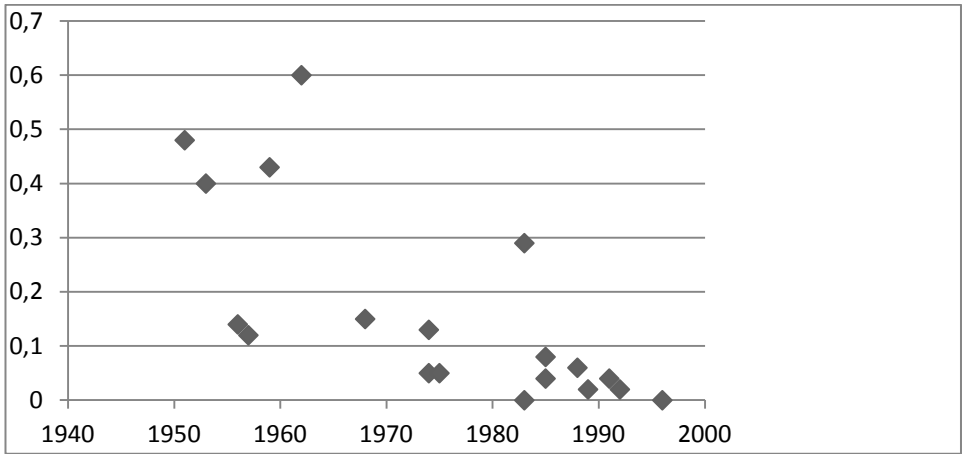


Диаграмма 1. *Частота употребления аориста в текстах*

Крайние полюса этого континуума не представляют особого интереса: в текстах с частотой употребления аориста $> 0{,}25$ форма аориста не сильно маркирована, а в тех, где частота употребления аориста равна 0, она просто не используется[4].

Интерес для нас представляют тексты с частотой употребления аориста > 0 и $\leq 0{,}15$[5], в которых данная форма, по нашим предположениям, должна быть сильно маркирована. Руково-

[1] Мы пользовались следующими изданиями: [Гудков 1969], [Зайцева, Стоянович, Милютина 2003], [Михајловић 1996], [Павић 1993], [Kapor 1975].

[2] При подсчёте учитывались также формы исторического презенса. При подсчёте не учитывались прямая речь, внутренняя речь, диалоги, цитаты.

[3] На Диаграмме I видно, что частота употребления форм аориста постепенно — хотя и не очень плавно — снижается.

Интересно отметить, что в рассказе *Уста пуне земље* для повествования от 1-го лица частота составила 0,13, тогда как для повествования от 3-го лица — 0,05.

[4] Одним из факторов, влияющих на частоту употребления аориста — в том числе на полное отсутствие этой формы — в языке того или иного автора, может стать региональная литературная традиция и /или родной диалект. Диалекты сербскохорватского языка различаются богатством своих глагольных форм: количество последних возрастает при движении с запада на восток. Подробнее см. [Стевановић 1989: 631-633], [Ивић 1994: 28].

[5] На практике тексты с частотой 0,15-0,25 нам не встретились.

дствуясь этими соображениями, мы исключили из рассмотрения неподходящие тексты[1].

По результатам наблюдения над остальными текстами мы выделили следующие кластеры значений / функций аориста.

Типы значений аориста

I. ‘Аористное’

Это базовое значение, представляющее собой комбинацию значений перфектива и прошедшего времени (1)-(3)[2]. Ярлык ‘аористное’ для сочетания значений перфектива и прошедшего времени мы позаимствовали из [Comrie 1976: 12], где обсуждается термин ‘aoristic’:

(1) *Ти, Милутине — **показа** ми он на једну планину, не знам како се зове — видиш само до оне планине, а не видиш шта је и како је иза планине.*

‘Ты, Милутин, — **показал** он мне на какую-то гору, не знаю, как называется, — видишь лишь до той горы, а что и как за горой, не видишь’.

(2) *Она **погледа** то место, **опази** мрљу како се шири и брзо **се опрости**.*

‘Она **посмотрела** на то место, **заметила** расширяющееся пятно и быстро **попрощалась’**.

(3) *Још имам снаге да забодем гранчицу до доњих спратова — **сачеках** неколико тренутака да се накупи жућкаст „мрављи мед“ по гранчици, па је **извукох** и **освјежих** уста.*

‘Мне ещё хватает сил просунуть веточку до нижних этажей [муравейника]: я **подождал** несколько мгновений, чтобы на веточке собрался желтоватый «муравьиный мёд», затем **вытащил** её и **освежил** рот’.

II. ‘Миративные’

Название второго кластера отсылает к термину ‘миративность’ (‘mirativity’), который определяется в [DeLancey 2001: 369] как «маркирование средствами языка высказываний, передающих

---

[1] Ими оказались 5 отрывков с высокой частотой употребления аориста — „Далеко је сунце“, 1951; „Двоје“, 1953; „Понижење Сократа“, 1959; „Мансарда“, 1962 и „Чизмаши“, 1983 — и 2 отрывка с нулевой частотой употребления аориста — „Беснило“, 1983 и „Мамац“, 1996.

[2] Заметим, что аорист может называть как быстрые или почти мгновенные действия (ср. *брзо се опрости* ‘быстро попрощалась’ и *опази* ‘заметила’ в (2), так и действия, имеющие определённую, эксплицитно названную, длительность (ср. *сачеках неколико тренутака* ‘[я] подождал несколько мгновений’ в (3).

новую или неожиданную с точки зрения говорящего информацию».

В этот кластер входят аористы, называющие неожиданное событие (4)-(5), (11), неожиданное и необъяснимое событие (6)-(7), событие, противоречащее ожиданиям (8)-(9) или знаниям о реальности (10)[1]; наконец, случайное событие (11) и случайное событие, имеющее значимые последствия (12)[2]:

(4) *Још док је тако стајао, Свилар* ***чу*** *необичан звук као хучање воде, али воде негде високо у ваздуху.*

‘Пока ещё [он$_i$] так стоял, Свилар$_i$ **услышал** необычный звук, похожий на плеск воды, но воды где-то высоко в воздухе’.

(5) *Да ли се ти бојиш смрти? —* ***упита*** *он Херу изненада.*

‘А ты боишься смерти? — неожиданно **спросил** он Геру’.

(6) *А онда, четрдесет друге, он оде у шуму: једне ноћи Германци дођоше по њега, а он им ћалну готово на очи, још му кревет био топао кад су ушли. Они због нечега* ***не дрпише*** *ни ћалета ни кев*у.

‘А потом, в сорок втором, он ушёл в лес [т.е. в партизаны]: однажды ночью за ним пришли немцы, а он удрал у них практически под носом, его кровать была ещё тёплой, когда они вошли. Они почему-то **не тронули** ни мать, ни отца’.

(7) *Дотле нијесам знао гдје сам, ни куд треба да кренем, али при помисли на катун Јаблан у сјећању се извукоше стране свијета и ја по неком несвјесном струјању* ***нађох*** *најбољи могући правац.*

‘До этого я не знал, ни где я, ни в какую сторону мне двигаться, но при мысли о пастбище Яблан в памяти возникли стороны света и я по какому-то бессознательному наитию **нашёл** наиболее вероятное направление’.

---

[1] В (10) герой, от лица которого ведётся повествование, знает, что перед ним муравейник, но его восприятие расходится с этим знанием, и неожиданным оказывается — на наш взгляд — именно это расхождение знания и восприятия. В (4) неожиданным является расхождение между ожидаемым набором знакомых звуков и воспринимаемым необычным звуком; говоря проще, неожиданным является сам звук. Это, по-видимому, верно для глаголов восприятия в целом: во многих случаях неожиданным является не сам факт восприятия, а его объект.

[2] Мы не считаем данный список исчерпывающим; более того, мы не рассматриваем входящие в него значения как взаимоисключающие. Так, в (11) событие ‘дорога случайно привела меня в Верхний Адровац’ может рассматриваться как неожиданное для говорящего, причём неожиданным является конечный пункт пути. Это же событие может рассматриваться и как случайное, и как внешне случайное, но значимое с точки зрения говорящего.

(8) *Po glavi mi se motala gomila jadnih, nepotrebnih filmova pabirčenih godinama po tri nesrećne kino-dvorane tamo, kod kuće; hteo sam da im nekako objasnim kakve bih sve pravio filmčuge, i tek u neprijatnom ćutanju one učionice* ***saznadoh*** *koliko sam bio glup što sam poverovao njihovim dobrim namerama.*

‘В моей голове крутилась масса жалких, негодных фильмов, виденных за годы [пребывания] в трёх несчастных кинозалах там, дома; я хотел им как-то объяснить, какие бы я стал снимать фильмы, и лишь во враждебном молчании аудитории я **осознал,** насколько я был глуп, что поверил в их добрые намерения’.

(9) ***Не дођоше*** *оцу ни четири брата из Војводине које је стално у болести звао, а који пред рат одселише на добровољачку земљу.*

‘**Не приехали** к отцу и четыре брата из Воеводины, которых он постоянно звал во время болезни и которые перед войной отселились на добровольческую землю’.

(10) *Мравињак крај мене* ***учини*** *ми* ***се*** *да је огроман сувоземни сунђер — из његових шупљина извиру танки поточићи од којих су ми прсти мокри и руке мокре до лактова.*

‘Муравейник возле меня **показался** мне гигантской сухопутной губкой: из её отверстий вытекают струйки [воды], от которых у меня вымокли пальцы и руки по локоть’.

(11) *Донео сам тај камичак с другог краја Балкана, са брда изнад града Алексинца; тачније, узео сам га из порте испред цркве Свете Тројице у селу Горњи Адровац, где ме једнога лета случајно* ***нанесе*** *пут.*

‘Я принёс этот камушек с другого края Балкан, с гор над городом Алексинац; точнее, я взял его с церковного двора перед церковью Святой Троицы в селе Верхний Адровац, куда меня тем летом случайно **привела** дорога’.

(12) *Сада тај запис постаје Друга глава целине која ће обухватити сва моја знања о древном Србину кога* ***нађох*** *на стратишту испред Вазнесењске цркве.*

‘Сейчас эта запись становится Второй главой единого целого, которое охватит все мои знания о древнем сербе, которого я **нашёл** на месте гибели [людей] возле Вознесенской церкви’.

В (11) речь идёт о внешне случайном событии. В (12) случайное событие (встреча рассказчика со стариком в день бомбардировки Белграда) определило описываемое положение вещей: рассказчик увлёкся личностью старика и занят написанием книги

на основе его воспоминаний. Таким образом, это событие с точки зрения рассказчика является значимым[1]. Мы полагаем, что сама случайность, непредсказуемость и необязательность события, контрастируя с его значимостью, как бы подчёркивает последнюю: ведь это случайное событие могло и не произойти, и его результирующее состояние, столь важное для автора высказывания, не имело бы места.

III. ‘Фокусирующие’

(12), который мы привели как пример ‘миративного’ аориста, мог бы послужить также примером аористов ‘фокусирующих’, то есть таких, которые выделяют наиболее значимые для развития повествования события, ср. обсуждение понятия ‘степени фокусированности ситуации’ в [Плунгян 2008] со ссылкой на работы С. Флейшман[2]: «речь идёт о том, насколько тот или иной элемент нарративной цепочки является с точки зрения говорящего значимым для развития повествования» [Плунгян 2008: 22].

В (13) речь идёт о неудачной попытке рассказчика поступить на режиссёрский факультет: после провала на вступительных экзаменах он встретил собратьев по несчастью, которые ввели его в свой круг, и эти события определили его modus vivendi на ближайшие годы. После того как при помощи аористов названы ключевые события — встреча с «отверженными» (*otkrih* ‘обнаружил’) и их благосклонный приём (*primiše* ‘приняли’ и *odvedoše* ‘отвели’), — повествование возвращается к перфекту:

(13) *U hodnicima Akademije* ***otkrih*** *tako odbačene nesrećnike slične sebi. <…>* ***Primiše*** *me kao mlađeg brata i* ***odvedoše*** *u svoja svetilišta.* ***Otkrili su*** *mi Kinoteku <…>.*

‘В коридорах Академии я **обнаружил.AOR** таких же отвергнутых неудачников, как и я сам. Они **приняли.AOR** меня как младшего брата и **отвели.AOR** в свои святилища. **Открыли.PF** мне Кинотеку <…>’.

---

[1] Мы предлагаем называть подобные события ‘субъективно значимыми’ или ‘имеющими субъективно значимый результат’.

Событие ‘дорога случайно привела меня в Верхний Адровац’ в (11) также может рассматриваться как субъективно значимое, хотя его значимость выражена менее эксплицитно, чем в (12).

[2] Ср. понятие ‘focalizing eye’, вводимое в [Fleischman 1991: 89].

Частным случаем ‘фокусирующих’ употреблений являются такие, где аорист встречается в начале (14) или в финале (15) повествования или выделяет некий поворотный эпизод, ведущий к смене состояния (16). В (17) событие, названное аористом, выступает катализатором прекращённой ситуации.

(14) *Са тим мислима студенткиња хемије Херонеја Букур* ***разлупа*** *кувано јаје и* ***поједе*** *га*.

‘С этими мыслями студентка [факультета] химии Геронея Букур **очистила** варёное яйцо и **съела** его’.

(15) *Сахранили смо га на старом муслиманском гробљу у Коњицу. Џенетске хурије* ***прихватише*** *његову душу и* ***однеше*** *је у модро небо изнад слеђених херцеговачких чемпреса*.

‘Мы похоронили его на старом мусульманском кладбище в Конице. Райские гурии **подхватили** его душу и **отнесли** её в голубое небо над заледенелыми герцеговинскими кипарисами’.

(16) *У сваком случају, постепено се као и по другим манастирима Свете Горе полако обнављао самачки живот и у Хиландару. Монаси* ***почеше*** *опет уређивати и припитомљавати воде,* ***почеше*** *опет сејати и жњети, рибарити и рибу на хљеб стављати,* ***почеше*** *опет стицати слух за подземне пределе Светог врха, где су се у утроби земље скривала и куцала богатства, руде и драгуљи,* ***вратише се*** *послови самаца натраг на Атос и Хиландар их прихвати као и остали*.

‘Во всяком случае, постепенно, как и в других монастырях Святой Горы, мало-помалу возрождался уклад жизни затворников и в Хилендаре. Монахи вновь **начали** обустраиваться и укрощать воды, вновь **начали** сеять и жать, рыбачить и полагать рыбу на хлеб, вновь **начали** прислушиваться к подземным пределам Святой Горы, где в недрах земли таились и пульсировали богатства, руды и драгоценные камни; **вернулись** занятия одиночек, наконец, на Афон, и Хилендар, как и остальные, их **принял**’[1].

(17) *Хтела је да продужи уз два рукавца ветра који су долазиле са Калемегдана не одговоривши, када јој изненада* ***излете*** *одговор и то у будућем времену*.

‘Она хотела было, не ответив, пойти навстречу двум потокам ветра, что дули с Калемегдана, когда у неё внезапно **вырвался** ответ, [и ответ этот был] в будущем времени’.

---

[1] При переводе (16) мы обращались к переводу Н. Вагаповой и Р. Грецкой. См. [Павич, Милорад. Пейзаж, нарисованный чаем. СПб: Азбука, Амфора, 1998].

Как частный случай смены состояния можно рассматривать смену когнитивного состояния (18):

(18) *Заправо, тек сада он читавим својим бићем* ***схвати****: ако се већ помирио с мишљу да нема спаса, не сме му бити свеједно како ће умрети.*

‘В самом деле, только сейчас он всем своим существом **понял**: хотя он уже примирился с мыслью о том, что спасения нет, но ему не должно быть всё равно, как он умрёт’.

Отметим также, что среди попавшихся нам форм аориста необычайно высока доля глаголов речи: глагол *рећи* ‘сказать’ — едва ли не самый частотный глагол из тех, которые любят принимать форму аориста[1]. Аористы, образованные от глаголов речи, используются как для того, чтобы вводить отдельные значимые реплики, как в (19)[2], так и для оформления целых диалогов[3]:

(19) *„Zašto ne napišeš knjigu?“ —* ***reče*** *mi Z. Dž. jedne večeri, dok sam mu objašnjavao šta osećam kad šetam Knez Mihajlovom.*

‘«Почему бы тебе не написать книгу?» — **сказал** мне З. Дж. однажды вечером, пока я объяснял ему, что чувствую, когда прохожу по улице Князя Михаила’.

---

[1] Это объясняется не в последнюю очередь частотностью самого глагола *рећи*. Мы считаем нужным оговорить, что на данном этапе у нас нет оснований видеть в формах аориста от *рећи* так называемые ‘цитативные глаголы’ — полностью или частично грамматикализованные единицы, специализирующиеся на оформлении чужой речи, ср. обсуждение ‘quotative verbs’ в [Güldemann 2008: 80 и далее]: глагол *рећи*, даже в том случае, когда он вводит прямую речь, демонстрирует полную парадигму аориста (отсутствие в текстах форм 2-го лица обусловлено прагматически), в то время как цитативный глагол обычно имеет одну форму; в тех же контекстах встречаются аористы от других глаголов речи — *упитати, запитати ‘спросить’*, *додати ‘прибавить’*, *одговорити*, *узвратити ‘ответить’* etc.); наконец, ту же функцию ввода прямой речи с успехом выполняет перфект, ср. (i).

(ii) — Budi dobar! — **rekla je**. — Šta se dešava? — **zapitah**.

‘— Будь любезен! — **сказала.PF** она. — Что случилось? — **спросил.AOR** я.

[2] В (18) предложение друга подтолкнуло рассказчика к написанию книги, поэтому *рече* в (18) мы относим к ‘фокусирующим’ аористам.

[3] Последняя ситуация наблюдается в текстах с высокой частотой употребления аориста. На данном этапе мы исключаем такие тексты из рассмотрения, так как высокая частота употребления аориста, по нашему мнению, снижает его маркированность: в подобных случаях может иметь место простая комбинация перфективности и прошедшего времени.

Однако нельзя исключать, что употребление формы аориста коррелирует с переключением фокуса внимания при смене участников диалога, что можно рассматривать как частный случай смены ситуации. Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

В некоторых контекстах событие, названное формой аориста, лучше всего может быть описано как событие вхождения в состояние, причём наступившее состояние является значимым для дальнейшего развития событий (20)-(21)[1]. В (20) существенным является тот факт, что с принятием образа жизни одиночек, или затворников, изменился весь уклад жизни монастыря. В (21) значимым является результат отселения братьев: находясь далеко от больного, они не могут его навестить[2]:

(20) <…> *вратише се послови самаца натраг на Атос и Хиландар их* ***прихвати*** *као и остали.*

‘<…> вернулись занятия индивидуалистов, наконец, на Афон, и Хиландар, как и остальные, их **принял**’.

(21) *Не дођоше оцу ни четири брата из Војводине које је стално у болести звао, а који пред рат* ***одселише*** *на добровољачку земљу.*

‘Не приехали к отцу и четыре брата из Воеводины, которых он постоянно звал во время болезни и которые перед войной **отселились** на добровольческую землю’.

Заключение

Несмотря на то, что предложенная нами классификация носит предварительный характер и нуждается в существенной доработке, выделенные кластеры значений, на наш взгляд, связаны между собой неслучайным образом и могут послужить отправной точкой для дальнейших исследований.

Существенное возражение могло бы заключаться в следующем: исследуя семантику форм аориста, мы должны были бы убедиться, что перечисленные нами значения специфичны для него, т. е. не могут быть выражены при помощи других глагольных форм. Однако, как уже было сказано выше, трудно найти такие контексты, в которых аорист не мог бы быть заменён дефолтной формой перфекта.

Возможным выходом из затруднения мог бы послужить подход, принятый в статье [Плунгян, Урманчиева 2017], в которой допускается «наличие в системе “зоны колебаний”, где говорящий волен выбирать между двумя формами для реализации соб-

[1] Примеры (20)-(21) уже приводились в данной статье под №№ (16) и (10), соответственно. Поэтому первый из них мы приводим здесь в сокращённом виде.

[2] Это типично ‘перфектные’ значения, и в языке с ‘прототипическим’ перфектом мы ожидали бы перфекта в (20) и плюсквамперфекта в (21). См. [Плунгян 2011: 387 и далее].

ственных коммуникативных намерений» [Плунгян, Урманчиева 2017: 20].

Литература

Гудков В. П. Сербохорватский язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарём. М.: Издательство Московского университета, 1969.

Зайцева С. В., Стоянович Е., Милютина М. А. (сост.). Сербская поэзия и проза XX века: Хрестоматия // СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 2003.

Ивић П. Српскохрватски дијалекти: њихова структура и развој. Књ. 1, Општа разматрања и штокавско наречје. Сремски Карловци: Издавачка књижарница Зорана Стојановића — Нови Сад: Графичар, 1994.

Кречмер А. Г., Невекловский Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005.

Михајловић Д. Сабрана дела. Књига 2. Београд: Laguna, 1996.

Павић М. Унутрашња страна ветра, или роман о Хери и Леандру. Београд: Просвета, 1993.

Плунгян В. А. Предисловие: дискурс и грамматика // В. А. Плунгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев (ред.), А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.

Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. Перфект в старославянском: был ли он результативным? // Slověne 2017, № 2.

Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-ПРЕСС, 2013.

Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. Граматички системи и књижевнојезичка норма. I. Увод. Фонетика. Морфологија. Пето издање. Београд: Научна књига, 1986.

Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. Граматички системи и књижевнојезичка норма. II. Синтакса. Четврто издање. Београд: Научна књига, 1989.

Толстой И. И. Краткий очерк грамматики сербскохорватского языка // И. И. Толстой. Сербскохорватско-русский словарь. 7-е издание, стереотипное. М.: Русский язык, 2000.

Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков. М.: Языки славянской культуры, 2006.

Якобсон Р. О. Речевая коммуникация // Роман Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.

Comrie, Bernard. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

DeLancey S. The mirative and evidentiality // Journal of Pragmatics. Vol. 33, № 3, 2001.

Fleischman, Suzanne. Toward a theory of tense-aspect in narrative discourse // J. Gvozdanović, Th. A. J. M. Janssen, Ö. Dahl (*eds*.). The Function of Tense in Texts. Amsterdam: North-Holland, 1991.

Güldemann T. Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey. Berlin—New York: Mouton de Gruyter, 2008.

Kapor M. Foliranti. Zagreb: Znanje, 1975.

Maretić T. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zageb: Matica Hrvatska, 1963.

Резюме

В данной статье предпринята попытка исследования семантики аориста в современном сербскохорватском языке. Аорист употребляется преимущественно в языке художественной литературы, при этом во всех контекстах он может быть заменён на дефолтную форму перфекта, тогда как перфект далеко не во всех случаях может быть заменён аористом. На этом основании мы считаем формы аориста сильно маркированными.

По результатам наблюдения над языком художественной прозы второй половины 20 века мы выделяем следующие значения / функции аориста: 1. ‘Аористное’ значение, наименее маркированное из всех, которое может быть представлено как комбинация перфективного значения и прошедшего времени; 2. ‘Миративные’ значения (неожиданность, случайность, противоречие ожиданиям etc.); 3. ‘Фокусирующие’ значения (значимость события с точки зрения развития повествования).

Ключевые слова: грамматическая семантика, аорист, время, аспект.

ON FUNCTIONS OF AORIST IN NARRATIVE OF SERBIAN FICTION

Maria A. Egorova
Russian State University for the Humanities
drajenka@gmail.com

Summary

This article aims to reveal the semantics of Aorist in contemporary Serbo-Croatian. The use of this form is mainly widespread in the language of fiction,

where it seems to be replaceable with the default form of so-called Perfect in all possible contexts, but not vice versa. For this reason we suppose forms of Aorist to be strongly marked.

According to data extracted from the 20th-century fiction, we can separate following meanings, or functions, of Aorist: 1. ‘Aoristic’, or a simple combination of perfective meaning and the past tense, is the less marked one; 2. ‘Mirative’ Aorist names different cases of low probability (randomness, unexpectedness / unpredictability, contradiction to expectations etc.); 3. ‘Focalizing’ Aorist serves to highlight events that are of prominence in the narrative.

Keywords: grammatical semantics, aorist, tense, aspect

ЭВОЛЮЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ КИТАЙСКОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Каплунова Мария Яковлевна
научный сотрудник, Институт языкознания РАН
mary.golik@gmail.com

Социолингвистика, будучи сравнительно молодым научным знанием, получает распространение в Китайской Народной Республике в начале 80-х гг. XX в. Тем не менее языковая ситуация в многонациональном Китае, обусловленная географическими особенностями и социально-историческими изменениями в стране, потребовала обращения к ключевым понятиям социолингвистики как в рамках национально-языкового строительства, так и в масштабах общегосударственной политики еще задолго до обособления социолингвистики в качестве самостоятельной науки. В задачи нашего исследования входит рассмотрение эволюции этих ключевых понятий в рамках китайского исторического опыта с учетом их «китайской специфики» с использованием сравнительно-сопоставительного метода на основе российских и китайских источников и последующим объединением данных понятий в единую систему, отображающую особенности современной языковой политики КНР.

Рассмотрим основополагающие термины китайской социолингвистики. В первую очередь, сам термин «социолингвистика» (社会语言学, букв. «социальная лингвистика») в китайском языке представляет собой семантическое заимствование из английского языка. Термин имеет одинаковое значение как в китайском, так и в русском языке, а именно обозначает науку на стыке языкознания и социологии. Первое употребление данного термина в китайском языке обычно относят к 1980 году в связи с выходом статьи китайского лингвиста Чэнь Юаня «Жизнь языка и общества –социолингвистические заметки» («语言与社会生活 – 社会语言学札记») [Chen Yuan1980], несмотря на то что двумя годами ранее термин был использован в статье другого лингвиста, Сюй Гочжана, под названием «Социолингвистика и другие прикладные науки» («社会语言学及其应用») [Xu Guozhang 1978]. Именно в этот период термин прочно закрепляется в китайской литературе для обозначения нового научного знания.

Государственный язык – термин, который в традиционном понимании обозначает язык, «выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной, экономической и культурной сферах» [Словарь социолингвистических терминов 2006]. Наличие или отсутствие государственного языка на официальном уровне в той или иной стране определенным образом характеризует проводимую в ней языковую политику. Так, понятие «национальный/ общегосударственный язык», возникающее на фоне развивающейся идеи формирования единой китайской нации, формулируется в виде термина «гоюй» (国语, букв. ‘государственный/национальный язык’) в Китае еще в начале XX в. Первое упоминание данного термина связано с трудами китайского литературоведа У Жулуня, который, вдохновленный успехами распространения государственного языка в Японии, выступал за распространение пекинского диалекта в качестве государственного в Китае. Позднее, по мере возникновения споров относительно диалектной основы национального языка актуальным становится термин «путунхуа» (普通话, букв. ‘общепонятный язык’), который изначально представлял собой разговорный язык, служивший средством наддиалектного общения для широких масс китайского народа. Последний одерживает победу в борьбе за статус национального языка, при этом важную роль в этой победе сыграла идеологическая составляющая, обусловленная приходом к власти коммунистов в Китае, поскольку изначально термин «гоюй» был выдвинут представителями Гоминьдана. Несмотря на структурные изменения в языке, стоящие за термином «путунхуа» в его историческом развитии, его роль в современной языковой политике КНР определяется функциями общегосударственного языка страны, обозначенными в Законе Китайской Народной Республики об общегосударственном (通用, букв. ‘общеупотребительном’) языке и письменности. Данный термин, однако, по-прежнему существует параллельно для обозначения общепонятного языка той или иной местности. В результате, его значение определяется из контекста, что подчеркивает стремление китайского правительства в рамках проводимой языковой политики снизить контраст между литературной формой китайского языка и языками проживающих на территории КНР национальных меньшинств, а вместе с тем и напряженность между носителями соответствующих языков.

Понятия, которые в российской социолингвистике выражены такими терминами, как «родной язык» (понимаемый нами как первый язык, усвоенный человеком с рождения) и «материнский язык», в китайском варианте в основном выражаются термином «母语» (букв. ‘материнский язык’), аналогично подразумевающим под собой язык, который человек усваивает в детстве и, как правило, представляет собой стандартизованный вариант или диалектную форму языка определенной национальности [Li Yuming 2010:21; Li Yuming 2015:18]. Однако в связи с существованием разветвленной диалектной системы китайского языка, а также большого числа проживающих на территории КНР этносов, в китайской социолингвистике наблюдается противопоставление термина «материнский язык» (母语) термину «материнский диалект» (母言, букв. ‘материнская речь’), в котором последний более точно характеризует привычное для российской социолингвистики значение термина «родной язык». Ли Юймин объясняет потребность в разграничении данных терминов психологической особенностью носителей диалектов в качестве родного языка （母语） указывать общенациональный язык [Li Yuming 2010:26]. В результате, в китайской социолингвистике сосуществуют оба термина, однако для людей, далеких от лингвистики, как правило, требуется пояснение отличия одного термина от другого.

При сравнительном анализе интерпретации понятия «диалект» российской и китайской социолингвистикой следует отметить, что китайское понимание аналогично российскому и в большинстве случаев приближено к понятию «территориальный диалект», поскольку устоявшийся в китайской лингвистике термин «方言» в буквальном переводе означает ‘местная речь’ и, как правило, относится к устной форме существования языка на ограниченной территории. Тем не менее в китайских трудах можно встретить и разграничение диалектов на территориальные (地域方言), социальные диалекты/ социолекты (社会方言), а также временные/ темпоральные диалекты (时间方言) [Li Yuming 2010:5].

Одним из ключевых терминов социолингвистических исследований КНР как многонационального государства является термин «национальное меньшинство» (少数民族). Из 56 официально признанных народностей Китая все, кроме народности хань, составляющей 91,6 % всего населения, относят к национальным

меньшинствам. Однако, как отмечает автор статьи «Возникновение и развитие понятия “национальное меньшинство” в Китае с 1905 по 1937 гг.», Ян Сыцзи, восприятие понятия «языковое меньшинство» не основано лишь на численном преимуществе ханьцев, а образовано за счет смешения идеологии антиманьчжурской революционной теории в конце правления династии Цин, идеологии, содержащейся в европейских документах по защите национальных меньшинств, а также коммунистической идеологии [Yang Siji 2012: 1].

Такие понятия социолингвистики, как «языковая политика» (语言政策), «языковая ситуация» (语言生活状况) и «языковое планирование» (语言规划), образовались в китайском языке путем калькирования из английского языка. Однако для обозначения понятий, стоящих за данными терминами, в китайской социолингвистике существует совокупный термин «языковая жизнь» (语言生活). Данный термин, как отмечают сами китайские лингвисты, не столь распространен в западной социолингвистике и часто заменяется вышеупомянутыми конкретными терминами, тогда как в китайской социолингвистике он является ключевым [Guo Xi, Zhu Xiaohong 2016: 24]. Стоит отметить, что аналогичный термин, устоявшийся вариант перевода которого звучит как «языковое существование», является основополагающим в японской социолингвистике (яп. вариант gengo-seikatsu) с момента основания школы языкового существования в Японии в 40-х гг. XX в., сформировавшейся независимо от исследований западных или советских социолингвистов [Алпатов 2008: 50]. При этом наибольшее распространение в китайских работах термин приобрел за последнее десятилетие с появлением аналитических отчетов о языковой ситуации в КНР.

В результате мы можем объединить вышеупомянутые термины в схему, которая отражает двухуровневую систему современной языковой политики КНР, включающую верхний общегосударственный уровень китайской идентичности, представленный путунхуа, и нижний региональный уровень, включающий языки всех 56 этносов, проживающих на территории КНР (Рис.1). Полученная схема позволяет отобразить комплексный подход китайского правительства к осуществлению языкового строительства, основанный на принципе «единства в многообразии китайской нации» («中华民族多元一体») в отношении носителей многочисленных языков в КНР.

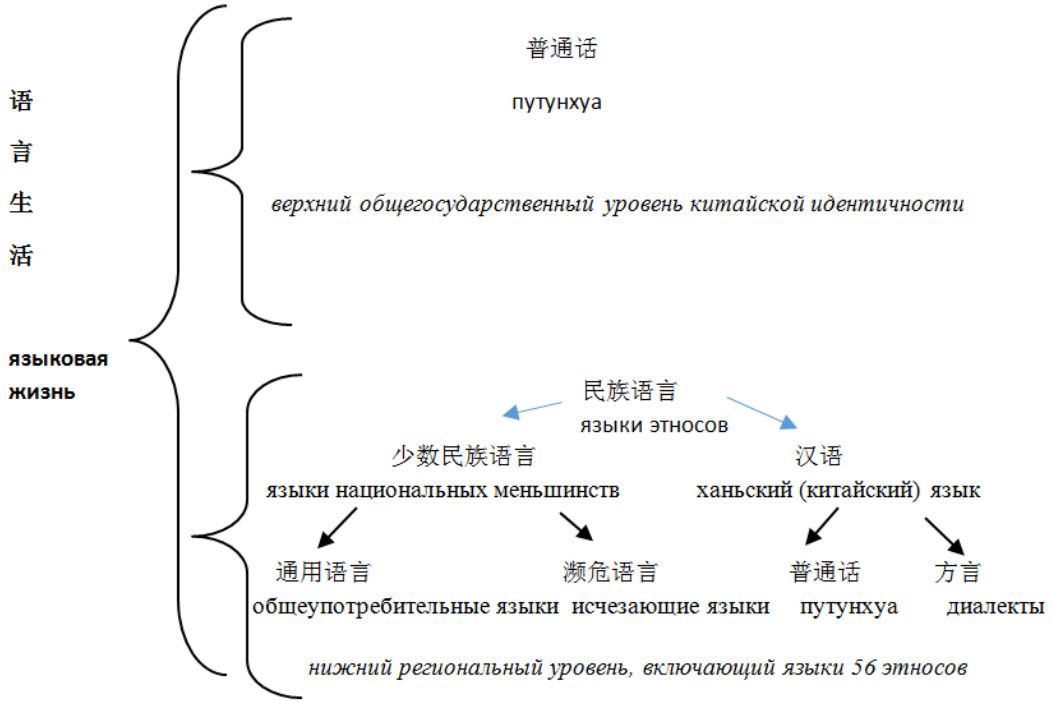


Рис. 1. *Принцип политики «единства в многообразии китайской нации» («中华民族多元一体») в отношении языков КНР*

Таким образом, рассмотренные особенности терминологии китайской социолингвистики в совокупности со стоящими за ними понятиями в их историческом развитии позволяют судить о становлении социолингвистического научного знания в Китае, а также об активном применении опыта зарубежной социолингвистики на общегосударственном уровне в ходе реализации современной языковой политики с китайской спецификой.

Литература

Алпатов В.М. Японская социолингвистика // Социолингвистика вчера и сегодня. М.: ИНИОН РАН, 2008.

Словарь социолингвистических терминов/Под ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН, 2006.

郭熙， 祝晓宏. 语言生活研究十年 // Chinese Journal of Language Policy and Planning №3, 2016.

陈原.语言与社会生活 – 社会语言学札记, 1980.

李宇明. 中国语言规划论. 北京, 2010.

李宇明. 中国语言规划三论. 北京, 2015.

许国璋. 社会语言学及其应用//外国语言学 №3, 1978.

杨思机.

少数民族_概念的产生与早期演变_从1905年到1937年, 2012.

Резюме

Социолингвистика, будучи сравнительно молодым научным знанием, получает распространение в Китайской Народной Республике в начале 80-х гг. XX в. Тем не менее понятийный аппарат данного научного знания начал формироваться в ходе социально-исторических изменений в стране еще задолго до появления в китайской научной литературе самого термина «социолингвистика».

В результате ключевые понятия китайской социолингвистики обозначены такими терминами как «диалект», «языковая ситуация», «языковая политика», «языковая жизнь», «национальное меньшинство» и др. В работе проводится анализ эволюции данных понятий с учетом их «китайской специфики» с использованием сравнительно-сопоставительного метода на основе интерпретации обозначающих их терминов в трудах отечественных и китайских социолингвистов. Последующий этап анализа включает объединение данных понятий в единую систему, отображающую особенности современной языковой политики КНР. Языковая политика КНР основана на двухуровневой системе, которая включает верхний общегосударственный уровень китайской идентичности, представленный путунхуа, и нижний региональный уровень, включающий языки всех 56 этносов, проживающих на территории КНР. Полученная схема позволяет отобразить комплексный подход китайского правительства к осуществлению языкового строительства, основанный на принципе «единства в многообразии китайской нации» в отношении носителей многочисленных языков в КНР.

Ключевые слова: социолингвистика, путунхуа, языковая политика, языковая ситуация, государственный язык, национально-языковое строительство, языковая жизнь.

EVOLUTION OF THE KEY CONCEPTS OF THE CHINESE SOCIOLINGUISTICS

Maria Ya. Kaplunova
The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
mary.golik@gmail.com

Summary

Sociolinguistics as a comparatively young science got widespread in the People's Republic of China at the beginning of the 80s in the XX century. Nevertheless, the terminology of this scientific knowledge had been shaping with

social and historical changes in the country long before the appearance of the term “sociolinguistics” in the Chinese scientific works.

As a result, such terms as “dialect”, “language situation”, “language policy”, “language life”, “national minority”, etc. refer to the key concepts of the Chinese sociolinguistics. The given paper presents the analysis of the evolution of these concepts with their “Chinese characteristics” by means of the comparative approach on the basis of the interpretation of the given terminology by the Russian and the Chinese linguists. This terminology was composed within a single scheme representing the peculiarities of the modern language policy in the PRC. The language policy in the PRC is based on a two-level system including a higher state level of the Chinese identity presented by Putonghua and a lower regional level including the languages of all 56 ethnic groups living in the PRC. The scheme allows to depict a complex approach of the Chinese government to the realization of the language building based on the principle of “unity in diversity of the Chinese nation” towards the speakers of various languages in the PRC.

Key words: sociolinguistics, Putonghua, language policy, language situation, state language, national-linguistic building, language life.

References

Alpatov V.M. Yaponskaya sociolingvistika // Sociolingvistika vchera i segodnya (Japanese Sociolinguistics//Sociolinguistics Yesterday andToday). M.: INION RAN, 2008.

Slovar sociolingvisticheskikh terminov (Dictionary of Sociolinguistic Terminology)/Pod red. V. Yu. Mikhalchenko. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2006.

郭熙 ， 祝晓宏. 语言生活研究十年 // Chinese Journal of Language Policy and Planning №3, 2016.

陈原.语言与社会生活 – 社会语言学札记, 1980.

李宇明. 中国语言规划论. 北京, 2010.

李宇明. 中国语言规划三论. 北京, 2015.

许国璋. 社会语言学及其应用//外国语言学 №3, 1978.

杨思机.

少数民族_概念的产生与早期演变_从1905年到1937年, 2012.

О СЕМАНТИКЕ СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ДОСТИЖЕНИЯ ПРЕДЕЛА[1]

Кашкин Егор Владимирович
научный сотрудник, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
egorkashkin@rambler.ru

1. Введение

Статья посвящена сложным глагольным комплексам в горномарийском языке, относящемся к уральской семье. Под сложными глагольными комплексами понимаются конструкции, состоящие из конверба (деепричастия)[2] смыслового глагола и грамматикализованного финитного глагола:

(1) *mən' vârgem-əm* ***košt-en*** ***šənd-en-äm***
я бельё-ACC сушить-CVB сажать-PRET-1SG
'Я высушил бельё (букв.: суша посадил)'.

(2) *marə̂ jasə̂ pi-m*
мужчина больной собака-ACC
lü-en ***šu-en***
стрелять-CVB бросить-PRET
'Мужик застрелил больную собаку (букв.: стреляя бросил)'

Конструкции, подобные представленным в (1)–(2), широко распространены в марийских языках, см. [Серебренников 1960: 190–199; Пенгитов и др. (ред) 1961: 202–216; Чхаидзе 1969;

[1] Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536.

[2] В горномарийском языке имеются также конвербы на *-de, -meškə, -mə̂kə̂ / -mäkə, -mə̂la / -mälä, -šə̂la / -šəlä, -šašlanen / -šäšlänen* (последний, однако, отсутствует в исследуемом нами идиоме). Базовая информация об их свойствах доступна в [Саваткова 2002: 233–247]. Смысловой глагол в сложных глагольных комплексах они маркировать не могут. От некоторых глаголов вместо конверба на *-n* образуется конверб с нулевым показателем (см. [Саваткова 2002: 234]). Он может входить в состав сложных глагольных комплексов. Показатель претерита (2-го прошедшего времени) материально совпадает с показателем конверба на *-n*, поэтому формы претерита 3 л. ед. ч., не имеющие лично-числовых показателей, материально совпадают с формами данного конверба. Морфосинтаксический статус каждой из форм на *-n* в формах 3 л. ед. ч. однозначно устанавливается на основании того факта, что словоизменению может подвергаться только второй компонент, (см. (1)).

Driussi 1992-1993; Bradley 2010]. Эти конструкции демонстрируют высокую степень синтаксической слитности (ср., например, невозможность перестановки компонентов и вставки составляющих между компонентами). Вопросы синтаксического анализа сложных глагольных комплексов освещаются в [Гращенков 2015] на материале тюркских языков, в т. ч. ареально близких горномарийскому. Мы же сосредоточимся на анализе сочетаемостных ограничений на заполнение слотов конструкций и на сопоставлении семантики близких по значению конструкций. В перечисленных работах предшественников указанная проблематика подробно не рассматривалась. В этой статье она будет освещена на примере конструкций с грамматикализованными глаголами *šəndäš* ‘сажать’ и *šuaš* ‘бросить’, описывающих достижение предела. В типологических исследованиях, посвященных различным типам сложных предикатов, марийские данные не приводятся (см., например, [Aikenvald, Dixon (eds.) 2006; Amberber et al. (eds.) 2010]).

Материал собран в экспедициях ОТиПЛ МГУ[1] (2016–2018 гг.) по изучению восточных говоров горномарийского языка в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и в окрестных деревнях (Апшак-Пеляк, Кожланангер, Кукшилиды, Никишкино, Паулкино, Тюманово). Мы опираемся как на результаты анкетирования информантов, так и на пополняемый экспедиционный корпус устных текстов (в статье учтены данные по текстам, насчитывающим суммарно около 34 тыс. словоупотреблений). Текстовые примеры имеют в статье помету «Корпус», примеры из анкет не имеют специальной пометы.

Дальнейшая часть статьи имеет следующую структуру. В разделе 2 описана исходная семантика глаголов *šəndäš* и *šuaš*. В разделе 3 сопоставлены их базовые употребления в сложных глагольных комплексах. Раздел 4 посвящен таким употреблениям конструкций с глаголом *šuaš*, в которых он может отклоняться от сформулированного в разделе 3 прототипа. В разделе 5 подводятся итоги.

2. Исходная семантика грамматикализованных глаголов

В этом разделе мы кратко опишем прямые употребления глаголов *šəndäš* и *šuaš*, что необходимо для адекватного представления развиваемых ими путей грамматикализации.

[1] Подробнее см. на сайте http://hillmari-exp.tilda.ws/

Глагол *šəndäš* ‘сажать’ в прямых употреблениях описывает помещение объекта в устойчивое положение, но не вертикально ориентированное (в этом случае, например по отношению к устанавливаемому столбу, используется глагол *šagaltaš* ‘ставить’) и не горизонтально ориентированное (в этом случае выбирается глагол *pištä*š ‘класть’ – например, в ситуации, когда на стол кладут нож):

(3) *mən’ kot’i-m pâlvuj-âšk-em* ***šənd-äš-äm***
я кошка-ACC колено-ILL-POSS.1SG сажать-AOR-1SG
‘Я посадил кошку на колени’.

(4) *mən’ kruška-m stöl vä-kə* ***šənd-äš-äm***
я кружка-ACC стол верх-ILL2 сажать-AOR-1SG
‘Я поставила чашку на стол’.

Глагол *šuaš* ‘бросить’ описывает однократный бросок (5). Ситуация повторяющихся бросков описывается глаголом *kəškäš* (6). Более подробные сведения о прямых употреблениях горномарийских глаголов бросания доступны в [Мордашова 2017].

(5) *ärvezə-vlä okn’a gəc mânə-vlä-m*
мальчик-PL окно EL яйцо-PL-ACC
šu-en-ət
бросить-PRET-3PL
‘Мальчики бросили яйца из окна (все разом)’.

(6) *ärvezə-vlä okn’a gəc mânə-vlä-m*
мальчик-PL окно EL яйцо-PL-ACC
kəšk-en-ət
бросать-PRET-3PL
‘Мальчики бросали яйца из окна’.

3. Сложные глагольные комплексы: семантика и сочетаемость

3.1 Корпусные данные

В исследованном корпусе текстов зафиксировано 147 вхождений глагола *šəndäš* в сложных глагольных комплексах. Данные о его сочетаемости с различными смысловыми глаголами суммированы в Таблице 1.

Таблица 1

Сочетаемость с глаголом *šändäš* в сложных глагольных комплексах

Смысловой глагол	**Частотность**
pitəräš ‘закрывать, запирать’	11
əštäš ‘делать’	10
kačkaš ‘есть’	9
optaš ‘класть, наливать, насыпать’	9
čiäš ‘надевать’	8
jämdäläš ‘готовить’	6
siräš ‘писать’	6
jalštaš ‘завязывать’	4
pârtaš ‘заносить’	4
nüštäläš ‘месить’	3
päčkedäš ‘резать’	3
pânzaš ‘выкручивать, закручивать’	3
risujaš ‘рисовать’	3
šäräš ‘разворачивать, расстилать’	3
šoltaš ‘варить’	3
kapajaš ‘копать’	2
kâčaš ‘держать’	2
müdäš ‘скрывать, закрывать’	2
nabiräjäš ‘набирать (на компьютере)’	2
näläš ‘брать’	2
säkäš ‘вешать’	2
čistäjäš ‘чистить’	2
loktâlaš ‘портить, разорять’	2
pogaš ‘собирать’	2
Еще 44 глагола, в т. ч. *kandaš* ‘приносить’, *jüäš* ‘пить’, *mâškaš* ‘мыть’, *ârvalaš* ‘замешивать тесто’, *tâškaš* ‘лепить’	по 1

Глагол *šuaš*, по корпусным данным, менее частотен в сложных глагольных комплексах. Его вхождений в таких конструкциях нашлось 22, сведения о них обобщены в Таблице 2.

Таблица 2

Сочетаемость с глаголом *šuaš* в сложных глагольных комплексах

Смысловой глагол	**Частотность**
mondaš ‘забывать’	3
kâdašaš ‘снимать’	2
lâktaš ‘извлекать, выносить’	2
Еще 15 глаголов, в т. ч. *pâdârtaš* ‘ломать’, *jâlataš* ‘жечь’, *jörtäš* ‘гасить’, *potopaš* ‘затапливать’, *pajâlaš* ‘делить’	по 1

3.2 Базовые сочетаемостные ограничения

3.2.1 Глагол *šəndäš*

Среди смысловых глаголов, использующихся в конструкциях с *šəndäš*, можно выделить два основных класса[1]. Во-первых, это глаголы создания объекта (например, *əštäš* ‘делать’, *siräš* ‘писать’, *jalštaš* ‘завязывать’, *jämdəläš* ‘готовить’):

(7) *pətäri=ok* ***əšt-en*** ***šənd-ät***
сначала=EMPH делать-CVB сажать-NPST.3SG
nünžək-əm.
тесто-ACC
läškä-län ***jämdə-l-en*** ***šənd-ät,***
лапша-DAT готовый-DENOM1-CVB сажать-NPST.3PL
tə-škə *kolt-at:* *tarâk-eš*
тот-ILL посылать-NPST.3PL простокваша-LAT
nüštəl-ət, *lašaš-âm,* *tarâk-âm*
мешать-NPST.3PL мука-ACC простокваша-ACC
pišt-ät
класть-NPST.3PL
‘Сперва готовят тесто. Готовят для молочного супа, туда кладут: замешивают на простокваше, муку, простоквашу кладут’ . [Корпус]

Во-вторых, это наименования предельных процессов[2], часто являющиеся инкрементальными (см. [Dowty 1991: 567–571; Krifka 1992; Падучева 2004]), а именно предполагающие накопление ресурса в результате воздействия на пациентивного участника в ходе развития ситуации, например *optaš* ‘класть, наливать, насыпать’, *kačkaš* ‘есть’, *čiäš* ‘надевать’, *pogaš* ‘собирать’, *šeläš* ‘колоть’ (дрова) – см. также (8). В [Серебренников 1960: 194] значение когнатных луговомарийских конструкций с глаголом *шындаш* ‘сажать’ определяется как «действие, завершившееся установлением очевидного результата, связанного с возникнове-

[1] В некоторых точках эти классы пересекаются – так, к ним обоим может быть отнесен глагол *siräš* ‘писать’.

[2] В рамках системы акциональных классов, предложенной в [Татевосов 2016], это могут быть как сильные предельные глаголы, у которых форма претерита обязательно описывает вхождение в результирующее состояние, так и слабые предельные глаголы, у которых форма претерита может описывать либо вхождение в состояние, либо процесс. Некоторые соображения об этой проблеме см. также в Разделе 5.

нием более или менее длительного состояния». По-видимому, это не противоречит нашим данным: выделенные нами классы глаголов вполне укладываются в толкование Б. А. Серебренникова (ср., кроме того, частотный в конструкциях с *šəndäš* в корпусе глагол *pitəräš* ‘закрывать, запирать’, тоже совместимый с процитированным анализом).

(8) *kamaka-m* *olt-aš* *mən’ə* *pu-m*
печь-ACC топить-INF я дрова-ACC
šel-ən ***šənd-äš-əm***
колоть-CVB сажать-PRET-1SG
‘Чтобы затопить печку, я наколол дров’.

В некоторых случаях глагол *šəndäš* выражает пресыщение некоторым ресурсом. Так, в примере (9), взятом из пересказа информантом мультфильма о Винни-Пухе, речь идет о пресыщении едой, результат которого релевантен для сопутствующей ситуации.

(9) *p'atačok-šə̂* *läkt-ən* *ke-ä,*
Пятачок-POSS.3SG выходить-CVB идти-NPST.3SG
a *v'in'n'i-pux* ***kačk-ə̂n*** ***šənd-en,*** *məškər-žə*
а Винни-Пух есть-CVB сажать-PRET живот-POSS.3SG
kogo, *läkt-ən* *a-k* *kert*
большой выходить-CVB NEG.NPST-3 мочь
‘Пятачок-то выходит, а Винни-Пух объелся, живот большой, выйти не может’. [Корпус]

В (10) сочетание глагола *šəndäš* со смысловым глаголом *jüktäš* ‘поить’ предполагает, по-видимому, высокую степень опьянения, поскольку в результате этого опьянения оказались перепутаны две деревни (Юлъялы и Апшак-Пеляк), удаленные друг от друга на несколько километров.

(10) *jə̂ljäl-vlä-žə* *tə* *cerkə-m* *tə-štə*
Юлъялы-PL-POSS.3SG тот церковь-ACC тот-IN
stroj-ə̂kt-ə̂ne-štə *agə̂l* *ə̂l-ə̂n-ə̂t* *v'idnə̂*
строить-CAUS.DIST-DES-3PL NEG быть-PRET-3PL видно
sedəndono jə̂d-ə̂m, *vad-eš* *stroj-aš*
поэтому ночь-ACC вечер-LAT строить-INF
tolšə̂-vlä-län ***jü-kt-en***
приходить-PTCP.ACT-PL-DAT пить-CAUS.DIST-CVB

šənd-en-ət, *dä nənə samân' äpšäk-peläk-eš*
сажать-PRET-3PL и они ошибочно Апшак-Пеляк-LAT
vär-əm əšt-en kod-en-ət
место-ACC делать-CVB оставлять-PRET-3PL

‘Жители Юлъял там эту церковь строить, видно, не захотели. Поэтому ночью, вечером строителей напоили, и они по ошибке обозначили место (для церкви) в Апшак-Пеляке.’ [Корпус]

Как было установлено в ходе опроса носителей, конструкция с *šəndäš* сочетается с выражениями большого количества и не сочетается с выражениями малого количества:

(11) a. *vas’a šukâ äräkä-m* ***jü-n*** /
Вася много алкоголь-ACC пить-PRET
jü-n šənd-en, *tədə-län*
пить-CVB сажать-PRET он-DAT
kâdal-aš a-k li
ездить-INF NEG.NPST-3 становиться
‘Вася много выпил, ему нельзя водить машину’.

b. *vas’a izi-š vele* ***jü-n*** /
Вася маленький-ADV только пить-PRET
****jü-n šənd-en***, *uže mašinä dono*
пить-CVB сажать-PRET уже машина с
kâdal kerd-eš
ездить.CVB мочь-NPST.3SG
‘Вася совсем немного выпил, уже может водить машину’.

(12) a. *mən’ šukâ kal’avongâ-m* ***pog-en-äm /***
я много гриб-ACC собирать-PRET-1SG
pog-en šənd-en-äm
собирать-CVB сажать-PRET-1SG
‘Я много грибов собрала’.

b. *mən’ čädə kal’avongâ-m* ***pog-en-äm*** /
я много гриб-ACC собирать-PRET-1SG
****pog-en šənd-en-äm***
собирать-CVB сажать-PRET-1SG
‘Я мало грибов собрала’.

Без эксплицитного выражения большого количества возможна как семантика пресыщения (см. (13), (14)), так и нейтраль-

ная семантика накопления ресурса (см. (15)). Закономерности распределения двух указанных возможностей требуют дальнейшего исследования.

(13) *vas'a (äräkä-m)* ***jü-n*** ***šənd-en***
Вася алкоголь-ACC пить-CVB сажать-PRET
'Вася напился (алкоголя)'.

(14) *mən' tagačə̑* ***rovotaj-en*** ***šənd-en-äm,***
я сегодня работать-CVB сажать-PRET-1SG
kej-em *kän-äš*
идти-NPST.1SG отдыхать-INF
'Я сегодня наработался, пойду отдыхать'.

(15) *mən' kal'avongə̑-m* ***pog-en*** ***šənd-en-äm***
я гриб-ACC собирать-CVB сажать-PRET-1SG
'Я собрал грибов (неизвестно сколько)'.

3.2.2 Глагол *šuaš*

Глагол *šuaš* сочетается в первую очередь с глаголами деструкции пациенса – как с перечисленными в Таблице 2, так и, по данным анкетирования информантов, с глаголами *kəräš* 'рвать, ощипывать, ломать' *puštaš* 'убивать', *port'aš* 'портить', *lüäš* 'стрелять, застрелить', *roaš* 'рубить', *pə̑raš* 'грызть', *pə̑žaš* 'разбирать' (например, старый дом), *jamdaš* 'терять' и нек. др., (см. (16)). Кроме того, в конструкциях с *šuaš* возможны глаголы удаления лишнего объекта (*itəräjäš* 'чистить', *pačkaš* 'стряхивать'). Зафиксированы и сочетания этого глагола с лексемой *mondaš* 'забывать' – см. предложение (17), произнесенное в начале записи текста информантом, начавшим говорить не на горномарийском, а на русском языке. В последнем случае, по-видимому, семантика удаления метафорически сдвигается в ментальную сферу. Такая сочетаемость логично связывается с идеей удаления объекта путем бросания, которую глагол *šuaš* может передавать в исходном значении.

(16) *pi* *pəžäš-əm* *mən'* ***pə̑də̑rt-en***
собака гнездо-ACC я ломать-CVB
šu-š-ə̑m
бросить-AOR-1SG
'Я разломал собачью конуру'.

(17) *mən'-žə mar-la pop-em=əš?*
я-POSS.3SG мари-EQU говорить-NPST.1SG=PTCL
ex, ***mond-en*** ***šu-en-äm,*** *javəl!*
эх забывать-CVB бросить-PRET-1SG дьявол
'Я по-марийски говорю ведь? Эх, забыл, дьявол!' [Корпус]

3.3 Важные различия

Между конструкциями с глаголами *šəndäš* и *šuaš* имеется ряд принципиальных различий. Во-первых, для конструкций с *šuaš*, в отличие от конструкций с *šəndäš*, важна не просто пациентивность объекта, а именно семантика деструкции. Так, пример (18b) уместен, когда котел развалился на части либо в нем образовались отверстия, ср. (18a).

(18) a. *mən' pad-əm* ***jəlat-en*** ***šənd-en-äm***
я котел-ACC жечь-CVB сажать-PRET-1SG
'Я сделал так, что котел обгорел' (но он пригоден к использованию, просто стенки почернели).

b. *mən' pad-əm* ***jəlat-en*** ***šu-en-äm***
я котел-ACC жечь-CVB бросить-PRET-1SG
'Я сжег котел' (и он непригоден к использованию).

Во-вторых, конструкции с *šəndäš* предполагают накопление некоторого результата или ресурса, как в (19a), а конструкции с *šuaš* – удаление Пациенса, как в (19b).

(19) a. *mən' oksa-m* ***postar-e n*** ***šənd-en-äm/***
я деньги-ACC собирать-CVB сажать-PRET-1SG
****postar-en*** ***šu-en-äm*** *mašinä-län*
собирать-CVB бросить-PRET-1SG машина-DAT
'Я накопил деньги на машину'.

b. *mən' oksa-m* ***šäv-en*** ***šu-en-äm/***
я деньги-ACC сыпать-CVB бросить-PRET-1SG
****šäv-en*** ***šənd-en-äm***
сыпать-CVB сажать-PRET-1SG
'Я потратил деньги'.

В сочетании с глаголами, исходно передающими идею разрушения Пациенса, глагол *šəndäš* уместен, если ситуация

предполагает накопление результата разрушения (20a). В противном случае возможен только глагол *šuaš* (20b).

(20) a. *mən'ə irok kačkə̂š-eš kofe-m* ***jangə̂št-en***
я утро еда-LAT кофе-ACC молоть-CVB
šənd-en-äm / ***??jangə̂št-en***
сажать-PRET-1SG молоть-CVB
šu-en-äm
бросить-PRET-1SG
'Я к завтраку намолола кофе'.

b. *mən'ə kofe saga samə̂n' oksa-m*
я кофе около ошибочно деньги-ACC
jangə̂št-en ***šu-en-äm /***
молоть-CVB бросить-PRET-1SG
****jangə̂št-en*** ***šənd-en-äm***
молоть-CVB сажать-PRET-1SG
'Я вместе с кофе случайно перемолола деньги'.

Как правило (о некоторых отклонениях см. раздел 4), *šəndäš*, но не *šuaš* сочетается с глаголами создания нового объекта (и, шире, с теми, которые вводят в дискурс новые объекты). В свою очередь *šuaš* в контекстах удаления сочетается с глаголами, объект которых имеет пресуппозицию существования. Так, в (21a) глагол с семантикой 'развязать' содержит пресуппозицию существования объекта, в данном случае узла (ср. *#Я развязал узел, его и не было. #Я не развязал узел, его и не было*), а в (21b) глагол с семантикой 'завязать' указывает на создание нового объекта. Аналогично происходит выбор между глаголами *šəndäš* и *šuaš* в разных контекстах употребления смыслового глагола *jogtaraš* 'выливать / наливать' в (22).

(21) a. *mən'ə* ***šüt-en*** ***šu-en-äm /***
я развязывать-CVB бросить-PRET-1SG
****šüt-en*** ***šənd-en-äm***
развязывать-CVB сажать-PRET-1SG
catkə̂də uz'el-əm
крепкий узел-ACC
'Я развязал тугой узел'.

b. *mən'ə catkə̂də-n uz'el-əm* ***jalšt-en***
я крепкий-ADV узел-ACC завязывать-CVB

šənd-en-äm / ****jalšt-en***
сажать-PRET-1SGз завязывать-CVB
šu-en-äm
бросить-PRET-1SG
‘Я крепко завязал узел’.

(22) a. *mən’ peckä gəc-ən l’ävərä-n vəd-əm*
я бочка EL-FULL грязь-ATTR вода-ACC
jog-tar-en ***šu-en-äm***
течь-CAUS-CVB бросить-PRET-1SG
/****jog-tar-en*** ***šənd-en-äm***
течь-CAUS-CVB сажать-PRET-1SG
‘Я вылил из бочки грязную воду’.

b. *mən’* ***jog-tar-en*** ***šənd-en-äm*** /
я течь-CAUS-CVB сажать-PRET-1SG
****jog-tar-en*** ***šu-en-äm*** *vedrä-š*
течь-CAUS-CVB бросить-PRET-1SG ведро-ILL
itərä *vəd-əm*
чистый вода-ACC
‘Я налил в ведро чистую воду’.

4. Глагол *šuaš*: отклонения от прототипа

4.1 Периферийные употребления

Как уже было сказано в разделе 3.2.2, дефолтно глагол *šuaš* сочетается с глаголами деструкции. Однако у него имеются и периферийные классы употреблений. Глагол *šuaš* демонстрирует особые свойства в сочетании с конвербами глаголов, второй участник которых является пациентивным, но по семантическим признакам удаленным от прототипа Пациенса (в частности в силу меньшего – по сравнению, например, с глаголами физического воздействия – изменения свойств в результате воздействия Агенса – подробнее о такого рода вопросах см. [Hopper, Thompson 1980; Dowty 1991; Malchukov 2005; Ляшевская, Кашкин 2015: 505–506] и приводимые в указанной работе ссылки). По имеющимся данным, это глаголы обработки (*məškaš* ‘мыть’, *ut’užaš* ‘гладить’) и смены посессора (*vəžalaš* ‘продавать’). В сочетании с такими глаголами конструкция с *šuaš* требует мно-

жественного объекта[1], выражая семантику исчерпания Пациенса и достижения предела. Так, в сочетании с единичным объектом в (23a) конструкция с *šuaš* запрещена. В (23b), где объект множественный и выражено значение его полного охвата, эта конструкция используется свободно. Пример (23c) со множественным объектом, но с эксплицитным указанием на недостижение предела и неполную исчерпанность пациентивного участника, грамматичен не во всех идиолектах. Интересен пример (23d), где даже при наличии выражения с семантикой исчерпанности употребить конструкцию с *šuaš* нельзя. В этом случае имеет место не DEF-квантификация (в терминологии [Татевосов 2002]), оперирующая, как в (23b), над множеством объектов, а CMP-квантификация, в сфере действия которой оказывается единичный объект. Тем самым, по признаку единичности / множественности объекта пример (23d) попадает в один класс с примером (23a) и создает то же ограничение на класс объекта в конструкции с *šuaš*. Подчеркнем, что в прототипических употреблениях *šuaš* с глаголами деструкции указанного ограничения на единичность / множественность объекта не возникает, ср., например, (16), (18), (21).

(23) a. **mən'törölkä-m* ***mâšk-ân*** ***šu-š-âm***
я тарелка-ACC мыть-CVB бросить-AOR-1SG
'Я помыл тарелку'.

b. *mən' cilä törölkä-m* ***mâšk-ân***
я все тарелка-ACC мыть-CVB
šu-š-âm
бросить-AOR-1SG
'Я перемыл все тарелки'.

c. *?mən'lu törölkä-m* ***mâšk-ân***
я десять тарелка-ACC мыть-CVB
šu-en-äm, *väz-ät eče kod-ân*
бросить-PRET-1SG пять-FULL еще оставаться-PRET
'Я 10 тарелок вымыл, 5 еще осталось'.

[1] Под множественным объектом мы подразумеваем здесь и далее семантический признак, совместимый с различными морфосинтаксическими структурами. Так, в конструкциях с кванторными выражениями объект может быть семантически множественным, но оформляться формой единственного числа, (см. [Сидорова, в печати]).

d.*tagačə̂ mən’ toma xälä **mə̂šk-ə̂n**
сегодня я дом весь мыть-CVB
šu-en-äm
бросить-PRET-1SG
Ожидаемое значение: ‘Сегодня я весь дом вымыла’.

4.2 Противодействующие факторы

Интересный класс случаев образуют те примеры, в которых происходит конфликт факторов, с одной стороны, семантики смыслового глагола и семантической роли его объекта, и, с другой стороны, вхождения объекта в пресуппозицию. В этих случаях объект имеет семантическую роль Результата, что блокирует конструкцию с *šuaš*, но одновременно информация о воздействии на него (или о необходимости такого воздействия) присутствует в прагматической пресуппозиции[1] (в понимании [Lambrecht 1994]), что, по предварительным ожиданиям, могло бы способствовать употреблению данной конструкции. Оказывается, что в разных идиолектах этот конфликт факторов разрешается по-разному (в частности, некоторые носители в принципе не допускают в сложном глагольном комплексе с *šuaš* прямой объект с ролью Результата). Однако для большинства носителей конструкция с *šuaš* возможна в такой ситуации при множественном объекте и описывает завершение действия. Так, в (24a) и в (24b), где объект понимается как новый и не входит в прагматическую пресуппозицию, глагол *šuaš* невозможен независимо от единичности / множественности объекта. Однако в примере (24c), указывающем на исчерпание находящегося в прагматической пресуппозиции множественного объекта, конструкция с *šuaš* уже допустима – и в то же время недопустима в примере (24d), отличающемся от (24c) единичностью объекта.

[1] Находиться в семантической пресуппозиции данная информация, по-видимому, не может, в силу того, что возникновение (и, соответственно, само существование) объекта в ситуации входит в ассертивную часть высказывания, исходя из определения семантической роли Результата как нового объекта, создаваемого в ходе осуществления действия. Под нахождением в прагматической пресуппозиции в рассматриваемом случае имеется в виду присутствие в сознании говорящего и слушающего до произнесения высказывания информации о том, что объект заданного класса должен возникнуть как результат действия, о котором идет речь в высказывании. Такой информационный статус не является априори эквивалентным семантической пресуппозиции, однако, в силу его определенного сходства с последней (см. [Lambrecht 1994: 51–54]), нам представляется осмысленным проверить его релевантность для конструкций с *šuaš*.

(24) a. *tagačə̂* *mən’* *koklə̂* *sir-mäš-äm*
сегодня я двадцать писать-NMLZ-ACC
sir-en-äm/ ****sir-en*** ***šu-en-äm***
писать-PRET-1SG писать-CVB бросить-PRET-1SG
‘Сегодня я написала 20 писем’.

b. *mə-län-em* *pet’erburg* *gəc* *ədər*
я-DAT-POSS.1SG Петербург EL девушка
täng-em *sir-mäš-äm* ***sir-en/***
друг-POSS.1SG писать-NMLZ-ACC писать-CVB
****sir-en*** ***šu-en***
писать-PRET бросить-PRET
‘Мне моя подруга из Петербурга написала письмо’.

c. *tagačə̂* *mən’* *koklə̂* *sir-mäš-ge*
сегодня я двадцать писать-NMLZ-COM
sir-en ***šu-en-äm***
писать-CVB бросить-PRET-1SG
‘Сегодня я написала все 20 писем’.

d. *mən’ə* *otčot-əm* ***sir-en-äm*** ***/*sir-en***
я отчет-ACC писать-PRET-1SG писать-CVB
šu-en-äm, *šukə̂-štə̂* *agə̂l*
бросить-PRET-1SG много-IN NEG
kolt-em
посылать-NPST.1SG
‘Я написала отчет (который Вы от меня требуете), скоро отправлю’.

Еще один пример, иллюстрирующий различия в приемлемости конструкции с *šuaš* в зависимости от единичности / множественности объекта, находящегося в прагматической пресуппозиции, представлен в (25). В предложении (25b) со множественным объектом эта конструкция значительно более приемлема, чем в предложении (25a) с единичным объектом.

(25) a. **mən’ tə* *šörgəš-əm* *kə̂də̂-m* *tən’*
я тот узел-ACC который-ACC ты
jad-ə̂n-at ***jalšt-en***
просить-PRET-2SG завязывать-CVB
šu-en-äm
бросить-PRET-1SG

Ожидаемое значение: ‘Я завязал тот узел, который ты попросил’.

b. *[OK]mən’ tən’ šüd-ämə*
я ты велеть-PTCP.PASS/NMLZ
šörgäš-et-vlä-m ***jalšt-en***
узел-POSS.2SG-PL-ACC завязывать-CVB
šu-en-äm
бросить-PRET-1SG
‘Я завязал все узлы, которые ты велел’.

5. Заключение

Мы выяснили, что сложные глагольные комплексы с грамматикализованными лексемами *šändäš* ‘сажать’ и *šuaš* ‘бросить’ описывают ситуации достижения предела для различных типов смысловых глаголов. Конструкции с *šändäš* в первую очередь описывают создание нового объекта или накопление ресурса, а конструкции с *šuaš* – различные типы деструкции.

Семантику обоих предикатов в примерах, которые обсуждались выше, можно обобщить таким образом, что они оба вносят в рассматриваемые конструкции идею интенсификации или высокого значения релевантного признака. Так, *šändäš* встречается в контекстах пресыщения каким-либо ресурсом (т. е. указывает на высокое значение признака количества ресурса), а периферийные употребления *šuaš* с рядом глаголов, объект которых не является прототипическим Пациенсом, требуют множественности объекта – т. е. высокого значения признака числа объекта (вопрос о том, почему такое ограничение не возникает с глаголами деструкции, требует дальнейшего исследования).

Интенсификационную семантику различного рода вносят и другие грамматикализованные предикаты в сложных глагольных комплексах. Так, глагол *šalgaš* ‘стоять’ развивает семантику фреквентатива (‘ситуация P происходит часто’), указывая на высокое значение признака частоты [Кашкин 2018]. Глагол *keäš* ‘идти, уходить’ во многих контекстах выделяет быстрый переход в новое состояние, т. е. высокое значение признака скорости [Кашкин 2017]. Интенсификации, тем самым, подвергается какой-либо параметр, релевантный для семантики элементов заданной конструкции. Перспективным представляется дальнейший анализ данного процесса на материале более широкого списка конструкций.

Список глосс

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ACC – аккузатив; ADV – адвербиализатор; AOR – аорист (1-е прошедшее время); ATTR – атрибутивизатор; CAUS – каузатив; CAUS.DIST – дистантный каузатив; COM – комитатив; CVB – конверб; DAT – датив; DENOM – показатель отыменного глагола; EL – элатив; EMPH – эмфатическая частица; EQU – экватив; FULL – полная форма; ILL – иллатив; ILL2 – второй (непродуктивный) иллатив; IN – инессив; INF – инфинитив; LAT – латив; NEG – отрицание; NMLZ – номинализация; NPST – непрошедшее время; PL – множественное число; POSS – посессивность; PRET – претерит (2-е прошедшее время); PTCL – частица; PTCP.ACT – активное причастие; PTCP.PASS – пассивное причастие; SG – единственное число.

Литература

Гращенков П. В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015. 264 с.

Кашкин Е. В. К типологии грамматикализации глаголов перемещения: горномарийский глагол *keäš* ‘идти, уходить’ // Проблемы компьютерной лингвистики и типологии. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. С. 36–47.

Кашкин Е. В. Грамматикализация горномарийских глаголов позиции // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. XI Международный симпозиум (Чебоксары, 21-24 мая 2018 г.). Сборник статей. — Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2018. С. 178–184.

Ляшевская О. Н., Кашкин Е. В. Типы информации о лексических конструкциях в системе ФреймБанк // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, № 6, 2015. С. 464–556.

Мордашова Д. Д. Особенности лексико-семантического поля бросания в горномарийском языке (на материале говора с. Кузнецово) // Доклад на Чтениях к 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой (МГУ, 3–4 марта 2017 г.).

Падучева Е. В. «Накопитель эффекта» и русская аспектология // Вопросы языкознания. – 2004 – № 5. С. 46–57.

Пенгитов И. Т., Галкин И. С., Исанбаев Н. И. (ред.) Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961. 324 с.

Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 300 с.

Сидорова М. А. Числовое маркирование существительного в горномарийских количественных конструкциях // Acta Linguistica Petropolitana. В печати.

Татевосов С. Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 240 с.

Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2016. 568 с.

Чхаидзе М. П. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1969. 105 с.

Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.) Serial verb constructions. A cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2006. xxiv + 369 pp.

Amberber M., Baker B., Harvey M. (eds.) Complex predicates. Cross-linguistic perspectives and event structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. viii + 322 pp.

Bradley J. Mari converb constructions: interpretation and translation. MA Thesis. Vienna: University of Vienna, 2010. 129 pp.

Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // Language. – 1991 – Vol. 67, № 3. P. 547–619.

Driussi P. Paired verbs – serial verbs in Cheremis // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. – 1992-1993. – № 16/17. P. 59–105.

Hopper P., Thompson S. Transitivity and grammar and discourse // Language. – 1980. – Vol. 56 (2). P. 251–299.

Krifka M. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // Lexical matters. Ed. by I. Sag, A. Szabolcsi (eds.). Chicago: Chicago University Press, 1992. P. 29–53.

Lambrecht K. Information structure and sentence form. Topic, focus and the mental representation of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 pp.

Malchukov A. Case pattern splits, verb types and construction competition // Competition and variation in natural languages: The case for case. Ed. by M. Amberber, H. de Hoop. London / New York: Elsevier Science, 2005. P. 73–117.

Резюме

В статье на материале восточных говоров горномарийского языка (с. Кузнецово и окрестности) рассматриваются сложные глагольные комплексы, состоящие из конверба смыслового глагола и грамматикализованного финитного глагола. Из последних мы подробно обсуждаем предикаты *šəndäš* ‘сажать’ и *šuaš* ‘бросить’, вносящие семантику достижения предела. Материал получен как методом анкетирования носителей языка, так и в резуль-

тате анализа корпуса расшифрованных устных текстов. Обсуждаются основные значения указанных конструкций, классы совместимых с ними смысловых глаголов, сочетаемостные ограничения и семантические различия конструкций. В работах предшественников эта проблематика освещена достаточно фрагментарно. Кроме того, мы затрагиваем вопрос о влиянии на употребление данных глаголов таких факторов, как семантическая и прагматическая пресуппозиции, а также количественные характеристики объекта. В заключении с привлечением более широкого фона обсуждается семантика интенсификации / отклонения от нормы, в целом свойственная сложным глагольным комплексам в горномарийском языке, а также их взаимодействие с акциональной системой горномарийского языка.

Ключевые слова: горномарийский язык, сложные глагольные комплексы, семантика, грамматикализация, предельность.

ON THE SEMANTICS OF COMPLEX VERB CONSTRUCTIONS IN HILL MARI: COMPLECTIVE CONSTRUCTIONS

Egor V. Kashkin
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS
egorkashkin@rambler.ru

The article deals with complex verb constructions in the Eastern local dialects of Hill Mari (Kuznetsovo and some neighbouring villages). These are combinations of two verbs in which the first verb (lexical verb) contributes its lexical meaning and takes the form of converb, and the second verb functions as a finite light verb. We focus on the light verbs *šəndäš* 'to seat' and *šuaš* 'to throw', which refer to achieving a result state. The data come from both elicitation and the corpus of transcribed oral narratives. I discuss basic meanings of the constructions concerned, semantic classes of lexical verbs, collocational restrictions and semantic differences between constructions. These issues were not elaborated on in the previous research. In addition, I show how the use of the light verbs in question is influenced by semantic and pragmatic presupposition, and also by the quantificational properties of an object. In conclusion, I discuss the intensificational semantics expressed by the constructions in question, as well as their interaction with the Aktionsart system of Hill Mari.

Keywords: Hill Mari, compound verbal constructions, semantics, grammaticalization, telicity.

References

Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.) Serial verb constructions. A cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2006. xxiv + 369 pp.

Amberber M., Baker B., Harvey M. (eds.) Complex predicates. Cross-linguistic perspectives and event structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. viii + 322 pp.

Bradley J. Mari converb constructions: interpretation and translation. MA Thesis. Vienna: University of Vienna, 2010. 129 pp.

Chkhaidze M. P. Sparennye glagoly v marijskom jazyke [Paired verbs in Mari]. Yoshkar-Ola: Mari Publishing house, 1969. 105 pp.

Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // Language. – 1991 – Vol. 67, № 3. P. 547–619.

Driussi P. Paired verbs – serial verbs in Cheremis // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. – 1992-1993. – № 16/17. P. 59–105.

Grashchenkov P. V. Tyurkskie konverby i serializaciya: sintaksis, semantika, grammatikalizaciya [Turkic converbs and serialization: syntax, semantics, grammaticalization]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2015. 264 pp.

Hopper P., Thompson S. Transitivity and grammar and discourse // Language. – 1980. – Vol. 56 (2). P. 251–299.

Kashkin E. V. K tipologii grammatikalizacii glagolov peremeshcheniya: gornomarijskij glagol *keäš* ‘idti, uhodit’’ [Towards a typology of the grammaticalization of motion verbs: Hill Mari verb *keäš* 'go, leave'] // Problemy komp'yuternoj lingvistiki i tipologii [Issues in computational linguistics and typology]. Voronezh: VSU Publishing house, 2017. P. 36–47.

Kashkin E. V. Grammatikalizaciya gornomarijskih glagolov pozicii [Grammaticalization of Hill Mari posture verbs] // Jazykovye kontakty narodov Povolzh'ja i Urala. XI Mezhdunarodnyj simpozium (Cheboksary, 21-24 maja 2018 g.). [Language contacts of the Volga and the Ural regions peoples. XI International symposium (Cheboksary, 21-24 May 2018)]. Cheboksary: Chuvash University Publishing house, 2018. P. 178–184.

Krifka M. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // Lexical matters. Ed. by I. Sag, A. Szabolcsi (eds.). Chicago: Chicago University Press, 1992. P. 29–53.

Lambrecht K. Information structure and sentence form. Topic, focus and the mental representation of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 388 pp.

Lyashevskaya O. N., Kashkin E. V. Tipy informacii o leksicheskih konstrukciyah v sisteme FrameBank [Types of information on lexical constructions in the FrameBank system] // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova [Transactions of V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS], № 6, 2015. P. 464–556.

Malchukov A. Case pattern splits, verb types and construction competition // Competition and variation in natural languages: The case for case. Ed. by M. Amberber, H. de Hoop. London / New York: Elsevier Science, 2005. P. 73–117.

Mordashova D. D. Osobennosti leksiko-semanticheskogo polya brosaniya v gornomarijskom yazyke (na materiale govora s. Kuznecovo) [The semantic field of throwing in Hill Mari (evidence from the local dialect of Kuznetsovo)] // Talk

at the Conference for the 85th anniversary of A. I. Kuznecova (MSU, 3-4 March 2017).

Paducheva E. V. «Nakopitel' jeffekta» i russkaja aspektologija [The “incremental theme” and Russian aspectology] // Voprosy Jazykoznanija. – 2004 - № 5. P. 46–57.

Pengitov I. T., Galkin I. S., Isanbaev N. I. (eds.) Sovremennyj marijskij yazyk. Morfologiya [Contemporary Mari language. Mophology]. Joshkar-Ola: Mari publishing house, 1961. 324 pp.

Serebrennikov B. A. Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskih yazykah permskoj i volzhskoj grupp [Categories of tense and aspect in the Finno-Ugric languages of the Permic and Volgaic groups]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing house, 1960. 300 pp.

Sidorova M. A. Chislovoe markirovanie sushchestvitel'nogo v gornomarijskih kolichestvennyh konstrukciyah [Noun number marking in Hill Mari quantified expressions] // Acta Linguistica Petropolitana. In press.

Tatevosov S. G. Semantika sostavlyayushchih imennoj gruppy: kvantornye slova [The semantics of NP constituents: universal quantifiers]. Moscow: Institute of World Literature RAS, 2002. 240 pp.

Tatevosov S. G. Glagol'nye klassy i tipologiya akcional'nosti [Verb classes and the typology of Aktionsart]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2016. 568 pp.

ТОПИКАЛИЗАЦИЯ В ЯЗЫКЕ КЛА-ДАН[1]

Макеева Надежда Владимировна
научный сотрудник, ФГБУН Институт языкознания РАН
umuta11@yandex.ru

1. Введение

Кла-дан входит в южную группу семьи манде и локализуется в следующих трёх зонах:

- 18 деревень на юго-западе департамента Ванину на западе Кот-д'Ивуара (дер. Санта, Гбагбадугу, Дродугу, Сефесо, Ньянле и др.) и две деревни на территории Гвинеи (Факородуу, Гелеколодуу), расположенные у границы с Кот-д'Ивуаром;
- 9 деревень, расположенных к югу и юго-востоку от г. Туба (Годуфума, Силакоро, Зала, Гбони, Зо, Лондана, Йо, Бони, Гуан);
- деревня Зузусо-I, расположенная в департаменте Бианкума в Кот-д'Ивуаре.

По оценке 2001 г., число носителей языка кла-дан составляет 25 тыс. чел. [Simons, Fennig 2018]. Условно выделяются три диалекта кла-дан, соответствующие зонам его распространения: санта, годуфума, зузусо.

В глагольном предложении кла-дан порядок слов следующий: «(Подлежащее) — СПП (спрягаемый предикативный показатель) — прямое дополнение — сказуемое — косвенное дополнение/обстоятельство» при переходном глаголе и «(Подлежащее) — СПП — сказуемое — косвенное дополнение/обстоятельство» при непереходном глаголе. Позиция косвенного дополнения/обстоятельства может быть заполнена послеложной группой или именной группой (ИГ), вершиной которой является локативное существительное, или локатив. Локативы, в отличие от собственно существительных, употребляются в постглагольной позиции без послелога.

В атрибутивной ИГ вершина предшествует своим зависимым: *sa̋ȁ₁ gbȁŋ̏₂* 'большое$_2$ жертвоприношение$_1$', *bɛ̰̀₁ yȉȉsìè₂* 'четыре$_2$ человека$_1$', в посессивной ИГ вершина следует за

---

[1] Работа выполнена в рамках проекта РНФ 17-78-20071.

зависимыми: *dɯ̀ɓɪ̀₁ lṵ̀₂ yą̋₃* ‘глаза$_3$ колдунов$_{1,2}$’ (*lṵ̀* — показатель множественного числа), *dʌ̀₁ ɓà₂ yűą̋₃* ‘‘болезнь$_3$ отца$_1$ (*ɓà* — маркер посессивной связи, оформляющий личного посессора при обладаемом, выраженном автосемантичным существительным).

Работа носит дескриптивный характер и основана на полевых материалах, собранных в ходе экспедиционных поездок в респ. Кот-д’Ивуар в 2007-2010 гг. от носителя диалекта санта Чемоко Бамба и от носителя диалекта зузусо Саи Бамба. В работе будут рассмотрены четыре показателя – *dʌ̀*, *à*, *lɛ̀* и *tó*, служащие для маркирования неконтрастивного топика (aboutness topic [Neeleman et. al. 2009: 15]), т.е. исходного пункта сообщения, о котором говорится в высказывании. Несмотря на близость функций, показатели существенно различаются по ряду параметров, таких как:

- тип оформляемой составляющей и частеречная принадлежность показателя,
- уровень экстрапозиции топикализованной составляющей,
- факультативность показателя,
- степень грамматикализованности показателя.

Рассмотрим показатели топика в языке кла-дан по очереди.

2. Показатель *dʌ̀*

Показатель топика *dʌ̀* относится к классу детерминативов – таких элементов, которые могут выступать только в атрибутивной функции и тяготеют к правой позиции в ИГ.

В кла-дан возможны две стратегии топикализации при помощи показателя *dʌ̀*: топикализация с выносом составляющей и топикализация *in situ*. В первом случае ИГ, оформленная показателем топика, выносится в крайнюю левую позицию (1). Если топикализации подвергается не полная, а местоименная ИГ, то используется специальная контрастивная серия местоимений (2а). Если синтаксическая позиция топикализованной ИГ в клаузе соответствует позиции прямого дополнения (1) или зависимого внутри послеложной группы косвенного дополнения (2а), тогда анафорическая отсылка к ней осуществляется при помощи несубъектного местоимения.

(1) ***Lɔ̀ɔ́*** ***dʌ̀*** *yàà̀* *tà* *zìì.*
ямс TOP 3SG.PRF>3SG.NSBJ сажать давно
‘**Ямс** он посадил давно’.

(2а) ***Ɓì*** ***dʌ̀*** *ŋ̀* *ɓɔ̈*
2SG.CNTR TOP 1SG.EXI быть.похожим\NTR
ɤ̀ *ɓä̰.*
2SG.NSBJ на
‘**Ты**, на тебя я похож’.

При топикализации *in situ* топикализуемая ИГ не выносится в крайнюю левую позицию, но остаётся в той позиции, которая соответствует её синтаксической функции, будучи оформленной показателем *dʌ̀*. Однако и в этом случае за топикализуемой ИГ следует так называемая «местоименная реприза» в виде несубъектного местоимения.

(2б) *Ɗ̀* *ɓɔ̈* ***ɓì*** ***dʌ̀***
1SG.EXI быть.похожим\NTR 2SG.CNTR TOP
ɤ̀ *ɓä̰.*
2SG.NSBJ на
‘**Ты**, на тебя я похож’.

При топикализации ИГ подлежащего (3) и генитивного зависимого в группе подлежащего (4) различие между этими двумя стратегиями нейтрализуется, поскольку топикализуемая составляющая исходно занимает крайнюю левую позицию и невозможно определить, расположена ли она линейно внутри клаузы или вне её, а СПП может осуществлять как согласовательную, так и анафорическую (в случае незанятой позиции подлежащего) функцию.

(3) <…> ***yèlɛ̰̀*** *wáä̰* *lɛ̈lɛ́-kpɔ̀*
и 3PL.JNT>3SG.NSBJ спрашивать\JNT
ɓì ***dʌ̀*** *ò* *kà* *dè* *ɓà̰à̰* *dè*
2SG.CNTR TOP 2SG.EXI RETR кто и кто

lɛ̰̀ɛ̰̈ *ɓɤ̈* *ë?*
FOC.3SG.NSBJ есть\NTR Q
‘… затем они спросили: «А **ты**, кого ты ел?»’

(4) ***Lɪ́*** ***ɓà̰*** ***dʌ̀*** *ŋ̀* *lɔ̈* *á*
если 1SG.CNTR TOP 1SG.NSBJ любовь 3SG.JNT
ɓɛ́ *kéë* *kʌ̀* *ä̰* *tìí*
человек\EMPH REL становиться\JNT 3SG.NSBJ человек

yë *wù* *dä̰* *tőő* *gʉ́.*
3SG.EXI мясо класть\NTR соус в

‘Если человек **меня** любит, он кладёт мясо в соус’ (досл. «если любовь ко **мне** делает человека…»).

Необходимость местоименной репризы при топикализации *in situ* свидетельствует о том, что комплементом внутри глагольной или послеложной группы является анафорическое местоимение, следующее за коммуникативно выделенной ИГ, тогда как сама ИГ является адъюнктом к глагольной или послеложной группе соответственно. Таким образом, синтаксическая структура предложения при обеих стратегиях топикализации оказывается очень сходной, разница же заключается только в том, на каком уровне осуществляется адъюнкция: на уровне послеложной или глагольной группы, как при топикализации *in situ*, или на уровне клаузы, как при топикализации с выносом коммуникативно выделенной составляющей в крайнюю левую позицию. Возможность же адъюнкции к послеложной и глагольной группе диахронически связана с особым положением послеложных групп в синтаксической структуре предложения в южных языках манде [Nikitina 2009, Nikitina 2012][1].

Показатель *dʌ̀* служит также для топикализации глагольных групп, которые при этом оформляются показателем номинализации *sʊ̀* и обязательно выносятся в крайнюю левую позицию. Номинализуемая ИГ заменяется несубъектным местоимением 3 ед., помещаемым в позицию прямого дополнения к глаголу *kʌ̀* ‘делать’:

(5) ***Yì-zʌ̀-sʊ̀*** ***dʌ̀*** *ŋ̀ŋ̀* *kʌ̀*.
сон-бить-NMLZ TOP 1SG.EXI>3SG.NSBJ делать\NTR
‘**Спать-то** я сплю’.

3. Показатель *à*

Показатель топика *à*[2] оформляет в наших материалах ИГ с локативным существительным (6) или номинализованной формой глагола в позиции вершины (7), а также послеложные группы (8).

---

[1] Более подробную аргументацию в пользу трактовки данного явления как экстрапозиции *in situ* см. в [Макеева 2013].

[2] Сегментная основа показателя имеет следующие варианты: *à, è, àà, èè*. Если предшествующая стопа назализованная, показатель тоже может получать факультативную назализацию. Тон показателя расподобляется с предшествующим тоном: после ультранизкого, высокого и ультравысокого тона он получает низкий тон, а после низкого тона – высокий.

(6) ***Lìàā̋*** ***à*** *ɓɤ̀* *sɔ̀* *gbɛ̋ŋ̋lɤ̀*
завтра TOP 2SG.IMP рано.вставать быстро

kɤ̀ŋ́ *ɤ̀* *yɛ̀* *Sáŋ̈tä̀* *lɤ̀.*
чтобы.1SG.CONJ 2SG.NSBJ посылать Санта в
‘**Завтра** тебе нужно будет рано встать, чтобы я отправил тебя в дер. Санта’.

(7) ***Yì-zʌ̀-sɯ̈̀*** ***à*** *ŋ̀* *sɯ̈ë̈* *Ø*
сон-бить-NMLZ TOP 1SG.EXI мочь\NTR 3SG.NSBJ

lɛ̋ *ɓą́ą̀* *kʌ̀.*
перед 1SG.PRF>3SG.NSBJ делать
‘**Спать**, это я могу’.

(8) *Bą̀* *dʌ̀* ***Bą́ą́*** ***lɤ̀*** ***ɛ́*** *pʌ* *ɓá*
1SG.CNTR TOP Ман в TOP вещь некий

yáá *ŋ̀* *gɔ̈.*
3SG.NEG.IPFV 1SG.NSBJ у
‘У меня-то **в Мане** ничего нет’.

В подавляющем большинстве случаев употребление показателя *à* факультативно, так как послеложные группы (9) и локативы (10) могут быть вынесены в крайнюю левую позицию и без дополнительного оформления:

(9) ***Kɯ̀ɛ̀*** ***dò*** ***ká*** ***ɨ̈ɨ̀*** ***pɤ́*** ***lɤ̀*** ***Kpɔ̋ɔ̈*** ***lɤ̀***
год один с 1PL.EXCL.POSS деревня в Кпо-I в

dɯ̀ *ɓɨ̰̀* *lṵ̀* *wɔ̀* *kṵ̀* *ɓṵ̀*
колдовство человек\REF PL 3PL.EXI быть.PST\NTR там

plʌ̀ʌ́.
многочисленный
‘**В один год в нашей деревне, в Кпо-I,** было много колдунов’.

(10) <…> *yèlɛ̰̀* *áä̀* *pɤ́*
и 3SG.JNT>3SG.NSBJ говорить\JNT

dɛ̈ɛ̈̀ *kä̀* *lò* *ká* *ɓɨ̰̀* *lṵ̀*
сегодня 2PL.IMP идти\IMP 2SG.CONJ человек.PL PL

lɔ̈-ɓò, *pɤ́* *ɓɨ̰̀* *lṵ̀* *lɔ̈-ɓò.*
созывать деревня человек\REF PL созывать
‘…и сказал: “**Сегодня** идите созовите людей, созовите жителей деревни!” ’

Показатель *à* может также факультативно оформлять ИГ в позиции адъюнкта к клаузе, если она имеет при себе основной показатель топика для ИГ – *dʌ̏* (11).

(11) ***Ɔ̀*** ***dʌ̀*** ***dʌ̏*** ***à*** *ȁ* *lɔ̏*
1SG.NSBJ отец TOP TOP 3SG.NSBJ любовь

yȅ *ŋ̀* *kʌ̏.*
3SG.EXI 1SG.NSBJ становиться\NTR

‘**Отца** я люблю’.

4. Показатель *lɛ̏*

Показатель *lɛ̏* является детерминативом, как и показатель *dʌ̏*, однако встречается в наших материалах довольно редко и оформляет только ИГ, вынесенные в крайнюю левую позицию в клаузе.

(12) ***Dɛ̏ɛ̏*** ***lɛ̏*** *síŋ̏* *gbà-sɯ̏* *á* *dɛ̏ɛ̏*
сегодня TOP сейба давать-NMLZ 3SG.JNT сегодня

ɛ̀ *ɓà̰á̰* *gùɛ̀* *lɯ̏* *lɛ̰̀ɛ̰̏* *gbà*
TM 1SG.PROSP сейба дерево\REF FOC.3SG.NSBJ давать

dɛ̏ɛ̏ *ɓlɑ̋ɑ̋* *lɛ̰̀ɛ̰̏* *ká.*
сегодня баран FOC.3SG.NSBJ с

‘**Сегодня**, на сегодняшнем поклонении, я принесу в жертву сейбе барана’.

5. Другие функции показателей *à* и *lɛ̏*

Показатели *à* и *lɛ̏* выступают также в качестве финальных маркеров первой клаузы полипредикативных конструкций. Показатель *lɛ̏* встречается в наших материалах довольно редко и оформляет первые клаузы таксисных (13) и условных конструкций (14).

(13) *Ó* *lò* *kàȁ* *sɛ̋* *gɯ́* ***lɛ̏***
2SG.JNT идти\JNT 2PL.POSS земля в TM

ɓá̰ *yɛ̋* *ɤ̀* *lèɛ̋* *ká* *ȍȍ.*
1SG.PRF говорить 2SG.NSBJ мать с EMPT

‘Когда ты поедешь в вашу страну, передай от меня привет своей матери’.

(14) *Yáá* *kṵ̀* *kʌ̀* *ɓì*
3SG.NEG.IPFV быть.PST становиться 2SG.CNTR

ɤ̀ *ká* ***lɛ̃*** *ɓą́ą́* *kṵ̀* *ɓą̀ą́*
2SG.NSBJ с TM 1SG.NEG.IPFV быть.PST 1SG.PROSP

lṵ̀ *Là̀gílą́* *ɔ̀ɔ̃̀.*
приходить Гвинея EMPT
‘Если бы не ты, я бы не приехал в Гвинею’.

Показатель *à*, напротив, широко употребляется в первой клаузе различных типов полипредикативных конструкций. Он оформляет первые клаузы таксисных (15), условных (16) и уступительных (17) сложных предложений, а также коррелятивные клаузы (18).

(15) *Ó* *ò* *kó* *yè* ***á*** *yèlɛ̃̀*
3PL.JNT 3PL.REFL друг.друга видеть\JNT TM и

dṵ̃̀ɛ̃̀ŋ̃̀ *áà̀* *pɤ̀ɤ̃̀* *lʌ̃̀:*
дух 3SG.JNT>3SG.NSBJ говорить\JNT.3SG.NSBJ для

ɓáá *ɓɤ̀ɤ́* *sʊ̃̀ɛ̃̀ɛ̀* *Ø* *lɛ́*
2SG.NEG.IPFV 2SG.PROSP мочь 3SG.NSBJ перед

zú *kɤ̀ɤ́* *tà̀-sḭ̀ɛ̀ɛ́.*
больше.не чтобы.2SG.CONJ на-поворачиваться
‘Когда они [он и дух] встретились, дух ему сказал: «Ты не сможешь больше вернуться»’.

(16) *Ḭ́* *gìɛ̀ɛ̃̀* *tà̀* ***à*** *kɤ̀*
1SG.JNT проходить\JNT.3SG.NSBJ на TM чтобы

ɓą̀ą́ *dà̀* *zőő* *lṵ̃̀* *lɛ́.*
1SG.PROSP подниматься ведун PL перед
‘Если я скажу больше, я нанесу обиду ведунам’.

(17) *Àa̋lḭ̃̀* *ɓą́* *bɛ̃̀lɛ́* *gà* *sú* ***ɛ̀***
хотя 1SG.PRF лекарство кость брать TM

ɓą́ą́ *sʊ̀ɛ̃̀ɛ̃̀-káà̀* *lɛ́* *ŋ́*
1SG.NEG.IPFV уметь-INF.3SG.NSBJ перед 1SG.CONJ

yì-z*ʌ̀*.
сон-бить
‘Хотя я выпил таблетку, я всё равно не могу заснуть’.

(18) *Ɓà̰á̰* *lìàŋ́* *kéȅ* *zʌ̀* *ɤ̀* *lʌ̏* *ɛ̀*
1SG.PROSP речь REL бить 2SG.NSBJ для TM

yȅ *tó* *ò* *glű!*
3SG.CONJ оставаться 2SG.NSBJ живот
‘Не забывай слова, которые я тебе скажу!’

Две функции показателей *à* и *lɛ̏* очевидным образом связаны между собой: обстоятельственные предложения, находящиеся в препозиции к главному, как правило, сообщают фоновую информацию, а значит, в некотором смысле топикальны [Givón 2001: 355].

Отдельного внимания заслуживают коррелятивные конструкции с дейктическим наречием *wɛ̏*, которые используются как средство коммуникативного выделения ИГ. В такой коррелятивной клаузе коммуникативно выделенная ИГ занимает позицию подлежащего, а сама клауза может быть буквально переведена как: «X, который находится здесь». Если коррелятивная клауза используется в функции топикализации, она может быть факультативно оформлена показателями *à* или *lɛ̏*.

(19) *Lè* *á* *lò* *á* *yȁ*
женщина 3SG.JNT идти\JNT 3SG.JNT садиться\JNT

gɔ̰̀ *ɓá* *gùèŋ̏* ***ȁ*** ***gɔ̰̏*** ***á***
мужчина некий на.вершине 3SG.NSBJ муж 3SG.JNT

wɛ̏ ***lɛ̏*** *ò* *ɓà̰ȁ̰* *lè* *pȅȅdʌ̀*
здесь TOP 3PL.CNTR и.3SG.NSBJ женщина два

wòó *dȁ* *ò* *wȕ* *kɤ̀ɤ́*
3PL.PROSP подниматься 2SG.NSBJ под чтобы.2SG.CONJ

kʌ̀ *ɓɛ̰̀* *ɓɛ̋ȅ* *ká.*
становиться человек красивый с
‘Если женщина выйдет замуж за другого мужчину, **её муж** будет вдвоём вместе с ней о тебе заботиться, чтобы ты стал хорошим человеком’.

Клаузы с дейктическим наречием *wɛ̏* представляют собой единственный тип коррелятивных клауз, которые могут оформляться показателем *lɛ̏* в наших материалах, более того, они являются основным контекстом его употребления. Не менее интересно и то, что показатель *lɛ̏* может употребляться при данном дейктическом наречии и в независимых предложениях:

(20) *Ɓa̰ɑ̰́* *lȕȅȅ* *kéȅ* *dɔ̀* *ɤ̀* *tȁ* *sɑ̰̋ɓa̰ɑ̰̀*
1SG.PROSP совет REL давать 2SG.NSBJ на когда

ó *lò* *yȉ* *zḭŋ̏* *yè*
2SG.JNT идти\JNT день\REF между 3SG.CNTR

lɛ̰̀ɛ̰́ *wɛ̏* ***lɛ̏.***
FOC.3SG.JNT здесь TM
‘Вот совет, который я тебе дам в день отъезда’.

6. Показатель *tó*

Особое место в системе показателей топика занимает показатель *tó*, восходящий к таксисному союзу. Таксисный союз *tó* вводит непервые клаузы нарративной цепочки и требует употребления перфектной конструкции, вне зависимости от времени и характера протекания описываемых в них ситуаций. События, описываемые клаузами, которые вводит союз, чаще всего следуют друг за другом регулярно в прошлом или настоящем, либо осуществляются одновременно[1]:

(21) *Yɪ̋* *ɓɯ̰̀* *kɔ̏ɔ̏* *yáá* *kʌ̀-ká*
Вода пить калебаса 3SG.NEG.IPFV становиться-INF

ɓɯ̰̀ ***tó*** *wàȁ* *klɯ̏-kʌ̀* ***tó*** *wà* *gbɔ̋ɱ̋*
там и 3PL.PRF>3SG.NSBJ сгибать и 3PL.PRF рафия

pɛ̰̋ *ɓá* *sɯ́* ***tó*** *wàȁ* *sɔ̏*
часть некий брать и 3PL.PRF>3SG.NSBJ проникать

Ø *gɯ́* ***tó*** *ȁ* *pʌ̀* *à* *kʌ̀*
3SG.NSBJ в и 3SG.NSBJ вещь 3SG.PRF становиться

lɛ̏ɛ̏ *yɪ̋* *ɓɯ̰̀* *kɔ̏ɔ̏* *lɤ́* ***tó*** *wà* *yɪ̋* *ɓɯ̰̀*
как вода пить калебаса как и 3PL.PRF вода пить

ȁ *gɯ́.*
3SG.NSBJ в
‘Там нет калебасы для питья воды, и они их [листья] складывают и берут обрезы рафии и вставляют их в листья. И эта вещь становится похожей на калебасу для питья воды, и из неё пьют воду.’

[1] В последнем случае такую цепочку нельзя назвать нарративной в строгом смысле слова.

Вместо первой клаузы, задающей временную точку отсчёта для всех последующих клауз, союзу может предшествовать темпоральное обстоятельство, выраженное послеложной (22) или именной группой (23), в частном случае ИГ с номинализацией (24). При этом речь идёт по-прежнему о регулярно осуществляющихся событиях.

(22) ***Ȁ̀*** ***yì*** ***ká*** *tó* *ɓɛ̰̀* *gbò̰* *sɛ̋ŋ̋* *à*
3SG.NSBJ день с TOP человек весь все 3SG.PRF

lṵ̀, *pɤ́* *gɯ́* *ɓḭ̀* *lṵ̀* *gbò̰*
приходить деревня внутренность человек\REF PL весь

à *lṵ̀* *à̰̀* *sa̋à̰̀* *ɓò̰.*
3SG.PRF приходить 3SG.NSBJ жертвоприношение на
‘**В этот день** все люди приходят, все деревенские жители приходят на жертвоприношение’.

(23) ***Kɯ̀ɛ̰̀*** ***dò*** *tó* *ló̰* *dò* *yà* *gà.*
год один TOP ребёнок один 3SG.PRF умирать
‘**Каждый год** умирает ребёнок’.

(24) *Bḭ̀* *lṵ̀* *wɔ̰̀* *lè* *yɔ̰̀*
человек.PL PL 3PL.EXI женщина калым

kʌ́-ká *ḭ̀ḭ̀* *sɛ̋* *gɯ́* *lɛ̰̀.*
становиться-INF 1PL.EXCL.POSS земля в FOC
‘В нашей стране люди платят калым за женщину’.
Ȁ̀ ***zù-ɓò-sɯ̀*** *tó* *ɓá* *lṵ̀* *gɔ́*
3SG.NSBJ начинать-NMLZ TOP 2SG.PRF приходить кола

ká
с
‘**Сначала** ты приходишь с орехами кола’.

Также в эту позицию могут выноситься ИГ подлежащего (25) и дополнения (26):

(25) ***Lɯ̀ɯ̀tḭ̀*** ***tó*** *yà* *sa̋à̰̀*
вождь.деревни TOP 3SG.PRF жертвоприношение

kpɔ́ *à̰̀* *ya̋* *lṵ̀* *tà̰.*
рожать 3SG.NSBJ пища PL на
‘**Вождь деревни** совершает жертвоприношение на еде’.

(26)	*Àā̋lḭ̀*	***lɔ̀ɔ̋dɛ̀ɛ̀lʌ̰́***	*tó*	*wà*	*sɔ̰̋-kʌ̀*	*ȁ*
	даже	младенец	TOP	3PL.PRF	страх-делать	3SG.NSBJ

lɛ̋
перед
‘Даже **младенца** они боятся’.

В данном случае речь идёт не просто о возникновении у союза функции показателя топика. Тот факт, что союз оказывается в неначальной позиции в клаузе и следует за неоформленной ИГ, говорит о возникновении новой омонимичной единицы, занимающей иную синтаксическую позицию, нежели союз, а следовательно, имеющей иную частеречную принадлежность. По своим синтаксическим свойствам *tó* напоминает показатель *à*, также оформляющий как именные, так и послеложные группы. По-видимому, оба показателя должны быть отнесены к классу частиц. Употребление показателя топика *tó* по-прежнему ограничено контекстом регулярно или одновременно осуществляющихся событий, а вершина клаузы при нём во всех случаях в наших материалах занята СПП перфектной серии.

7. Заключение

В работе были описаны четыре единицы языка кла-дан, функционирующие в качестве показателей неконтрастивного топика: *dʌ̀, à, lɛ̀, tó*. Показатели проявляют существенные различия в дистрибуции — частеречной принадлежности и типу оформляемых составляющих, частотности и степени грамматикализации. Показатели *dʌ̀* и *lɛ̀* являются детерминативами и оформляют топикализованные ИГ, однако показатель *lɛ̀*, в отличие от *dʌ̀*, встречается в наших материалах крайне редко и оформляет только ИГ в позиции адъюнкта к клаузе, тогда как экстрапозиция ИГ, оформленных показателем *dʌ̀*, может осуществляться как на уровне клаузы, так и на уровне послеложных и глагольных групп. Показатели *à* и *tó* могут быть отнесены к частицам: они оформляют составляющие различных типов, а именно послеложные и именные группы. Оформляемые ими составляющие должны при этом находиться в позиции адъюнкта к клаузе. В отличие от *dʌ̀, lɛ̀* и *tó*, показатель *à* не может самостоятельно оформлять ИГ, где позиция вершины занята собственно существительным, а только такие ИГ, где в позиции вершины находится локативное существительное или номинализованная форма глагола. В то же время

он может факультативно оформлять ИГ с основным показателем топика *dʎ*̀. Показатель *tó* является, как кажется, наименее грамматикализованным из всех показателей. Так, он требует такого же семантического и грамматического контекста употребления, как и таксисный союз, к которому он восходит. В то же время факультативность употребления связана, по-видимому, не со свойствами того или иного показателя, а с типом топикализованной составляющей, которую этот показатель оформляет: при выносе в крайнюю левую позицию послеложных групп и локативов последние могут оставаться неоформленными.

Сокращения

ИГ – именная группа

СПП – спрягаемый предикативный показатель

CNTR – контрастивная серия местоимений

CONJ – конъюнктивная серия СПП

EMPH – замена лексического тона существительного высоким тоном, показатель эмфатически-определённой формы некоторых существительных с генерическим значением

EMPT – показатель фокуса эмпатии

EXCL – эксклюзивное СПП/местоимение

EXI – экзистенциальная серия СПП

FOC – показатель фокуса

IMP – императивная серия СПП, мена тонального контурного глагола в императивной конструкции

INF – суффикс инфинитива

JNT – сопряжённая серия СПП; мена лексического тонального контура глагола в сопряжённых конструкциях

TM – финальный маркер

NEG.IPFV – имперфективно-отрицательная серия СПП

NMLZ – показатель номинализации

NSBJ – несубъектная серия местоимений

NTR – мена лексического тонального контура глагола в конструкциях с СПП экзистенциальной серии

PL – множественное число, показатель множественного числа, плюральная основа существительного

POSS – посессивная серия местоимений, показатель посессивной связи

PRF – перфектная серия СПП

PROSP – проспективная серия СПП

PST – план прошлого

Q — показатель вопроса

REF – показатель референциального сдвига
REL – показатель релятивизации
RETR – показатель ретроспективного сдвига
SG – единственное число
TOP – показатель топика

Литература

Макеева Н.В. Коммуникативные стратегии и коррелятивная конструкция в языке кла-дан и других южных манде // Вопросы языкознания, 2013, № 1. С. 77-94.

Givón, T. (1990) Syntax. A functional-typological introduction. Vol. 2. Amsterdam: Benjamins.

Makeeva N. (2017) Conjonctions de taxis en kla-dan. *Mandenkan* 58. P. 47-67.

Neeleman, A., Vermeulen, R., van de Koot, H., Titov, E. (2009) A syntactic typology of topic, focus and contrast. van Craenenbroeck, J. (ed.). Alternatives to Cartography. Jeroen van Craenenbroeck (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter. P. 15-51.

Nikitina, T. (2009) The syntax of postpositional phrases in Wan, an "SOVX" language. *Studies in Language* 33 (4). P. 910-933.

Nikitina, T. (2012) Clause-internal correlatives in Southeastern Mande: A case for the propagation of typological rara. *Lingua* 122. P. 319-334.

Simons G. F., Fennig Ch. D. (eds.) (2018). Ethnologue: Languages of the World, 21st edition. Dallas, Texas: SIL International. Online version: http://www.ethnologue.com.

Резюме

В статье рассматриваются четыре единицы языка кла-дан (< южные манде < манде < нигер-конго), функционирующие в качестве показателей неконтрастивного топика: *dɛ̀*, *à*, *lɛ̀* и *tó*. Показатели существенно различаются по ряду параметров: частеречной принадлежности, типу и уровню экстрапозиции оформляемых составляющих, частотности и степени грамматикализации. Показатели *dɛ̀* и *lɛ̀* относятся к детерминативам и оформляют топикализованные именные группы, тогда как показатели *à* и *tó* оформляют составляющие различных типов, а именно послеложные и именные группы, и могут быть отнесены к частицам. Именные группы, оформленные показателем *dɛ̀*, могут занимать все позиции, предназначенные для топика, а именно: позицию адъюнкта к клаузе (крайняя левая позиция), позицию адъюнкта к послеложной группе и позицию адъюнкта к глагольной группе. Именные группы, оформленные тремя другими показателями,

могут занимать только позицию адъюнкта к клаузе. Показатель *lɛ̏* встречается в наших материалах крайне редко, а показатель *tó* является слабо грамматикализованным и требует семантического и грамматического контекста, характерного для таксисного союза *tó*, к которому он восходит. Показатели *à* и *lɛ̏* функционируют также в качестве финальных маркеров коррелятивных клауз и первых клауз таксисных, условных и уступительных полипредикативных конструкций. Эта функция диахронически связана с функцией показателя топика: препозитивные обстоятельственные клаузы, как правило, топикальны и сообщают фоновую информацию.

Ключевые слова: языки манде, кла-дан, топикализация, экстрапозиция.

TOPICALIZATION IN KLA-DAN

Makeeva Nadezhda Vladimirovna
research fellow,
The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
umuta11@yandex.ru

This paper deals with four aboutness topic markers in Kla-Dan (< South Mande < Mande < Niger-Congo): *dʌ̏*, *à*, *lɛ̏*, *tó*. These markers differ significantly with respect to a number of parameters: the syntactic class of the marker, type of the topicalized constituent, the level of extraposition of the topicalized constituent, the frequency and the degree of grammaticalization of the marker. The markers *dʌ̏* and *lɛ̏* are determinatives and are used to topicalize only noun phrases, whereas *à* and *tó* are used to topicalize constituents of different types, such as postpositional and noun phrases, and thus can be considered as particles. Noun phrases marked by the *dʌ̏* marker can fill all the three syntactic positions reserved for topic: adjunct to the finite clause (clause-initial position), adjunct to the postpositional phrase and adjunct to the verb phrase. Noun phrases marked by the other three topic markers occur only in the clause-initial position. The *lɛ̏* marker is rarely attested in our data. The *tó* marker is grammaticalized only partially and is restricted to the same semantic and grammatical contexts as is the temporal conjunction *tó*, to which it is related diachronically. The markers *à* and *lɛ̏* are also used as final markers in correlative clauses and in the first clauses of temporal, conditional and concessive multi-clausal constructions. There is a diachronic relationship between these two functions: preposed adjunct clauses are mostly topical.

Keywords: Mande languages, Kla-Dan, topicalization, extraposition.

References:

Makeeva N. Kommunikativnye strategii i korreljativnaja konsturkcija v jazyke kla-dan i drugih juzhnyh mande [Communicative strategies and correlative construction in Kla-Dan and other Southern Mande languages]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2013, № 1. P. 77-94.

Givón, T. 2001. Syntax. Vol. 2. Amsterdam: Benjamins.

Makeeva N. (2017) Conjonctions de taxis en kla-dan. *Mandenkan* 58. P. 47-67.

Neeleman, A., Vermeulen, R., van de Koot, H., Titov, E. (2009) A syntactic typology of topic, focus and contrast. van Craenenbroeck, J. (ed.). Alternatives to Cartography. Jeroen van Craenenbroeck (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter. P. 15-51.

Nikitina, T. (2009) The syntax of postpositional phrases in Wan, an "SOVX" language. *Studies in Language* 33 (4). P. 910-933.

Nikitina, T. (2012) Clause-internal correlatives in Southeastern Mande: A case for the propagation of typological rara. *Lingua* 122. P. 319-334.

Simons G. F., Fennig Ch. D. (eds.) (2018). Ethnologue: Languages of the World, 21st edition. Dallas, Texas: SIL International. Online version: http://www.ethnologue.com.

ИНТОНАЦИЯ ОБЩИХ МОДАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Мелихова Мария Александровна
аспирант, Институт языкознания РАН
melichowa@mail.ru

Введение

Общий модальный вопрос, или *да-нет*-вопрос, – это вопрос без вопросительного слова, который отличается от повествовательного предложения только интонацией. Прямой ответ на *да-нет*-вопрос предопределяется структурой вопроса. Это слова *да* или *нет*, синонимичные им слова (*конечно, безусловно* и т.д.), а также повтор вопросительного компонента (*Пришел? – Пришел*).

Задача данной работы – анализ вопросно-ответной пары в польском языке. В настоящей статье рассматриваются наиболее распространенные варианты интонационного оформления общих модальных вопросов в польском языке и ответов на них, в чем и заключается **новизна** работы. **Актуальность** исследования обусловлена возрастающим интересом к анализу звучащей речи и к структуре дискурса.

Материал и методы исследования

Анализ звучащей речи проводился с помощью программы “Praat”, настройки использованы стандартные. На тонограммах показаны графики изменения частоты тона. Материалом послужили аудиозаписи на польском языке из учебных курсов, фильмов и телепередач. Общий объём проанализированных аудиозаписей составляет около 10 часов. Для описания польской интонации в данной работе используется система интонационных конструкций (далее – ИК), созданная Е. А. Брызгуновой для русского языка. В полонистике для этих же целей используется система описания интонации Дж. Пьерхамберт [Wiśniewski 2000; Demenko 1999], однако мы считаем систему Е. А. Брызгуновой достаточной для описания польской интонации, поскольку бóльшая часть интонационных конструкций русского языка сопоставима с ИК польского языка.

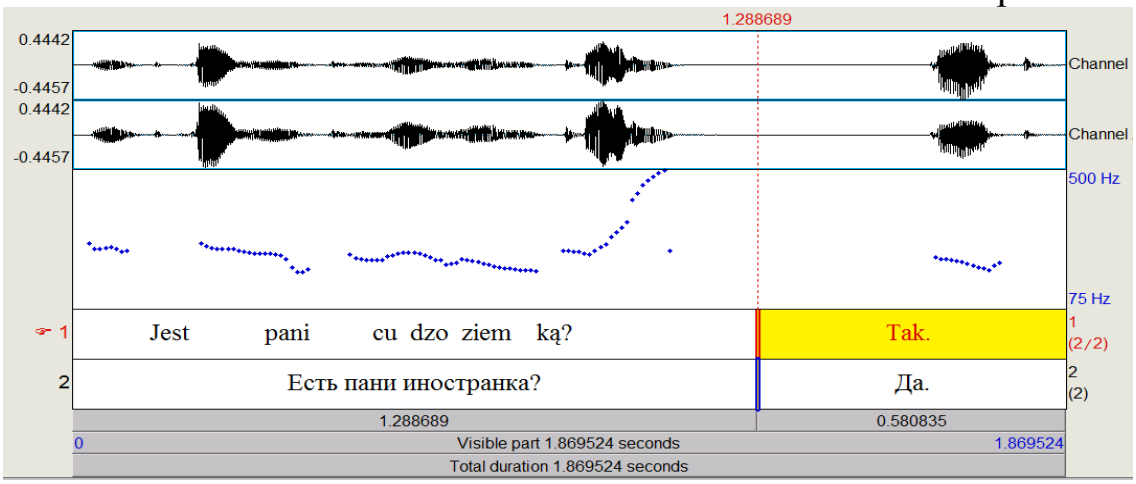
Результаты анализа

1) Общий модальный вопрос интонационно маркируется акцентом типа ИК-4 на вопросительном компоненте вопроса. Эта интонационная конструкция предполагает понижение частоты тона или ровный тон на ударном слоге словоформы-акцентоносителя и повышение тона на заударных слогах, если они есть. В примере (1) на графике по оси абсцисс показано время в секундах, по оси ординат – частота в герцах. График демонстрирует нисходяще-восходящий интонационный рисунок на словоформе *cudzoziemką*, в которой ударный слог *ziem* произносится ровным тоном, а заударный *ką* сопровождается повышением тона. Такая интонационная конструкция соответствует акценту типа ИК-4, по классификации русской интонации Е. А. Брызгуновой [Брызгунова 1980:114].

(1) *Jest pani cudzoziemką? – Tak.*

‘<Есть> пани иностранка? – Да’.

Тонограмма 1

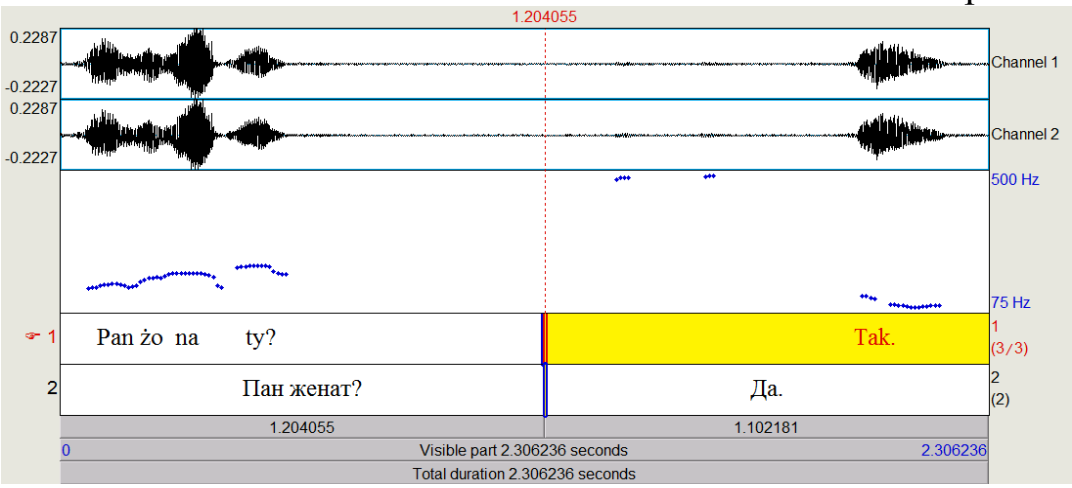


2) Еще одним вариантом интонационного оформления *да-нет*-вопроса служит специфическая конструкция с подъемом на ударном слоге и последующим подъемом на заударном слоге. Эта модель отсутствует в списке ИК Е. А. Брызгуновой. Периферийные употребления такой интонационной модели в русской речи рассмотрены в работе Т. Е. Янко, где эту модель предложено называть «градуальным подъемом» [Янко 2016: 842]. Пример (2) иллюстрирует градуальный подъем на словоформе *żonaty* ‘женат’.

(2) *Pan żonaty? – Tak.*

‘Пан женат? – Да’.

Тонограмма 2

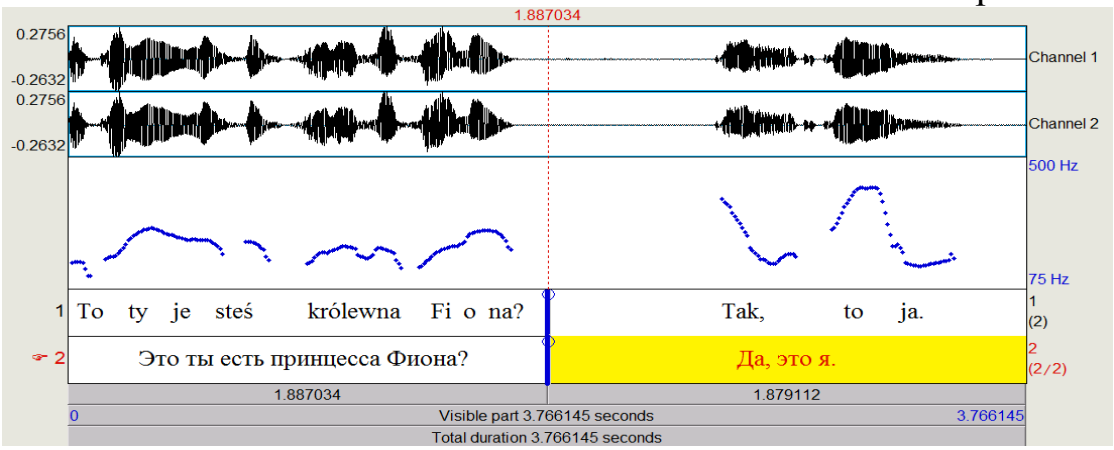


3) Наряду с акцентом типа ИК-4 и градуальным подъемом в польском языке маркером вопроса служит акцент типа ИК-3. В этом случае на акцентоносителе наблюдается повышение тона голоса на ударном слоге и падение на заударных слогах, если они есть. Такая интонационная конструкция наименее распространена в польском языке. Интонационная конструкция такого типа показана в примере (3). Повышение тона на словоформе *Fiona* происходит на ударном предпоследнем слоге, а на заударном наблюдается падение.

(3) *To ty jesteś królewna Fiona? – Tak, to ja.*

‘Это ты <есть> принцесса Фиона? – Да, это я’.

Тонограмма 3



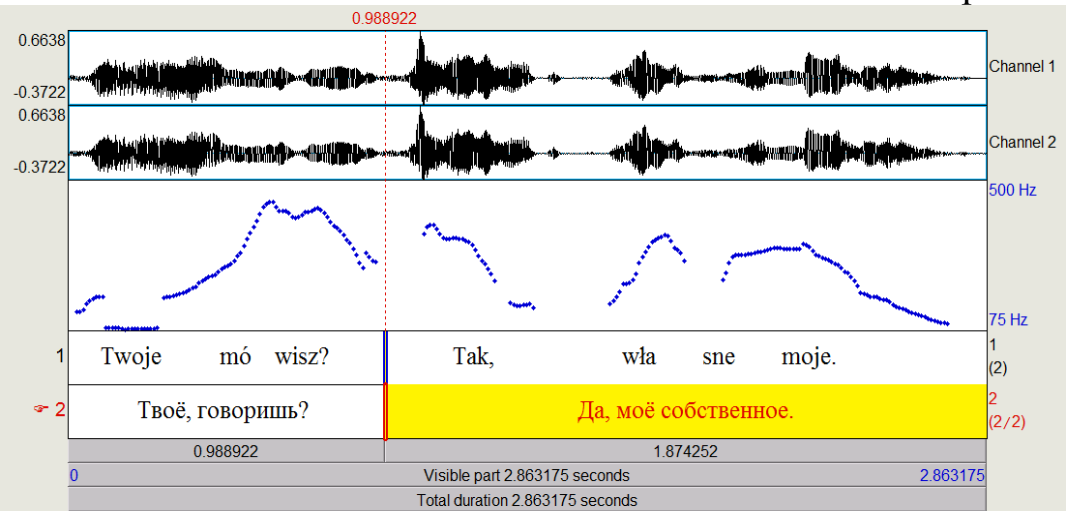
4) Что касается ответа на общий модальный вопрос, то он маркируется падением частоты тона на ударном слоге словоформы-акцентоносителя, которое продолжается на заударных слогах, если они есть, это акцент типа ИК-1, по

Е. А. Брызгуновой. Падение такого типа наблюдается в примере (4) на словоформе *tak*.

(4) *Twoje mówisz? – Tak, własne moje.*

‘Твоё, говоришь? – Да, моё собственное’.

Тонограмма 4



Такое падение тона характерно и для повествовательного предложения, однако интонация ответной реплики и простого повествовательного предложения не всегда тождественны, что мы можем подтвердить следующими примерами.

5) Если в интонацию ответа вносятся какие-либо дополнительные оттенки смысла, то интонация ответной реплики изменяется. В примере (5) ответная реплика произносится с некоторой долей удивления и возмущения в голосе. На словоформе *tak* можно видеть резкое понижение тона голоса, а продолжение ответной реплики маркируется конструкцией типа ИК-2. Это падение тона, причём падению предшествует подъем, он обеспечивает «набор высоты тона», необходимый для рельефного падения. Начальное падение на этой словоформе происходит на согласном звуке [t], который в этом примере очень чётко произносится.

(5) *Czy w pokoju jest telewizor? – Tak!*

‘Есть ли в комнате телевизор? – Да!’

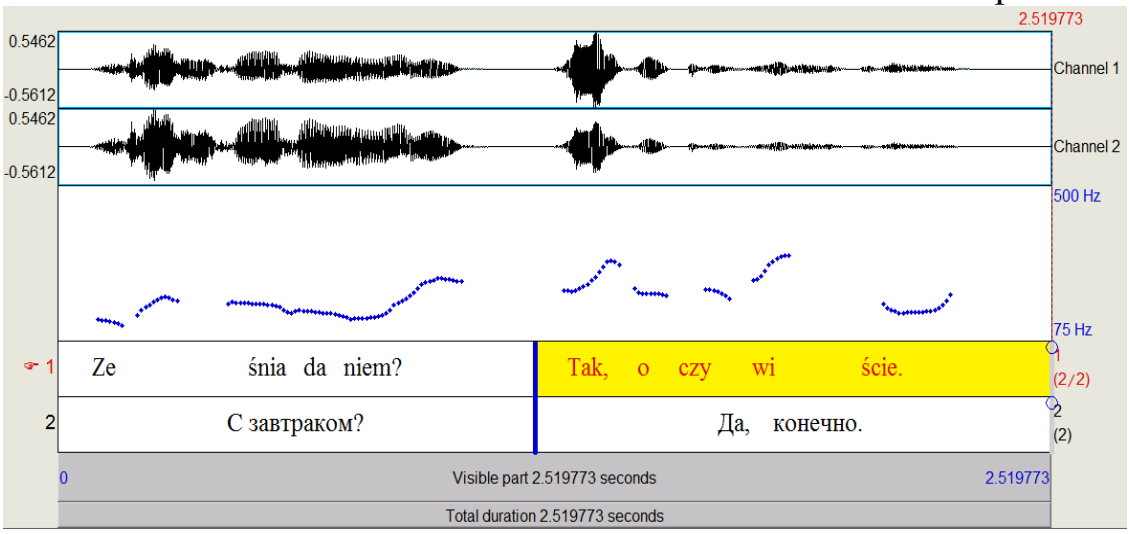
Тонограмма 5

6) Ответ на *да-нет*-вопрос также может маркироваться восходящей интонацией. В примере (6) в первом случае на единственном слоге словоформы *tak* реализуется восходящий тон, а во втором случае, на словоформе *oczywiście* ‘конечно’, подъём тона сопровождает ударный слог, а на заударном слоге происходит падение. Это соответствует акценту типа ИК-3 по классификации Е. А. Брызгуновой.

(6) *Ze śniadaniem? – Tak, oczywiście.*

‘С завтраком? – Да, конечно’.

Тонограмма 6

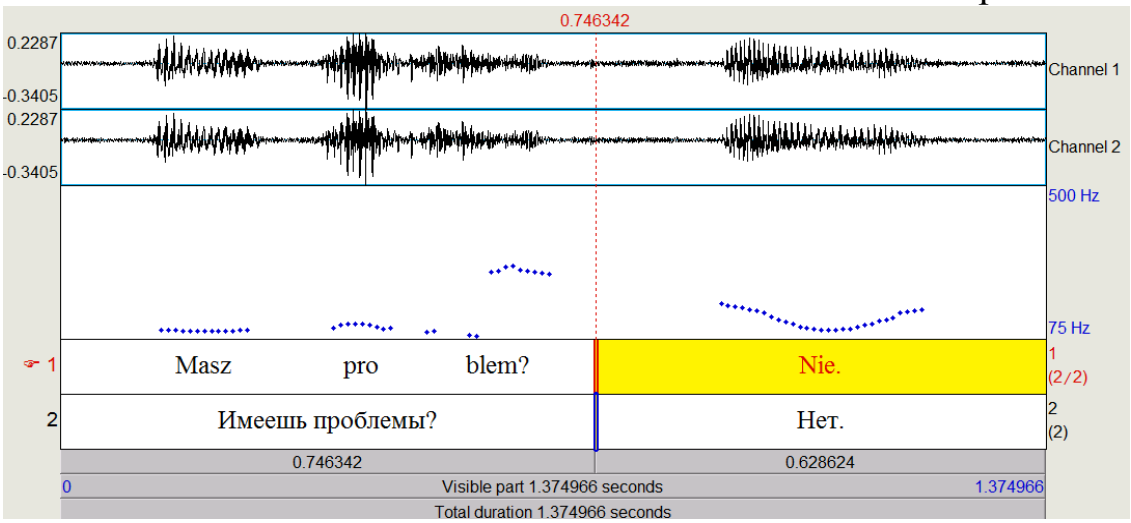


7) Нисходяще-восходящая интонация может встречаться и в ответных репликах. Если обратиться к примеру (7), то можно заметить, что ИК-4 здесь маркирует так называемый «ответ с вызовом». Ответ *nie* на одном слоге реализует нисходяще-восходящую интонацию.

(7) *Masz problem? – Nie.*

‘Имеешь проблемы? – Нет’.

Тонограмма 7



Выводы

Таким образом, вопрос без вопросительного слова в польском языке маркируется акцентом типа ИК-4, реже встречаются градуальный подъём и акцент типа ИК-3. Интонационная структура ответа на *да-нет*-вопрос в польском языке представлена различными конструкциями, такими как падение тона, как при ИК-1, либо падение, которому предшествует подъем внутри ударного слога, как при ИК-2, восходящая или нисходяще-восходящая интонация. В целом, интонация ответной реплики довольно разнообразна, она не тождественна интонации повествовательного высказывания, а зависит от многих факторов, среди которых очень важна эмоциональная составляющая.

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. М.: Наука, 1980. 783с. С. 96–122.

Янко Т. Е. Новые интонационные конструкции русского языка: разработка транскрипции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Изд-во РГГУ, 2016.

Demenko G. Analiza cech suprasegmentalnych języka polskiego na potrzeby technologii mowy. Poznań, 1999.

Wiśniewski M. Zarys fonetyki i fonologii współczesnego języka polskiego. Toruń, 2000.

Резюме

В статье рассматривается интонация общих модальных вопросов и ответов в польском языке. Для описания интонации используется система классификации интонационных конструкций, созданная Е. А. Брызгуновой. На конкретных примерах, проиллюстрированных с помощью компьютерной программы “Praat”, обсуждаются варианты интонационного оформления вопросно-ответных реплик. Особое внимание уделяется разнообразию интонации ответных реплик, ее отличиям от интонации повествовательных предложений.

Ключевые слова: интонация, вопрос, ответ, интонационная конструкция, польский язык

INTONATION OF THE OVERALL MODAL QUESTIONS AND ANSWERS IN POLISH

Maria A. Melikhova
The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Summary

The article deals with the intonation of common modal questions and answers in Polish. To describe intonation, we use the system of classification of intonational structures elaborated by E. A. Bryzgunova. The article discusses options of the intonation of question-answering replicas and illustrates concrete examples using the computer program “Praat”. The paper focuses on the intonational variety of response replicas and its distinction of narrative sentences.

Keywords: intonation, question, answer, intonation construction, Polish

References

Bryzgunova E. A. Intonacija // Russkaja grammatika. M.: Nauka, 1980. 783s. S. 96–122.

Janko T. E. Novye intonacionnye konstrukcii russkogo jazyka: razrabotka transkripcii // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. M.: Izd-vo RGGU, 2016.

Demenko G. Analiza cech suprasegmentalnych języka polskiego na potrzeby technologii mowy. Poznań, 1999.

Wiśniewski M. Zarys fonetyki i fonologii współczesnego języka polskiego. Toruń, 2000.

МИРАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ЯЗЫКЕ КУЛЛУИ

Ренковская Евгения Алексеевна
Институт языкознания РАН, Москва

Данная работа посвящена миративной конструкции в языке куллуи и основана на полевых материалах, полученных во время лингвистических экспедиций в деревни Наггар, Сума, Башинг и г. Куллу округа Куллу (штат Химачал-Прадеш, Индия) в 2016-2017 гг[1]. Куллуи – один из языков химачали-пахари, относится к северной группе индоарийских языков и распространен в долине р. Беас в округе Куллу.

Интерес к миративности как отдельной от эвиденциальности категории возник после работы [DeLancey 1997], где автор определяет миративность как грамматическое выражение информации, которая является новой и неожиданной для говорящего, независимо от источника сообщения [DeLancey 1997: 33]. В [Peterson 2000: 13] отмечается, что миративность является характерной чертой гималайского ареала, так как встречается во многих языках этого региона, в частности в дардских [Bashir 2010] и тибето-бирманских [DeLancey 1997]. В индоарийских языках миративность изучена достаточно фрагментарно: на данный момент есть работы, посвященные отдельным языкам, в частности непали [Peterson 2000], хинди [Montaut 2006], [Sigorskiy 2010], ория [Lemmens, Sahoo 2016]. Куллуи – это малый индоарийский язык гималайского ареала, поэтому исследование миративности в нем интересно как с типологической, так и с ареальной точки зрения.

В куллуи можно констатировать наличие отдельной отрицательной миративной конструкции, состоящей из отрицательной частицы (встречаются диалектные формы *nisi*, *nhisi*, *nitsi*, *nisa*, *nitsa*, *nho[i*) и предикатива вида $V_{осн}$-*i* (основа глагола в сочетании с формантом -*i*). Данная конструкция не была упомянута ни в одном из существующих грамматических описаний куллуи, таких как [Bailey 1908], [Grierson 1916], [Thakur 1975], [Ranganatha 1981], [Sharma 2014], хотя в работе [Thakur 1975] приводятся примеры на эту конструкцию без ее специального анализа. По своей семантике конструкция обозначает продолжающееся действие, обычно

[1] Данное исследование осуществлялось при финансовой поддержке РФФИ (ОГОН) в рамках проекта 16-34-01040 (2016-2018).

разворачивающееся в настоящий момент, которое совершается вопреки ожиданиям говорящего. Поскольку конструкция отрицательная, то можно также сказать, что на протяжении определенного времени не совершается ожидаемое действие, ср.:

(1) *mer-ɛ* *ʃɔhr-ɛ* *mer-a* *pʰon*
мой-PL[1] свекор-PL мой-M телефон
nisi *tsɛk-i*[2]
NEG.MIR поднимать-MIR
‘Мой свекор не берет трубку’.

(2) *mɛ̃* *soma* *ʃad-i* *sa*
я.ERG Сома звать-PFV.F AUX.PRS
sɔ *nisi* *edz-i*
3SG.DIR NEG.MIR прийти-MIR
‘Я позвала Сому, но она не приходит’.

(3) *pudʒa* *ebɛ* *bədzar* *nisi*
Пуджа сейчас базар NEG.MIR
dza-i
идти-MIR
‘Пуджа сейчас не идет на базар (Пуджа собиралась идти на базар, но все еще дома)’.

(4) *ɔkʰɛ* *pʰon-a-ra* *signal*
здесь телефон-OBL-GEN.M сигнал
nitsi *edz-i*
NEG.MIR прийти-MIR
‘Здесь не ловится сигнал связи (хотя ожидалось, что сигнал будет)’.

Из-за особенностей миративного значения в случаях, когда субъект совпадает с говорящим, добавляется семантический компонент инабилитивности или инволитивности, ср.:

(5) *haũ* *ei* *patʰr-a* *bɛ*
1SG этот.OBL камень-OBL ACC/DAT
tsɛk-i *nhoʃi*
поднимать-MIR NEG.MIR

[1] Здесь форма PL – гонорaтивная.
[2] Примеры, приводимые в работе без ссылки на источник, относятся к полевым материалам, собранным автором.

‘Я не могу поднять этот камень (я пробую, но не получается)’.

Отдельные аспекты семантики конструкции могут определяться контекстом, как, например, временное соотнесение. Так, в (6) конструкция относится к прошлому.

(6) *eŋḍa* *hua* *ki* *luad* *nisi*
так быть.PFV.M что потомство NEG.MIR
lag-i
прилагаться-MIR
‘Так вышло, что (у них) не получалось детей’.

Миративная конструкция в куллуи представляет интерес не только с семантико-модальной, но и с синтаксической точки зрения. Оба компонента предиката неизменяемые. Миративная частица более нигде, кроме данной конструкции, не встречается. Предикатив $V_{осн}$-*i* совпадает по форме с формой Sg императива будущего времени, а также с формой смыслового глагола в сочетании с глаголом *sakŋa* ‘мочь’ в потенциальной конструкции. Такое формальное сходство сложно объяснить на синхронном уровне.

Единственная возможность грамматической вариативности глагольной части предиката – это залог: поскольку в куллуи, как и во многих индоарийских языках западногималайского ареала, сохранился древнеиндийский синтетический пассив, то форма $V_{осн}$-*i* может быть образована как от активной, так и от пассивной основы глагола. Пассивная основа в куллуи образуется при помощи добавления к основе глагола аффикса -*i* в имперфективных формах и аффикса -*u* в перфективе. Миратив образуется от перфективной пассивной основы, ср. (7а–б).

Обычная пассивная конструкция:
(7а) *mer-a* *gʰɔr* *ɔkʰɛ* *nə* *nɛi*
мой-M.SG дом здесь LOC/ABL NEG
her-i-d-a
видеть-PASS-PTCP-M.SG
‘Мой дом отсюда не виден’.

Миративная пассивная конструкция:
(7б) *mer-a* *gʰɔr* *ɔkʰɛ* *nə* *nisi*
мой-M.SG дом здесь LOC/ABL NEG.MIR

her-u-i
видеть-PASS-MIR
‘Мой дом отсюда не виден (хотя должен был быть виден)’.

Аргументы в данной конструкции могут иметь различное маркирование: они маркируются тем способом, каким маркировались бы в аналогичном по семантике предложении без модального оттенка. В примерах (8)–(11) представлены предложения с одинаковым началом и разными окончаниями: начало предложения содержит маркированные аргументы, далее в варианте окончания (а) представлена дуративная конструкция (именно дуративная конструкция предлагалась носителями языка в качестве синонимичной для миративной), а в (б) имеет место миративная конструкция:

- активный залог (S = Dir, O = Dir)

(8) *sɔ* *mer-ɛ* *d^{h}əĩ-ɛ*
3SG.DIR мой-OBL деньги-PL

а) => *nɛi* *den-d-a* *lag-a-d-a*
NEG дать-PTCP-M DUR-M-PTCP-M

б) => *nitsi* *de-i*
NEG.MIR дать-MIR
‘Он не отдает мои деньги.

(9) *tusɛ* *kibɛ*
2PL.DIR почему

а) => *nɛi* *en-d-ɛ* *lag-ɛ-d-ɛ*
NEG прийти-PTCP-PL DUR- PFV.M.PL-PTCP-PL

б) => *nisi* *edz-i*
NEG.MIR прийти-MIR
‘Почему вы не приходите?’

- конструкция знания/умения с глаголом *eŋa* ‘приходить’ (S: экспериенсер = ACC/DAT)

(10) *haũ* *ga-ŋa* *bədza-ŋa* *sik^{h-}ŋa*
1SG петь-INF играть-INF учить-INF
tsah-a *sa*
хотеть-GER AUX.PRS

а) => *pər* *mɯ̃tɛ* *nɛi* *en-d-a*
но 1SG.ACC/DAT NEG прийти-PTCP-M
lag-a-d-a
DUR-M-PTCP-M

б) => *pər* *mɯ̃tɛ* *nisi* *edz-i*
но 1SG.ACC/DAT NEG.MIR прийти-MIR
‘Я хочу выучиться музыке, но не выучиваюсь’.

- инабилитивный пассив (S: инволитивный агенс = GEN.OBL или ABL)

(11) *ʃohru rɛ/nə*
мальчик GEN.OBL/ABL

а) => *nɛi* *so-i-d-a*
NEG спать-PASS-PTCP-M
lag-a-d-a *sa*
DUR-PFV.M.SG-PTCP-M AUX.PRS
б) => *so-u-i* *nisi*
спать-PASS-MIR NEG.MIR
‘Мальчику не спится’.

Насколько можно понять на основании имеющегося языкового материала, миративная конструкция в куллуи характеризуется диалектной вариативностью. Так, вариант отрицательного предикатива *nhoɭi* встречается только в ареале южнее г. Куллу. В том же ареале отмечается возможность введения в миративное предложение причинного компонента, см. (12)–(13), тогда как для центральной части ареала распространения куллуи такое явление нехарактерно.

(12) *e* *ɔg* *nitsi* *bɔk-i*
этот огонь NEG.MIR зажечься-MIR
(*kibɛki* *tsiɽi* *sin-i* *si*)
потому что дрова влажный-F COP.PRS.PL
‘Этот огонь не разжигается, потому что дрова сырые’.

(13) (*dahi-yɛ*) *nhisi* *hoɳɖ-u-i*
боль-ERG NEG.MIR ходить-PASS-MIR
‘От боли не получается ходить’. [Thakur 1975: 241]

Отрицательная миративная конструкция, аналогичная имеющейся в куллуи, не была отмечена ранее в современных индоарийских языках. Можно резюмировать, что основными особенностями конструкции являются:

- совмещение дуративного аспекта, отрицательной полярности и миративного модального компонента в рамках одной конструкции;
- оба компонента конструкции (частица и предикатив) являются неизменяемыми;
- компоненты конструкции более нигде в языке не функционируют.

Если сравнивать способы выражения миративности в хинди, непали и ория (см. [Peterson 2000], [Montaut 2006], [Sigorskiy 2010], [Lemmens, Sahoo 2016].), то только для непали постулируется наличие специального миративного показателя (миративная копула). Куллуи, наряду с непали, является индоарийским языком гималайского ареала, и в нем также отмечается специальное выражение миративности. Таким образом, можно предположить, что миративность, как ареальная черта западногималайского региона, характерна также для некоторого набора индоарийских языков.

Список условных сокращений

1 – 1 лицо, 2 – 2 лицо, 3 – 3 лицо, LOC/ABL – локативно-аблативный послелог, AUX – вспомогательный глагол, ACC/DAT – аккузативно-дативный послелог, COP – копула, DIR – прямой падеж, DUR – дуратив, F – женский род, GEN – генитивный послелог, GER – герундий, INF – инфинитив, M – мужской род, MIR – предикатив в миративной конструкции, NEG – отрицательная частица, NEG.MIR – отрицательная частица в миративной конструкции, OBL – косвенный падеж, PASS – пассивный залог, PFV – перфектив, PL – множественное число, PTCP – причастие, PRS - настоящее время, SG – единственное число.

Литература

Зограф Г.А. Морфологический строй новых индоарийских языков (опыт структурно-типологического анализа). М: Наука, 1976.

Bailey T.G. The Languages of the northern Himalayas, being Studies in the grammar of twenty-six Himalayan dialects. London: The Royal Asiatic Society. 1908.

Bashir E. Traces of mirativity in Shina. Himalayan Linguistics 9(2). 2010. Pp 1-55. http://www.linguistics.ucsb.edu/HimalayanLinguistics/

DeLancey S. Mirativity: The grammatical marking of unexpected information. // Linguistic Typology 1.1997. Pp 33-52.

Grierson G.A. Kulu Group // Linguistic Survey of India. Vol.IX. Part IV. Delhi – Varanasi – Patna: Motilal Banarsidass. 1916.

Lemmens M., Sahoo K. Something's gotta go, something's gotta give: completion, mirativity and transitivity in Odia light verbs constructions. Studia Linguistics. Wiley-Blackwell. 2016.

Montaut A. Mirative meanings as extensions of aorist in Hindi/Urdu. // Singh, R. (Ed.) The Yearbook of South-Asian Languages and Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter. 2006. Pp 71-86.

Peterson J. Evidentials, Inferentials and Mirativity in Nepali. Linguistics of the Tibeto-Burman Area 23-2. 2000. Pp 13-37.

Ranganatha M. R. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Census of India, 1971. Language monograph No.7. Delhi. 1981.

Sigorskiy A. Evidentiality, Inferentiality and Mirativity in the Modern Hindi. Lingua Posnaniens, vol. LII(1). The Poznań Society for the Advancement of the Arts and Sciences. 2010. Pp 71-80.

Sharma (Saraswat) D. Kuluti-Hindi vyakaran. Ek tulnatmak adhyayan. New Delhi: Lekhni. 2014.

Thakur M.R. 1975. Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men. Delhi: Sanmarg Prakashan.

Резюме

Работа посвящена отрицательной миративной конструкции в языке куллуи и основана на полевых материалах, полученных во время лингвистических экспедиций в округ Куллу (штат Химачал-Прадеш, Индия) в 2016-2017 гг. Миративность указывается как характерная черта гималайского региона, но в рамках этого ареала категория подробно исследована в основном в дардских и тибето-бирманских языках, тогда как в индоарийских языках региона она мало изучена. Миративная конструкция в куллуи образуется при помощи сочетания предикатива и одной из набора особых отрицательных частиц. По своей семантике конструкция обозначает продолженное действие, обычно разворачивающееся в настоящий момент, которое совершается вопреки ожиданиям говорящего.

Ключевые слова: язык куллуи, химачали-пахари, миративность, гималайский ареал, ареальная лингвистика

MIRATIVE CONSTRUCTION IN KULLUI

Evgenia A. Renkovskaya
The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
jennyrenk@gmail.com

Summary

The paper deals with the negative mirative construction in the Kullui language. The present data comes from the linguistic fieldwork in the Kullu district (Himachal Pradesh, India) in 2016–2017. Mirativity has been attested as especially common feature for the Himalayan area, but it has been described in detail mainly for the Dardic and Tibeto-Burman languages and not for the Indo-Aryan languages of this area. The mirative construction in Kullui is formed by the predicative and the specific negative particle. The construction denotes a situation unexpected for the speaker that is taking place at the moment of speaking.

Keywords: Kullui language, Himachali languages, mirativity, Himalayan area, areal linguistics

References

Bailey T.G. The Languages of the northern Himalayas, being Studies in the grammar of twenty-six Himalayan dialects. London: The Royal Asiatic Society. 1908.

Bashir E. Traces of mirativity in Shina. Himalayan Linguistics 9(2). 2010. Pp 1-55. http://www.linguistics.ucsb.edu/HimalayanLinguistics/

DeLancey S. Mirativity: The grammatical marking of unexpected information. // Linguistic Typology 1.1997. Pp 33-52.

Grierson G.A. Kulu Group // Linguistic Survey of India. Vol.IX. Part IV. Delhi – Varanasi – Patna: Motilal Banarsidass. 1916.

Lemmens M., Sahoo K. Something's gotta go, something's gotta give: completion, mirativity and transitivity in Odia light verbs constructions. Studia Linguistics. Wiley-Blackwell. 2016.

Montaut A. Mirative meanings as extensions of aorist in Hindi/Urdu. // Singh, R. (Ed.) The Yearbook of South-Asian Languages and Linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter. 2006. Pp 71-86.

Peterson J. Evidentials, Inferentials and Mirativity in Nepali. Linguistics of the Tibeto-Burman Area 23-2. 2000. Pp 13-37.

Ranganatha M. R. Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Census of India, 1971. Language monograph No.7. Delhi. 1981.

Sigorskiy A. Evidentiality, Inferentiality and Mirativity in the Modern Hindi. Lingua Posnaniens, vol. LII(1). The Poznań Society for the Advancement of the Arts and Sciences. 2010. Pp 71-80.

Sharma (Saraswat) D. Kuluti-Hindi vyakaran. Ek tulnatmak adhyayan. New Delhi: Lekhni. 2014.

Thakur M.R. 1975. Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men. Delhi: Sanmarg Prakashan.

Zograf G.A. Morfologicheskij stroj novyh indoarijskih yazykov (opyt strukturno-tipologicheskogo analiza)[Morphological structure of new Indo-Aryan languages (the practice of structural typologycal analysis)]. Moscow: Nauka, 1976.

СОГЛАСОВАНИЕ ПО ЧИСЛУ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Сапарова Дарья Александровна
студент, НИУ ВШЭ СПб Санкт-Петербург
dashasaparovaa@gmail.com

Введение

Данная работа[1] посвящена особому показателю множественного числа прилагательных ***-есь*** (***-эсь***) в удмуртском языке. Данный суффикс может присоединяться к прилагательным, но не к существительным, которые образуют множественное число с помощью показателя *-ос* (*-ёс*).

Согласно [Перевощиков и др. (ред.) 1962: 128; Winkler 2001: 39; Winkler 2011: 81-84], в предикативной позиции показатель *-есь* обязателен (1), а в атрибутивной — факультативен (2).

(1) *Мынам родитель-ёс-ы умо-есь /*
я.GEN родитель-SUB.PL-P.1SG хороший-ADJ.PL
**умой*
хороший
‘Мои родители — хорошие’.

(2) *Ми* OK*чебер* /OK*чебер-есь / *чебер-ос*
мы красивый красивый-ADJ.PL красивый-SUB.PL
нылъ-ёс мын-йськом кырӟа-ны
девушка-SUB.PL идти-PRS.1PL петь-INF
‘Мы, красивые девушки, идём петь’.

В настоящей работе был выявлен ряд факторов, влияющих на допустимость *-есь* в предикативной и атрибутивной позициях.

Настоящая работа основана на полевых данных центрального диалекта удмуртского языка, собранных в деревне Нижнее Кечёво (Удмуртская республика) в январе — мае 2018 года, и на корпусном материале (udmurt.web-corpora.net)[2].

Работа состоит из пяти разделов. Первый раздел представляет собой введение. Во втором описываются показатели множественного числа в удмуртском языке. В третьем разделе описано

[1] Выражаю огромную признательность своему научному руководителю М.А. Холодиловой. Также благодарю Т.А. Архангельского за помощь на многих этапах работы и С.В. Едыгарову за объяснение некоторых свойств удмуртских прилагательных.

[2] В большинстве случаев нормативный письменный литературный удмуртский или близкий к нему.

числовое согласование прилагательных в позиции предиката, в четвертом — в позиции атрибута. В пятом разделе представлены выводы.

Распределение атрибутивного и субстантивного показателей множественного числа

Как отмечалось выше, в удмуртском языке есть два показателя множественного числа: показатель именного плюралиса *-ос* (*-ёс*), который, как правило, не присоединяется к прилагательным, см. пример (3), и показатель адъективного плюралиса *-есь* (*-эсь*), который в обычном случае не присоединяется к существительному, см. пример (4) [Winkler 2011: 36-37].

(3) *Визьмо-есь / *визьмо-ос адями-ос*
умный-ADJ.PL умный-SUB.PL человек-SUB.PL
кошки-зы.
уйти-PST.3PL
‘Умные люди ушли’.

(4) *Визьмо-есь адями-ос / *адями-есь*
умный-ADJ.PL человек-SUB.PL человек-ADJ.PL
кошки-зы.
уйти-PST.3PL
‘Умные люди ушли’.

В разделах 2.1 и 2.2 будут рассмотрены случаи, когда прилагательные все же присоединяют именной показатель множественного числа *-ос*.

Субстантивация

При субстантивации прилагательные во множественном числе в удмуртском языке присоединяют именной показатель множественного числа *-ос* (*-ёс*) и присоединение адъективного плюралиса *-есь* становится невозможно (5), ср. неграмматичность показателя *-ос* в атрибутивной позиции (3).

(5) *Визьмо-ос / *визьмо-есь кема-гес ул-о*
умный-SUB.PL умный-ADJ.PL долго-COMP
жить-PRS.3PL
‘Умные живут дольше’.

Прилагательные с суффиксом детерминации

В удмуртском языке прилагательные могут присоединять посессивный показатель третьего лица единственного числа (P.3SG) *-эз* (*-ез*) или *-ыз*, одной из функций которого является маркирование контраста. При наличии данного показателя при-

лагательные могут склоняться по именной падежной парадигме и присоединять именной плюралис, ср. (6) и (7).

(6) *Выль-ёс-ыз* *гуртъ-ёс*
новый-SUB.PL-P.3SG деревня-SUB.PL
'Новые деревни'

(7) *Выль-ёс-ыз-лы* *гурт-ёсъ-лы*
Новый-SUB.PL-P.3SG-DAT деревня-SUB.PL-DAT
'Новым деревням'

В (6) прилагательное *выль* 'новый' прибавляет показатель именного плюралиса *-ёс* и P.3SG *-ыз*, согласуясь по числу с вершиной.

В примере (7) данное прилагательное прибавляет показатель именного множественного числа и P.3SG, а также показатель датива, согласуясь по числу и падежу с вершиной.

В [Winkler 2011: 83] отмечается, что прилагательные с показателем P.3SG могут присоединять одновременно суффиксы адъективного и именного плюралиса. Однако в исследуемом диалекте наличие показателя *-есь* в данном контексте невозможно, см. пример (8).

(8) **Выль-есь-ёс-ыз* / OK*выль-ёс-ыз*
новый-ADJ.PL-SUB.PL-P.3SG новый-SUB.PL-P.3SG
гуртъ-ёс
деревня-SUB.PL
'Новые деревни'

Согласование в предикативной позиции

Согласно [Перевощиков и др. (ред.) 1962; Winkler 2001; Winkler 2011], согласование прилагательных по числу в позиции предиката обязательно. Однако, в ходе полевой работы были выявлены некоторые исключения из данного правила.

В данной главе мы также рассмотрим различные классы предикатов, которые могут присоединять показатель адъективного плюралиса.

Предикат в форме компаратива

В качестве показателей компаратива в удмуртском языке выступают суффиксы *–гес* и *–гем*. Для прилагательных, которые стоят в позиции предиката и содержат показатель компаратива суффикс множественного числа факультативен (9), несмотря на то что, как было показано в разделе 1, в позиции предиката он в обычном случае обязателен.

(9) *Нылъ-ёс* *пи-ос-лэсь*
девушка-SUB.PL мальчик-SUB.PL-GEN
визьмо-есь-гес / [OK]*визьмо-гес*
умный-ADJ.PL-COMP умный-COMP
‘Девушки умнее мужчин’.

Как известно (см. [Холодилова 2015]), в удмуртском языке наличие самого компаративного показателя в компаративной конструкции необязательно. В случае, если сравнительная конструкция образована без компаративного показателя, аффикс со значением адъективного плюралиса оказывается обязательным, ср. примеры (9)–(10).

(10) *Нылъ-ёс* *пи-ос-лэсь* [OK]*визьмо-есь*/
девушка-SUB.PL мальчик-SUB.PL-GEN умный-ADJ.PL
**визьмо*
умный
‘Девушки умнее мужчин’.

Таким образом, в (9) на наличие показателя множественного числа влияет не компаративная конструкция, а наличие в составе прилагательного компаративного показателя *-гес/-гем*, без которого употребление показателя *-есь* обязательно.

Стоит также отметить, что при наличии компаративного показателя в позиции предиката наблюдается тенденция к присоединению суффикса *-есь*. Так в рассмотренных корпусных данных в 14 случаях из 18 предикат в форме компаратива присоединяет *-есь*.

Прилагательные, образованные присоединением атрибутивизатора *-есь*

В удмуртском языке одним из способов образования прилагательных является прибавление суффикса *-есь* к основе существительного.

Согласно [Перевощиков и др. (ред.) 1962: 142–143], показатель *-есь* имеет семантику «запачканный (покрытый) чем-нибудь жидким или сыпучим», см. пример (11).

(11) *Пыз-есь* *айшет*
мука-ATTR фартук
‘Запачканный мукой фартук’

Наиболее точное определение семантики атрибутивизатора, которое соответствует нашим данным, приведено в [Серебренников 1963: 159-160]. Согласно [Серебренников 1963: 159-160], семантика атрибутивизатора *-есь* — ‘изобилующий чем-либо, обладающий чем-либо в большом количестве’.

Полевые данные показали, что числовое согласование в позиции предиката у данных прилагательных невозможно (12).

(12) *Та айшет-ёс пыз-есь /*пыз-ес-есь.*
этот фартук-SUB.PL мука-ATTR /мука-ATTR-ADJ.PL
‘Эти фартуки – запачканные мукой’.

Так, в (12) прилагательное *пызесь* даже в позиции предиката не может присоединять показатель адъективного плюралиса. Возможно, это связано с тем, что атрибутивизатор *-есь* уже маркирует множественность, поэтому запрет использования множественного числа, возможно, является запретом двойного маркирования.

Потенциальный контрпример на факультативное присоединение *-есь* в бессермянском диалекте удмуртского языка, который также возможен и в нашем диалекте, приводится в [Сорокина 2017], см. пример (13):

(13) *Та яблокъ-ёс нумыр-есь* / ^{ОК}*нумыр-ес-есь*
этот яблоко-SUB.PL червь-ATTR червь-ATTR-ADJ.PL
‘Эти яблоки червивые’.

Можно предположить, что различие между примерами (12) и (13) вызвано лексикализацией прилагательного *нумыресь* ‘червивый’.

Согласно [Серебренников 1963: 160], показатель множественного числа прилагательных и омонимичный ему атрибутивизатор *-есь* восходят к одному деривационному аффиксу. Вероятно, поэтому их сочетание в одной словоформе не всегда возможно.

Прилагательные, выражающие неградуируемые признаки

Неградуируемые признаки в удмуртском языке могут быть выражены прилагательными, которые омонимичны существительным (ср. *буртчин* ‘шелк, шелковый’) (14), либо русскими заимствованиями (15).

(14) *Та кышетъ-ёс буртчин-есь / *буртчин*
этот платок-SUB.PL шелковый-ADJ.PL шелковыё
‘Эти платки – шелковые’.

(15) *Та поезд-ёс пассажирской-есь* /
этот поезд-SUB.PL пассажирский-ADJ.PL
**пассажирской.*
пассажирский
‘Эти поезда – пассажирские’.

В нашей работе случаи, подобные (14), относятся к прилагательным, поскольку данные словоформы могут находится в позициях как предиката, так и атрибута, а также могут присоединять *-есь* в некоторых контекстах.

Причастия

Вопрос о составе класса причастий в [Перевощиков и др. (ред.) 1962] и [Winkler 2011] решается различными способами. В обеих работах выделяются пять классов причастий, но совпадают из них только четыре. В данной работе будут рассматриваться только те глагольные образования, которые описаны в [Перевощиков и др. (ред.) 1962]. Не рассматриваются причастия с суффиксом *-он*, выделяемые [Winkler 2011], поскольку у них выявлена только функция номинализации.

В данной работе рассматриваются причастия с суффиксами: *-сь, -м, -но, -мон, -мын*.

Полевые данные показывают, что причастия на *-м* имеют только атрибутивное употребление, а причастия на *-мын* — только предикативное.

В [Winkler 2011] способность присоединения *-есь* глагольными образованиями отмечается только у причастий на *-мон* и *-сь*.

Однако в наших данных выявлено отступление от данного правила. Было обнаружено, что присоединение суффикса *-есь* возможно также для причастий на *-но*.

Причастия на *-мон*

В [Winkler 2011] причастие на *-мон* определяется как причастие возможности. В [Winkler 2011] и [Перевощиков и др. (ред.) 1962] отмечается, что причастие способно к присоединению показателя *-есь*.

В настоящей работе данное утверждение также подтвердилось, см. пример (17).

(17) *Та выжыкыл-ёс паймы-мон-эсь* /
этот сказка-SUB.PL удивлять-PTCP-ADJ.PL
**паймы-мон.*
удивлять-PTCP
‘Эти сказки – удивительные’.

В (17) наличие адъективного плюралиса у причастия *паймы-мон* в позиции предиката обязательно, как и у большинства прилагательных.

Однако при наличии глагольных зависимых показатель адъективного плюралиса факультативен, см. пример (18).

(18) *Та выжыкыл-ёс паймы-мон-эсь* /
этот сказка-SUB.PL удивлять-PTCP-ADJ.PL
OK*паймы-мон пиналъ-ёс-лы*
удивлять-PTCP ребенок-SUB.PL-DAT
‘Эти сказки – удивляющие детей’.

Причастия на *-сь*

В [Winkler 2011] причастия на *-сь* определяются как причастия настоящего времени.

В [Перевощиков и др. (ред.) 1962] не отмечено, что данный класс причастий может присоединять показатель *-есь*, в то время как [Winkler 2011] выделяет причастия на *-сь* как способные к присоединению *-есь* в позиции предиката.

Наши данные также подтверждают способность причастий, образованных с помощью суффикса *-сь*, к числовому согласованию, см. пример (19).

(19) *Та нылъ-ёс экты-с-есь* /
этот девушка-SUB.PL танцевать-PTCP-ADJ.PL
**экты-сь.*
танцевать-PTCP
‘Эти девушки – танцующие’.

При наличии глагольных зависимых в позиции предиката наличие адъективного плюралиса у причастий на *-сь* обязательно, см. пример (20).

(20) *Та нылъ-ёс экты-с-есь* /
этот девушка-SUB.PL танцевать-PTCP-ADJ.PL
**экты-сь клуб-ын*
танцевать-PTCP клуб-LOC
‘Эти девушки – танцующие в клубе’.

Причастия на *-но*

В [Winkler 2011] причастие на *-но* охарактеризовано как причастие необходимости («nezessitatives Partizip»).

Согласно [Перевощиков и др. (ред.) 1962], причастия этого класса возможны только в позиции атрибута. Однако, согласно нашим данным, их предикативное использование также допустимо.

В обеих указанных работах отмечается, что данный класс причастий не способнен к присоединению показателя множественного числа *-есь*. Однако полевые данные показывают, что в

позиции предиката их числовое согласование обязательно. Так, в (21) причастие *гажано* в предикативной позиции обязательно присоединяет показатель адъективного плюралиса.

(21) *Та адями-ос гажа-но-эсь* /
этот человек-SUB.PL уважать-PTCP-ADJ.PL
**гажа-но*
уважать-PTCP
‘Эти люди – уважаемые’.

При наличии у причастия на *–но* глагольных зависимых использование *–есь* факультативно, см. пример (22).

(22) *Та адями-ос гажа-но* /
этот человек-SUB.PL уважать-PTCP
OK*гажа-но-есь уж-ен-ызэ*
уважать-PTCP-ADJ.PL дело-INS-P.3PL
‘Эти люди — уважаемые за труд’.

Причастия на *–мын*

Причастия на *-мын* в [Winkler 2011] не рассматриваются. Согласно [Перевощиков и др. (ред.) 1962], они «обозначают результат действия, совершенного над предметом, как признак этого предмета» и могут находится только в позиции предиката. При этом их способность к присоединению *-есь* не отмечается.

Полевые данные подтверждают недопустимость присоединения адъективного плюралиса к причастиям на *-мын*, см. пример (23).

(23) *Та пыжъ-ёс* OK*кыма-мын* /
этот лодка-SUB.PL опрокинуть-PTCP
**кыма-мын-эсь*.
опрокинуть-PTCP-ADJ.PL
‘Эти лодки – опрокинутые’.

При наличии глагольных зависимых данный класс причастий также не может присоединять *-есь*, см. пример (24).

(24) *Та лодка-ос кыма-мын* /
этот лодка-SUB.PL опрокинуть-PTCP
**кыма-мын-эсь ву*-э.
опрокинуть-PTCP-ADJ.PL вода-ILL.
‘Эти лодки – опрокинутые в воду’.

Местоимения

Еще одним классом, допускающим присоединение адъективного плюралиса, являются указательные и вопросительные местоимения, см. примеры (25) и (26).

(25) *Та адями-ос таӵе-есь /*таӵе.*
этот человек-SUB.PL такой-ADJ.PL такой
'Эти люди – такие'.

(26) *Кыӵе /*[OK]*кыӵе-есь та адями-ос*?
какой какой-ADJ.PL этот человек-SUB.PL
'Какие это люди?'

Стоит заметить, что в (24) наличие показателя адъективного плюралиса у указательного местоимения *таӵе* обязательно, в то время как в (25) у вопросительного местоимения *кыӵе* оно факультативно.

Согласование в атрибутивной позиции

Согласно [ГСУЯ 1962; Winkler 2001; Winkler 2011], в удмуртском языке наличие показателя множественного числа *-есь* в позиции атрибута факультативно, см пример (27).

(27) *Визьмо/ [OK]визьмо-есь адями-ос*
умный умный-ADJ.PL человек-SUB.PL
шутетск-о.
отдыхать-PRS.3PL
'Умные люди отдыхают'.

В данных работах не приводится конкретных факторов, влияющих на дистрибуцию *-есь* в атрибутивной позиции. В [Winkler 2011] отмечено, что в конструкциях с *-есь* отдельные единицы «более заметные» («die individuellen Einheiten <...> starker im Vordergund stehen»), но данная формулировка не представляется достаточно ясной.

Нами были выявлены факторы, которые влияют на наличие показателя *-есь* в атрибутивной позиции:

1. Падеж вершины;
2. Рестриктивность;
3. Лексический состав атрибута.

Падеж вершины

Падеж вершины является одним из факторов, влияющих на наличие показателя *-есь* при атрибуте. С помощью корпусных данных было выяснено, что наиболее часто атрибут согласуется

по числу с вершиной, когда она выражена номинативом (см. Таблицу 1).

Таблица 1.

Зависимость частотности присоединения *-есь* от падежа вершины

(Корпус удмуртского языка)

Падеж	С *-есь*	Без *-есь*	Всего	% с *-есь*
Номинатив	15	185	200	7,5%
Аккузатив	2	198	200	1%
Датив	2	198	200	1%
Локатив	2	198	200	1%

Все примеры были отобраны вручную. Было отобрано по 200 существительных во множественном числе в четырех разных падежах: номинативе, аккузативе, дативе и локативе, которые имеют атрибутивные зависимые. Полученные данные показывают, что атрибут, вершина которого выражена номинативом, скорее склонен присоединять адъективный плюралис.

Двусторонний вариант точного критерия Фишера показывает, что различие между номинативом и другими падежами в присоединении *-есь* статистически значимо, $p < 0{,}01$.

Согласно [Corbett 2001: 274], противопоставление номинатива другим падежам находит типологические параллели: в языках с факультативным числовым согласованием числовые показатели наиболее ожидаемы в номинативе. Подобное противопоставление, согласно [Corbett 2001: 274–275, 278], существует и в некоторых эргативных языках, где числовое согласование возможно только в абсолютиве.

Стоит также отметить, что единственное прилагательное из данной выборки, для которого зафиксированы примеры с показателем адъективного плюралиса в локативе и дативе, — это прилагательное *бадӟым* ‘большой’ (см. в разделе 4.3).

Рестриктивность

В ходе полевого исследования было выявлено, что использование немаркированной формы у прилагательных, выступающих в качестве нерестриктивных определений, не вполне грамматично, ср. (28) и (29).

(28) *Чебер-есь / чебер ныл но*
красивый-ADJ.PL / [OK]красивый девочка и
пияш кылл-ё пляж-ын
мальчик лежать-PRS.3PL пляж-LOC
‘Красивые мальчик и девочка лежат на пляже’.

(29) *Чебер-есь / чебер Миша но*
красивый-ADJ.PL / [?]красивый Миша и
Никита кылл-ё пляж-ын
Никита лежать-PRS.3PL пляж-LOC
‘Красивые Миша и Никита лежат на пляже’.

Так, в (29) использование прилагательного *чебер* ‘красивый’ без показателя адъективного плюралиса оценивается как не вполне грамматичное.

Лексический состав атрибута

Одним из факторов, влияющих на присоединение показателя адъективного плюралиса в позиции атрибута, является лексический состав атрибута.

Согласно корпусным данным, в удмуртском языке наблюдается наиболее частое согласование с вершиной у прилагательных с семантикой размера.[1]

В Таблице 2 представлены атрибутивные прилагательные, которые находятся в семантической зоне размера из выборки, приведенной в Таблице 1. Так, согласно корпусным данным, они имеют тенденцию к наиболее частому числовому согласованию с вершиной. Данные, представленные в этой таблице, разделены по группам прилагательных: прилагательные, описывающие размер, и прилагательные с другой семантикой. Стоит отметить, что прилагательное *бадӟым* ‘большой’ было рассмотрено нами отдельно, поскольку у него было выявлено наибольшее число употреблений с показателем *-есь*.

Прилагательные, выражающие неградуируемые признаки, были исключены, поскольку в позиции атрибута они не могут присоединять *-есь* (см. раздел 4.7.).

[1] Однако, возможно, на присоединение адъективного плюралиса может влиять также частотность употребления слова в атрибутивной позиции. Стоит отметить, что в данной выборке прилагательное *бадӟым* является вторым по частотности прилагательным в корпусе удмуртского языка.

Таблица 2

Семантика размера

(*Корпус удмуртского языка*)

Лексический класс прилагательного		Ед.ч.	Мн.ч.	Всего	% с *–есь*
Размер	*бадзым*	35	8	43	19%
	другие	28	3	31	10%
Остальное		628	8	636	1%

Возможно, склонность атрибутивных прилагательных с семантикой размера к более частому согласованию по числу с вершиной может быть объяснена тем, что они часто бывают в предикативной позиции, в которой числовое согласование обязательно. Так, особым свойством прилагательных, описывающих размер, является их склонность к образованию супплетивных парадигм. Согласно [Nurmio 2017], именно для них наиболее характерен супплетивизм по числу. Стоит отметить, что супплетивизм по краткости характерен и для русских прилагательных с семантикой размера в позиции предиката [Vafaeian 2013], ср. *большой* и *велик*, *маленький* и *мал*, что указывает на высокую частотность их употребления в предикативных контекстах. Предположительно, описываемые выше данные удмуртского языка и склонность прилагательных с семантикой размера к супплетивизму по числу и в позиции предиката указывают на частотность их появления в предикативной позиции и тенденцию к числовому согласованию.

Тенденция к согласованию прилагательных с семантикой размера находит типологические параллели. Согласно [Vajda 2004: 38], в кетском языке числовое согласование атрибута возможно только у прилагательных, описывающих форму и размер, см. пример (30).

(30) *boˀl / ок boˀl-aŋ deˀ-ŋ*
толстый толстый-PL человек-PL
‘Толстые люди’

Наличие нескольких адъективных зависимых

При наличии нескольких адъективных зависимых при одной вершине во множественном числе предпочтительно наличие *-есь* на всех зависимых:

(31) *Бадзым-*[??]*(есь), чебер-*[??]*(есь), горд-*[??]*(эсь)*
большой-ADJ.PL красивый-ADJ.PL красный-ADJ.PL
яблок-ёс кылл-ё жӧк вылын.
яблоко-SUB.PL лежать-PRS.3PL стол на
‘Большие, красивые, красные яблоки лежат на столе’.

Так, пример (31) оценивается как не вполне грамматичный без наличия адъективного плюралиса на все трех прилагательных.

Причастия

Причастия, согласующиеся по числу с существительными, не могут иметь при себе глагольных зависимых, что, предположительно, указывает на их адъективацию. В следующих разделах это ограничение будет продемонстрировано для каждого из причастий.

Причастия на *-мын* могут находится только в позиции предиката, поэтому в данном разделе они рассмотрены не будут (см. раздел 3.4.4).

Причастия на *-мон*

Согласно [Winkler 2011] и [Перевощиков и др. (ред.) 1962], данный класс причастий может присоединять *-есь* и в атрибутивной позиции. Однако при наличии зависимых числовое согласование с вершиной становится невозможным, ср (32) и (33).

(32) *Паймы-мон-эсь /* [OK]*паймы-мон кузьым-ёс*
удивлять-PTCP-ADJ.PL удивлять-PTCP подарок-SUB.PL
кыл-л-ё кыз ул-ын.
лежать-EXP-PRS.3PL ёлка под-LOC
‘Удивительные подарки лежали под ёлкой’.

(33) *Ана-ез паймы-мон /*паймы-мон-эсь*
мама-ACC удивлять-PTCP удивлять-PTCP-ADJ.PL
кузьым-ёс кыл-л-ё вал
подарок-SUB.PL лежать-EXP-PRS.3PL быть.PST
кыз ул-ын
ёлка под-LOC
‘Удивляющие маму подарки лежали под ёлкой’.

Причастия на *-сь*

Причастия, образованные присоединением суффикса *-сь*, согласно [Winkler 2011], также допускают согласование по числу с вершиной в атрибутивной позиции. Однако, как и причастия на

-мон, при наличии зависимых они не могут присоединять *-есь*, ср. (34) и (35).

(34) *Ужа-с-есь /* [OK]*ужа-сь* *адями-ос*
работать-PTCP-ADJ.PL работать-PTCP человек-SUB.PL
шутэтск-о.
отдыхать-PRS.3PL
‘Работающие люди отдыхают’.

(35) *Школа-ын ужа-сь / *ужа-с-есь*
школа-LOCработать-PTCP работать-PTCP-ADJ.PL
адями-ос *шутэтск-о*
человек-SUB.PL отдыхать-PRS.3PL
‘Работающие в школе люди отдыхают’.

Причастия на *-но*

Причастия на *-но* в предикативной позиции присоединяют показатель множественного числа *-есь* (см. раздел 3.4.3). Однако в позиции атрибута вариант с *-есь*, даже без глагольных зависимых, оценивается как не вполне грамматичный. Так, в (36) причастие *гажано*, не имеющие глагольных зависимых, не может присоединять адъективный плюралис, несмотря на то что в позиции предиката *-есь* в обычном случае обязателен.

(36) *Гажа-но / [?]гажа-но-эсь* *дышетӥсь-ёс*
уважать-PTCP уважать-PTCP-ADJ.PL учитель-SUB.PL
кошки-зы.
уйти-PST.3PL
‘Уважаемые преподаватели уехали’.

(37) *Пиналъ-ёс-ын гажа-но / [?]гажа-но-эсь*
ребёнок-PL-INS уважать-PTCP уважать-PTCP-ADJ.PL
дышетӥсь-ёс *кошки-зы*
учитель-SUB.PL уйти-PST.3PL
‘Уважаемые школьниками преподаватели уехали’.

Причастия на *-м*

Согласно рассмотренным данным, причастия на *-м* могут находится только в позиции атрибута.

Полевые данные показали, что причастия с суффиксом *-м* не могут присоединять *-есь*.

(38) *Тани кылл-ё* *кыма-м* /
вот лежать-PRS.3PL опрокинуть-PTCP
**кыма-м-есь* *лодка-ос.*
опрокинуть-PTCP-ADJ.PL лодка-ADJ.PL

‘Вот лежат опрокинутые лодки’.

Однако некоторые, вероятно адъективированные, причастия на *-м* могут присоединять адъективный плюралис, см. пример (39).

(39) *Жаде-м / ?жаде-м-есь адями-ос*
уставать-PTCP уставать-PTCP-ADJ.PL человек-SUB.PL
из-ё гурт-а-зы
спать-PRS.3PL дом-LOC-P.3PL
‘Уставшие люди спят дома’.

Так, в (39) можно предположить, что причастие *жадем* — адъективированное, поскольку другие причастия, образованные присоединением суффикса *-м,* оцениваются как неграмматичные при наличии *-есь*.

Таким образом, причастия на *-м* в позиции атрибута (согласно нашим данным, в единственно возможной для них позиции) не могут присоединять показатель адъективного плюралиса.

Прилагательные, образованные присоединением омонимичного показателя *-есь*

Прилагательные, образованные присоединением к основе атрибутивизатора *-есь*, (практически) не могут присоединять омонимичный показатель адъективного плюралиса в позиции атрибута, что может быть связано с тем, что они диахронически восходят к одному деривационному суффиксу [Серебренников 1963: 159-160].

(40) *Мон сузя-й пыз-есь /*
я почистить-PST.1SG мука-ATTR
**пыз-есь-есь айшет-ёс*
мука-ATTR-ADJ.PL фартук-ADJ.PL
‘Я почистил запачканные мукой фартуки’.

Однако в (41) прилагательное *нумыресь* (‘червивый’) может присоединять показатель множественного числа [Сорокина 2018]. Как было отмечено в разделе 3.2., у данного прилагательного в исследуемом диалекте, возможно, произошла лексикализация, что влияет на возможность им присоединения показателя *-есь* в предикате, ср. (41) и (42).

(41) *Нумыр-есь/ ?нумыр-есь-есь яблок-ёс*
червь-ATTR червь-ATTR-ADJ.PL яблоко-SUB.PL
кылл-ё жӧк вылын
лежать-PRS.3PL стол на
‘Червивые яблоки лежат на столе’.

(42) *Та яблокъ-ёс нумыр-есь* / [ОК]*нумыр-ес-есь*
этот яблоко-SUB.PL червь-ATTR червь-ATTR-ADJ.PL
‘Эти яблоки червивые’.

Выражение неградуируемых признаков

Как было отмечено в разделе 3.3, неградуируемые признаки в удмуртском языке могут быть выражены прилагательными, которые в качестве атрибутивных зависимых омонимичны существительным, см. пример (43), либо русскими заимствованиями, см. пример (44). Числовое согласование прилагательных, выражающих неградуируемые признаки, в атрибутивной позиции является невозможным, несмотря на то, что в позиции предиката оно обязательно (см. раздел 3.3).

(43) *Мынам вань зарни* / [*]*зарни-есь*
я.GEN есть золото золото-ADJ.PL
зундэсъ-ёс-ы.
кольцо-ADJ.PL-ACC
‘У меня есть золотые кольца’.

(44) *Мон тод-ысько фин-угор* /
я знать-PRS.1SG финно-угорский
**фин-угор-есь* *кылъ-ёс-ты.*
финно-угорский-ADJ.PL язык-SUB.PL-ACC
‘Я знаю финно-угорские языки’.

Выводы

Проведенное исследование позволяет выделить следующие факторы, влияющие на наличие *-есь*:

- Предикативная позиция у прилагательных наиболее склонна к числовому согласованию;
- Прилагательные в позиции атрибута при вершине в номинативе более склонны к присоединению *-есь*;
- У прилагательных, выступающих в роли нерестриктивных определений использование формы без *-есь* оценивается как не вполне грамматичное;
- Прилагательные с семантикой размера в позиции атрибута более склонны к присоединению *-есь*;
- К лексикограмматическим классам, которые могут присоединять *-есь,* относятся: качественные прилагательные, вопросительные и указательные местоимения, прилагательные, выражающие неградуируемые при-

знаки и причастия на *-мон, -сь* и *-но* без глагольных зависимых;

- Не могут присоединять *-есь*: прилагательные, образованные присоединением атрибутивизатора *-есь*, порядковые и количественные числительные, падежные формы существительного или местоимения и квантор ‘все’.

На основании полевых и корпусных данных распределение показателя множественного числа прилагательных *-есь* по лексико-грамматическим классам словоформ получилось следующим (см. Таблицу 3). Данные по причастиям в таблицу не включены и будут рассматриваться ниже.

Данные таблицы устроены следующим образом: в первом столбце представлены лексико-грамматические классы словоформ, во втором – возможность присоединения ими показателя *-есь* в позиции атрибута, в третьем столбце – в позиции предиката.

“+” во втором и третьем столбцах обозначает обязательность наличия *-есь*, “+/–” — факультативность, “–” — невозможность.

Таблица 3

Наличие показателя *-есь* в зависимости от класса слова и синтаксической позиции

Лексико-грамматический класс зависимого	Атрибут	Предикат
Качественные прилагательные	+/–	+
Указательные местоимения	+/–	+
Компаратив на *-гес*	+/–	+/–
Вопросительные местоимения	+/–	+/–
Неградуируемые признаки (немаркированные прилагательные и заимствованные из русского языка прилагательные)	–	+
Прилагательные, образованные присоединением атрибутивизатора *-есь*	–	–
Порядковые числительные	–	–
Количественные числительные	–	–
Падежные формы существительного или местоимения	–	–
Квантор ‘все’	–	–

Данные Таблицы 3 показывают, что в отношении присоединения показателя адъективного плюралиса можно выделить 4 группы:

1. Качественные прилагательные, указательные местоимения, у которых согласование в атрибуте факультативно и обязательно в предикате;

2. Компаратив на *-гес* и вопросительные местоимения, у которых согласование в атрибуте и предикате факультативно;

3. Прилагательные, выражающие неградуируемые признаки, у которых согласование в атрибуте (практически) невозможно, а в предикате обязательно;

4. Прилагательные, образованные присоединением атрибутивизатора *-есь*, порядковые числительные, количественные числительные, падежные формы существительного или местоимения и квантор ‘все’, у которых согласование по числу невозможно и для предиката, и для атрибута.

Для причастий распределение получилось следующим (См. Таблицу 4).

Таблица 4

Наличие адъективного плюралиса у причастий

Показатель причастия	Без зависимых		С зависимыми	
	атрибут	предикат	атрибут	предикат
-сь	+ / –	+	–	+
-мон	+ / –	+	–	+ / –
-но	– / ?+	+	– / ?+	+ / –
-м	–		–	
-мын		–		–

Таким образом, при наличии глагольных зависимых в позиции атрибута только причастия на *-но* могут присоединять *-есь*. В позиции предиката с глагольными зависимыми у причастий на *–сь* адъективный плюралис обязателен, у причастий на *-мон* и *-но* — факультативен, у причастий на *-мын* — невозможен.

В удмуртском языке числовое согласование для позиции предиката более характерно, чем для атрибута, что соответствует общим типологическим тенденциям. Согласно [Corbett 2006: 207], согласование в предикате более ожидаемо по сравнению с атрибутом. Сопоставимое распределение наблюдается также в родственных удмуртскому языках коми. Согласно [Шматова, Черниговская 2011; Riessler 2012: 143], числовое согласование в них возможно только в позиции предиката.

Литература

Едыгарова С. В. Категория посессивности в удмуртском языке. Тарту, 2010.

Перевощиков П. Н. и др. (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М: Издательство Академии Наук СССР, 1963.

Сорокина А. Атрибутивизатор -eš’ в бесермянском удмуртском. Материалы конференции Skill 2017, 2017.

Холодилова М.А. Сравнительные конструкции и иерархия доступности именных групп в бесермянском удмуртском и мокшанском. Материалы конференции Уральские языки: синхрония и диахрония, 2015.

Шматова М. С., Черниговская Е. А. Категория числа существительного в марийском и пермских языках // Кузнецова А. И. и др. (ред.). Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М: Рукописные памятники Древней Руси, 2011.

Corbett G. G. Agreement. Cambridge University Press, 2006.

Corbett G. G. Number. Cambridge University Press, 2001.

Nurmio S. The development and typology of number suppletion in adjectives // Diachronica, 2017.

Riessler M. Typology and evolution of adjective attribution marking in the languages of northern Eurasia. Freibug, 2012.

Vafaeian G. Typology of nominal and adjectival suppletion // STUF-Language Typology and Universals, 2013.

Vajda E. J. Ket. Munich, 2004.

Winkler E. Udmurt. Munich, 2001.

Winkler E. Udmurtisch. Munich, 2011.

Резюме

В статье рассматривается особый показатель множественного числа удмуртских прилагательных *-есь* (*-эсь*). Согласно существующим грамматическим описаниям, для прилагательного в предикативной позиции он обязателен, а в атрибутивной — факультативен. В настоящем исследовании с опорой на корпусные и полевые данные был выявлен ряд факторов, влияющих на допустимость и частотность данного показателя. Во-первых, у предикативных прилагательных в форме комапаратива показатель факультативен. Во-вторых, у прилагательных в позиции предиката, образованных от омонимичного атрибутивизатора *-есь,* наличие показателя невозможно. В-третьих, для прилагательных в

позиции атрибута является важным падеж вершины, рестриктивность и лексический состав атрибута. В-четвертых, помимо прилагательных, присоединять показатель *-есь* могут некоторые классы причастий, вопросительные и указательные местоимения.

Ключевые слова: прилагательное, числовое согласование, удмуртский язык, множественное число

NUMBER AGREEMENT OF ADJECTIVES IN UDMURT

Daria A. Saparova
student, NRU HSE SPb
Saint-Petersburg
dashasaparovaa@gmail.com

Summary

The present paper examines the distribution of Udmurt specialized adjectival plural marker *-eš'*. According to the literature, this marker is obligatory in the predicate and optional in the attribute. However, corpus and field data suggest that its usage depends on a number of other factors. First, the use of plural marker is optional in predicative adjectives containing the comparative marker. Second, the adjectives formed with the homonymous attributiviser *-eš'* in the predicate cannot contain the plural marker. Third, the factors that influence the appearance of *-eš'* in the attributive position are the case of the controller, the restrictiveness and lexical class of the attribute. Fourth, in addition to adjectives, some classes of participles, interrogative and demonstrative pronouns can attach *-eš'*.

Keywords: adjective, number agreement, Udmurt, plural

References:

Edygarova S. V. Kategorija posessivnosti v udmurtskom jazyke (A category of possession in Udmurt). Tartu, 2010.

Perevoshhikov P. N. et al. Grammatika sovremennogo udmurtskogo jazyka. Fonetika i morfologija (A grammar of modern Udmurt. Phonetics and morphology). Izhevsk, 1962.

Serebrennikov B. A. Istoricheskaja morfologija permskih jazykov (A historical morphology of Permic languages). M: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1963.

Sorokina A. Atributivizator -eš' v besermjanskom udmurtskom (An attributive -eš' in Beserman Udmurt). Materialy konferencii Skill 2017, 2017.

Kholodilova M. A. Sravnitel'nye konstrukcii i ierarhija dostupnosti imennyh grup v besermjanskom udmurtskom i mokshanskom. (Comparative constructions and the hierarchy of availability in Beserman Udmurt and Moksha). Materialy konferencii Ural'skie jazyki: sinhronija i diahronija, 2015.

Shmatova M. S., Chernigovskaja E. A. Kategorija chisla sushhestvitel'nogo v marijskom i permskih jazykah (A category of nominal number in Mari and Permic languages) // Kuznecova A. I. i dr. (red.). Finno-ugorskie jazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisanija. Formal'nyj i funkcional'nyj podhody. M: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2011.

Corbett G. G. Agreement. Cambridge University Press, 2006.

Corbett G. G. Number. Cambridge University Press, 2001.

Nurmio S. The development and typology of number suppletion in adjectives // Diachronica, 2017.

Riessler M. Typology and evolution of adjective attribution marking in the languages of northern Eurasia. Freibug, 2012.

Vafaeian G. Typology of nominal and adjectival suppletion // STUF-Language Typology and Universals, 2013.

Vajda E. J. Ket. Munich, 2004.

Winkler E. Udmurt. Munich, 2001.

Winkler E. Udmurtisch. Munich, 2011.

ГЛАГОЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ В УЛЬЧСКОМ ЯЗЫКЕ: ПОЛЕВЫЕ ДАННЫЕ[1]

Стойнова Наталья Марковна
с.н.с. ИРЯ РАН, Москва
stoynova@yandex.ru

1. Введение

В статье обсуждается система глагольного отрицания в ульчском языке (тунгусо-маньчжурские, южнотунгусские), которая представляет интерес в связи с приведенными ниже аспектами.

1) В контексте типологии отрицания. Система типологически нетривиальна: большая (в т.ч. в некоторых фрагментах парадигмы инвентарь отрицательных форм больше инвентаря положительных), структурно очень разнородная, асимметричная по отношению к положительным формам.

2) В контексте грамматикализации. В северных тунгусских языках представлена достаточно стройная система показателей отрицания с отрицательным глаголом **ə*- и специальной формой коннегатива. В южнотунгусских (нанийских) языках[2], в том числе в ульчском, эта система претерпевает заметные и очень неравномерные изменения. Такая, куда более хаотичная, система дополняется конструкциями с показателем экзистенциального отрицания, который интегрируется в систему стандартного.

3) В контексте сопоставления с близкородственными идиомами. В свете диахронических данных, система отрицания — это тот фрагмент грамматики, в котором южнотунгусские идиомы, в целом достаточно схожие между собой, проявляют исключительно большую вариативность.

4) В контексте утраты языка и интерференции с русским языком. В данный момент ульчский язык находится под угрозой исчезновения. Данные, собранные нами от немногих современных носителей, заметно отличаются от представленных в более

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта президента РФ МК-3158.2017.6.

[2] В классификации тунгусо-маньчжурских языков имеются существенные разногласия. Ниже, условно используя термин «южнотунгусские», мы говорим только о компактной группе языков/диалектов, генетическая близость которых внутри тунгусо-маньчжурских, как кажется, не оспаривается: нанайские языки/диалекты, ульчский и орокский. Мы оставляем в стороне удэгейский и орочский, статус которых в классификации остается спорным.

ранних описаниях. Часть различий объясняется неполнотой описаний, часть же можно интерпретировать в терминах интерференции и языкового сдвига.

1.1. Краткая справка об ульчском языке

Ульчский язык относится к южной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков, компактно сосредоточен на территории Ульчского района Хабаровского края, относится к числу наименее описанных тунгусо-маньчжурских идиомов (имеется два кратких грамматических очерка — Т. И. Петровой [1936] и О. П. Суника [1985]), на данный момент находится под угрозой исчезновения. Число носителей не превышает полутора сотен: 154 носителя по переписи 2010 г. (на данный момент, как кажется, значительно меньше); по-видимому, все компетентные носители — не моложе 55-60 лет, в быту язык используется ограниченно, ср. [Сумбатова, Гусев 2016]. Что касается системы отрицания, то далеко не всеми из современных носителей она уверенно воспроизводится полностью: многие затрудняются в порождении тех или иных форм, особенно за пределами основной парадигмы индикатива.

1.2. Материалом исследования послужили:

а) данные описаний: грамматические очерки Т. И. Петровой [1936] и О. П. Суника [1985] (в качестве отправного пункта);

б) данные текстов (в качестве основного материала): использованы 1) опубликованные тексты Т.И. Петровой [1936]: записи 1930-х гг. (10 коротких текстов), О.П. Суника [1985]: записи 60-х-70-х гг. (19 текстов общим объемом 2753 предл.) и 2) более свежие полевые записи: записи В. Ю. Гусева, Е. Ю. Калининой, Н. Р. Сумбатовой, С. Ю. Толдовой (2000-е гг., ок. 16 часов расшифрованных аудиофайлов); записи С. А. Оскольской и автора (2017 г., ок. 6,5 часов расшифрованных аудиофайлов);

в) в меньшем объеме привлекались данные элицитации (с. Булава, 2017 г.).

1.3. Система отрицания в ульчском языке: общие сведения

В тунгусо-маньчжурских языках представлены достаточно большие инвентари отрицательных форм: диахронически исходная система состояла, по-видимому, из конструкций с «отрицательными глаголами»; на синхронном уровне в разных языках они в разной степени подвергаются грамматикализации (переход в частицу, в аффикс); наблюдается большая вариативность по

языкам (общий обзор систем отрицания в тунгусо-маньчжурских языках см. в [Hölzl 2015]), ср. п.2.

Система отрицания в ульчском языке, в частности, заметно отличается от соответствующих систем в близкородственных языках, в т.ч. в наиболее полно описанном нанайском (см. об отрицании в нанайском языке [Аврорин 1961]; [Оскольская, Стойнова 2016]), см. п.3.

Инвентарь отрицательных финитных форм ульчского глагола[1] представлен в Таблице 1.

Таблица 1

Инвентарь отрицательных глагольных форм в ульчском языке

семантика	**форма**	**пример**	**Соответствующая положительная форма**
прош. вр.	CVB.SIM=(də) *kəwə*-(PERS), *əŋdə* CONNEG ‘do’-PST, *əčəl* CONNEG-(PERS), *əčəl* PRS, PST *kəwə* и нек.др.	*wəm kəwəni*, *əŋdə wəndə taxaŋi*, *əčəl wəndəni*, *əčəl wəndini*, *wənčini kəwə* ‘не сказал’	синтетическая форма PST
наст. вр.	(V-CVB.SIM) V-CONNEG-PRS.NEG-PERS, PRS *kəwə*	*wəndəsini*, *wənǯini kəwə* ‘не говорит’	синтетические формы PRS1, PRS2
буд. вр.	=PRS, *əŋdə* CONNEG ‘do’-FUT1, *əŋəs* CONNEG	=PRS, *əŋdə wəndə tịla=ma* ‘не скажет’, *əŋəs wəndə* ‘не скажешь’	синтетические формы FUT1, FUT2
императив 1	*əǯ*(*i*) CONNEG-(PL)	*əǯ*(*i*) *wəndə*	синтетические формы IMP1, IMP2
сослагательное	*əŋdə* CONNEG ‘do’-SBJV	*əŋdə wəndə tamča* ‘не сказал бы’	синтетическая форма SBJV
гортатив/юссив	???		синтетическая форма HORT

Иллюстрируемая в таблице система достаточно велика и структурно неоднородна. В целом ее можно охарактеризовать как систему с асимметричным отрицанием в терминах М. Миестамо [Miestamo 2005], т.е. в системе не наблюдается а) полного фор-

[1] Отрицательные нефинитные формы, также отмечаемые в достаточном количестве, ниже не рассматриваются.

мального соответствия между положительными и отрицательными формами; б) полного семантического соответствия между положительными и отрицательными формами.

Семантическая симметрия (взаимно-однозначное соответствие) между отрицательной и положительной формой зафиксирована для форм сослагательного наклонения. Однако она не зафиксирована для форм индикатива и императива. В императиве двум положительным формам соответствует одна отрицательная. В прошедшем времени, наоборот, одной положительной форме соответствует как минимум четыре отрицательных (что более необычно: чаще отрицательная парадигма редуцирована по сравнению с положительной). В настоящем времени двум положительным формам соответствует две отрицательных, однако очевидного сходства в распределении двух положительных и двух отрицательных форм нет. В будущем времени одной из положительных форм соответствует структурно близкая отрицательная, другой также соответствует отрицательная форма, но фиксируемая только для 2-го лица. Соответствий положительным формам гортатива/юссива (‘давайте V, пусть он V’) не отмечено вовсе.

Формальная симметрия (при которой положительная и отрицательная формы различаются только наличием / отсутствием показателя отрицания) наблюдается для очень небольшого числа форм: форм настоящего времени PRS и PRS *kəwə*, прошедшего времени PST и PST *kəwə*. Остальные формы асимметричны, причем представлена асимметрия самых разных типов. Форма *əčəl* PRS структурно симметрична положительной форме настоящего времени, однако семантически скорее соответствует формам прошедшего времени (см. п. 2 ниже). Синтетическая отрицательная форма отличается от положительной формы наличием аффикса коннегатива и особым временным показателем. Серия форм *əŋdə* CONNEG ‘do’- не проявляет полной симметрии с положительными формами, однако каждая из форм серии может быть поставлена в однозначное формальное соответствие с той или иной положительной формой по тому, какая в ней используется форма глагола ‘делать’. Формы прохибитива *əǯ*(*i*) CONNEG и прошедшего времени *əčəl* CONNEG на синхронном уровне полностью асимметричны, на диахроническом частично соотносились с положительными формами императива и прошедшего времени соответственно (по форме входившего в их состав отрицательного глагола, см. п. 2 ниже). Наконец, форма прошедшего вре-

мени CVB.SIM=(*də*) *kəwə*-(PERS) структурно асимметрична положительной форме прошедшего времени и абсолютно не соотносима с ней даже диахронически.

Ульчская парадигма отрицания не только асимметрична по отношению к положительной парадигме, но и не обнаруживает единообразия в построении самих отрицательных форм. В ней присутствуют как синтетические (1 форма), так и аналитические (большинство) формы. Среди аналитических есть такие, которые образуют целые структурные серии (формы *kəwə* PRS/PST, формы с *əŋdə*), а есть «одиночные» (например, CVB.SIM=(*də*) *kəwə*-(PERS)).

2. Ульчская система отрицания в контексте грамматикализации

Все ульчские показатели глагольного отрицания предположительно восходят к двум источникам:

а) к отрицательному глаголу **ə*-;

б) к показателю экзистенциального отрицания *kəwə* ‘нет, отсутствует’.

2.1. Формы, восходящие к отрицательному глаголу **ə*-

В северных тунгусских языках **ə*- функционирует как финитный глагол в конструкции с нефинитной «коннегативной» формой лексического глагола. Ср. пример из эвенкийского языка:

Beyetken	***e-che-n***	*girki-l-nun-mi*
boy	**NEG.AUX-PST-3SG**	friend-PL-COM-REFL
suru-mu-re		
go.away-VOL-CONNEG		

‘Мальчик не захотел уходить со своими друзьями’ [Nedjalkov 1997: 96] — эвенкийский: отрицательный глагол в прошедшем времени.

Такие системы в целом не очень распространены в языках мира, однако вполне характерны для данного ареала. Аналогичный тип отрицания представлен в уральских языках и на их примере детально описан, см. [Miestamo et al. 2015].

В южнотунгусских языках наблюдается разрушение этой системы: отрицательный глагол застывает в разных формах, становясь отрицательной частицей или аффиксом. Ср. пример из найхинского говора нанайского языка (амурская группа говоров)[1]:

[1] Похожее наблюдается в других нанайских идиомах: во всех амурских говорах, в кур-урмийском, бикинском (сам инвентарь показателей при этом в разных идиомах

bajan mapa xaj-wa=da ***əčiə*** ***wā-ra***
богатый старик что-ACC=EMPH NEG.PST убить-CONNEG
‘Богатый старик ничего не поймал’ (полевые данные) — нанайский, найхинский говор: конструкция прошедшего времени с частицей *əčiə*, восходящей к форме прош. вр. отрицательного глагола.

В (2) следует говорить о частице, а не о вспомогательном глаголе на основании того, что она, в отличие от вспомогательного глагола в (1): а) не принимает лично-числовых аффиксов, б) предположительно, соотносится с формой прошедшего времени диахронически, но на синхронном уровне на основу и показатель прошедшего времени явным образом уже не членится, в) не имеет регулярных соответствий в парадигме (строго аналогичных конструкций других времен и наклонений).

Вопросы об эволюции системы отрицания в тунгусо-маньчжурских языках в целом и на примере отдельных языков обсуждались в литературе достаточно подробно. См. основные гипотезы об этимологии тунгусо-маньчжурских показателей отрицания в [Benzing 1955]; типологически-ориентированный обзор показателей отрицания в тунгусо-маньчжурских языках в [Hölzl 2015]; обзор тунгусо-маньчжурских отрицательных конструкций в ряду типологически засвидетельствованных конструкций с отрицательными глаголами в [Payne 1985: 212–215]; подробные рассуждения об эволюции показателей отрицания в южнотунгусских языках в грамматике [Аврорин 1961: 96].

Ульчский язык в рамках этой дискуссии интересен тем, что:

а) в нем представлен весь логически возможный континуум стадий эволюции системы с отрицательным глаголом: от глагола до аффикса;

б) в нем, в частности, обнаруживается, наряду с сильнограмматикализованными конструкциями «южного типа», пример конструкции «северного типа» с глагольным или близким к глагольному статусом **ə-*.

В сводной Таблице 2 собраны сведения о том, какой морфологический статус имеет на синхронном уровне и к какой

довольно разный), см. п.3. Исключение — орокский язык. Генетически его относят к южнотунгусским, однако орокская система отрицания ближе к «северному» типу: практически во всех формах -**ə* ведет себя как полноценный глагол, а не как застывшая частица, см. [Петрова 1967].

аналитической глагольной конструкции предположительно восходит каждый из ульчских показателей.

Таблица 2

Показатели, восходящие к отрицательному глаголу **ə-*

показатель	**пример**	**статус**	**восходит к форме **ə-***
V-CONNEG-(**ə*)-PRS.NEG	*wəndəsini* ‘не говорит’	аффикс	PRS
əč(*i*)*ə~əčəl*	*əčəl wəndəni* ‘не сказал’	частица	PST
əǯi	*əǯi wəndə* ‘не говори’	частица	IMP
əŋdə	*əŋdə wəndə taxanị* ‘не сказал’	частица	???CVB.NSIM
əŋəs	*əŋəs wəndə* ‘не скажешь’	частица/глагол	FUT

Остановимся на наиболее интересных и/или не до конца понятных случаях.

1) Конструкция будущего времени 2 л. *əŋəs* + CONNEG с (полу)глагольным статусом **ə-*

Конструкция не засвидетельствована в существующих описаниях ульчского языка и не порождалась современными носителями при элицитации[1], но встречается в текстах Т.И. Петровой и О.П. Суника. Ср.:

kəsi	*ana*	*osịn*	*xaj-wa=da*	***əŋəs***
удача	без	если	что-ACC=EMPH	NEG.2SG.FUT

wā-ra

убивать-CONNEG

‘Если несчастливый, ничего не поймаешь’ (Суник 1985, тексты).

На синхронном уровне эта отрицательная конструкция будущего времени ближе всего к конструкциям с отрицательным глаголом «северного типа». Она может быть разложена на морфемы как *ə-ŋə-s* NEG.AUX-FUT-2SG CONNEG, т.е. внутри отрицательного показателя выделяются регулярно функционирующие в ульчском языке в положительной парадигме показатель времени и числа. Показатели времени и лица семантически полностью со-

[1] Отсутствие этой конструкции в данных элицитации связано, видимо, с общим упрощением грамматической системы в речи современных носителей в ситуации языкового сдвига, см. п.5. Соответствующая футуральная форма аффирмативной парадигмы носителями используется, однако также маргинальна. Нейтральной формой с референцией к будущему в аффирмативной парадигме оказывается форма настоящего времени, в отрицательной парадигме форма настоящего времени полностью занимает эту клетку парадигмы.

ответствуют контекстам употребления. Тем не менее, конструкция не зафиксирована ни в каких других лично-числовых формах, кроме 2sg, и параллельных ей конструкций в других временах и наклонениях также не отмечается. Это все же не позволяет считать *əŋəs* внутри конструкции полноценной глагольной формой.

2) Две конструкции с *əčəl* ‘еще не’

В ульчском языке обнаруживаются две конструкции со специализированным значением фазовой полярности ‘еще не сделал, еще не делает’.

Первая конструкция, *əčəl* + CONNEG(-PERS), (5), более ожидаемая. Она упомянута в очерках Т. И. Петровой [1936] и О. П. Суника [1985]. Она же засвидетельствована в близкородственных идиомах (в значении ‘еще не’ или, чаще, в нейтральном значении прош. вр., см. ниже п.3). Диахронически застывшую неизменяемую частицу в составе аналогичной конструкции в близкородственных идиомах возводят к форме прошедшего времени отрицательного глагола. Сама конструкция, таким образом, более-менее прозрачна: < AUX.NEG-PST + CONNEG. Специального объяснения требует тот факт, что форма (бывшего?) коннегатива, но не бывшего вспомогательного глагола, как ожидалось бы в исходной конструкции с отрицательным глаголом, может факультативно оформляться лично-числовыми аффиксами. То же наблюдается в других южнотунгусских языках: амурских диалектах нанайского, орокском. См. более подробное рассмотрение этой особенности на примере нанайского языка в [Аврорин 1961: 96] и в [Оскольская, Стойнова 2016][1].

Вторая конструкция, *əčəl* + PRS, (6), по нашим данным, в других идиомах не засвидетельствована (и в существующих описаниях ульчского языка также не упомянута). Диахронически она непрозрачна, т.е. ни к какой глагольной конструкции со вспомога-

[1] В оговорках нуждается также форма застывшей частицы. В описаниях Т. И. Петровой и О. П. Суника приводится форма без конечного *-l*, однако как в текстах, так и при опросе информантов зафиксирована именно форма на *-l*. Этимологически естественнее всего считать *-l* показателем мн.ч. 3 л. исходного отрицательного глагола. Тогда приходится предположить, что глагол по каким-то причинам застывает в этой, достаточно маркированной, форме (а не в форме, не оформленной лично-числовым аффиксом), к тому же лично-числовой аффикс дублируется на частице и на коннегативной форме. В других южнотунгусских идиомах в аналогичной конструкции встречается и форма без *-l* (как в найхинском нанайском), и форма на *-l* или *-li* параллельно с формой без *-l* (как в горинском нанайском), и форма на *-l* (как в орокском: в описании орокской грамматики [Петрова 1967] *l*-форма уверенно анализируется как застывшая форма мн.ч. без специальных объяснений).

тельным отрицательным глаголом очевидным образом не сводится. Если застывшую частицу *əčəl* возводить к форме прошедшего времени отрицательного глагола, то в исходной конструкции она должна была бы сопровождаться коннегативной нефинитной формой смыслового глагола (как в первой конструкции), а не финитной положительной формой презенса. Можно предположить, что вторая конструкция возникает на том этапе, когда *əčəl* уже окончательно застывает, теряет связь с источником грамматикализации и реинтерпретируется как частица фазовой полярности ‘еще не’. Ср. предположительную схему эволюции:

а) исходная конструкция с отрицательным глаголом: *ə*-PST + CONNEG > первая конструкция, с застывшей формой отрицательного глагола: *əčəl* + CONNEG ;

б) *əčəl* реинтерпретируется как частица ‘еще не’ > возникновение второй конструкции, симметричной аффирмативной форме презенса: *əčəl* + PRS, букв. ‘еще не делает’.

Первая и вторая конструкции в первом приближении синонимичны, семантическое распределение между ними не до конца понятно. Предположительно оно сводится к контрасту между нереферентной (многократной) и референтной единичной ситуацией[1]:

əčəl + CONNEG: ‘еще никогда / ни разу не делал подобного’, ненаступление нереферентной ситуации, ср. (5);

əčəl + PRS: ‘еще не делает, еще не сделал конкретного’, ненаступление референтной ситуации, ср. (6)[2];

Gə, tị	*andaxa-sal*	***əčəl***	***pərg-ə-t***
да тот	гость-PL	NEG	пробовать-CONNEG-3PL
biskə,	*wən-di-ti*		
наверное	говорить-PRS-3PL		

‘Ну, эти гости еще не пробовали ведь (своих сил), говорят’ (Суник 1985, тексты) — CONNEG.

Tị ŋənə-mdị,	*χagdụ-m=ban*	***əčəl***	***ịs-ị-n***
так идти-CVB.DUR.SG	дом-3SG=к	NEG	достигать-PRS-3SG

‘Так едут, едут, еще не доехали до дома’ (Суник 1985, тексты) — PRS.

---

[1] Это распределение получается для выборки более ранних текстов О. П. Суника (зафиксировавшего ульчский язык еще в полностью сохранном состоянии), для выборки современных текстов картина кажется более сложной или, возможно, более хаотичной.

[2] Противопоставление аналогично наблюдаемому в русском между формами прошедшего времени СВ и НСВ: *еще не делал* vs. *еще не сделал*.

3) Серия конструкций с частицей *əŋdə*: *əŋdə* CONNEG ‘делать’-

Вероятно, к какой-то из форм отрицательного глагола **ə-* восходит застывшая частица *əŋdə*, встречающаяся в ульчском языке в целом ряде конструкций глагольного отрицания: возможно, к той форме, которая на синхронном уровне функционирует в ульчском языке как форма разновременного деепричастия и как форма коннегатива (вид V-*də* она имеет для основ на согласный). В других южнотунгусских языках такой отрицательной частицы нет. В амурских говорах нанайского языка ее функциональным эквивалентом выступает частица *əm*, достаточно надежно этимологизируемая как застывшая форма одновременного деепричастия отрицательного глагола[1].

2.2. Формы, восходящие к показателю экзистенциального отрицания *kəwə*

Второй источник показателей глагольного отрицания в ульчском языке — показатель экзистенциального отрицания *kəwə* ‘нет, не существует, не имеется’. Ср. его исходное употребление в экзистенциальных контекстах. Показатель факультативно оформляется лично-числовыми показателями:

ičə-ŋdə-xə-n,	*pāčan=da*	***kəwə,***	*tị*
видеть-MPURP-PST-3SG	туес=EMPH	EX.NEG	тот
sụgdata=da	***kəwə***		
рыба=EMPH	EX.NEG		

‘Пошла посмотреть, а туесков-то нет и рыбы тоже нет’ (тексты 2017).

Kəwə встречается также в характерных для показателей экзистенциального отрицания (ср. [Veselinova 2013]) анафорической функции (*он пришел, а я <u>нет</u>*) и в функции краткого ответа на вопрос (*<u>нет</u>, он не пришел*):

kəwə,	*bi*	*ičə-m*	*kəwə-mbiə*
EX.NEG	1SG	видеть-CVB.SIM.SG	EX.NEG-1SG

‘*Нет*, я не видела’ (тексты 2017).

Тот же показатель выступает в составе сразу нескольких разноструктурных конструкций глагольного отрицания. Случаи интеграции показателей экзистенциального отрицания в систему

[1] Исходя из этого можно было бы также предположить, что *əŋdə* возникает из комбинации *əm* и эмфатической клитики *=də*, используемой во многих отрицательных конструкциях. Тогда, однако, придется постулировать не очень ожидаемый переход *m* в *ŋ*.

глагольного отрицания достаточно широко распространены в языках мира: см. о типологии таких систем [Croft 1991] и [Veselinova 2013; 2014; 2016]. Известно при этом, что грамматикализация показателей экзистенциального отрицания может идти довольно разными путями. Посмотрим с этой точки зрения на ульчский материал.

1) Первая конструкция с показателем *kəwə* представлена в (8) выше и в (9). Показатель *kəwə*, факультативно оформленный лично-числовыми аффиксами, занимает в ней позицию финитного предиката, смысловой глагол представлен в форме одновременного деепричастия, факультативно сопровождаемого эмфатической клитикой *=də*: CVB.SIM(*=də*) *kəwə*-(PERS), букв. ‘делая нет’[1].

tatočị-xa, *tara* *įgzamịn-tị* ***ŋənə-m=də***
учиться-PST потом экзамен-DIR идти-CVB.SIM.SG=EMPH
kəwə-ni
EX.NEG-3SG
‘Училась, а на экзамен потом не пошла’ (тексты 2017).

В ульчском языке эта конструкция выступает в качестве дефолтной формы отрицания прошедшего времени (о ее аналогах в других южнотунгусских языках см. ниже). Можно предположить, что изначально эта конструкция возникает как отрицательный коррелят имперфективной положительной конструкции CVB.SIM *bi-* (букв. ‘делая есть’):

inən-inən <...> *ńį̄-sal* ***įra-sụ-m*** ***bi-či-t****=guni*
день-день <…> человек-PL нести-HAB-CVB.SIM.SG быть-PST-3PL=PART
‘Каждый день <…> люди отправляли’ (тексты 2017).

Структурно конструкции симметричны, и обе зафиксированы в ульчском языке на синхронном уровне. Проблема, однако, состоит в том, что на синхронном уровне они не вполне симметричны семантически: а) отрицательная конструкция, в отличие от положительной, не имеет имперфективной семантики; б) положительная конструкция встречается во всех видо-временных формах, а отрицательная — только в одной, с референцией к прошлому. При этом структурно эта форма с референцией к

[1] Подробные данные о формальной структуре конструкции (в т.ч. частотные данные по употреблению лично-числовых показателей и эмфатической клитики) см. в [Oskolskaya, Stoynova in press].

прошлому соотносится не с формой прошедшего времени положительной конструкции, а с формой настоящего времени. Гипотезу о диахроническом сценарии, который мог привести к указанным несоответствиям, см. подробнее на материале аналогичной конструкции (с показателем экзистенциального отрицания *aba*) в нанайском языке в [Оскольская, Стойнова 2017].

2) Вторая конструкция с показателем *kəwə* представлена в двух структурных разновидностях — с референцией к настоящему и к прошлому. Она состоит из положительной формы прошедшего / настоящего времени индикатива и *kəwə*, функционирующего в данном случае как застывшая неизменяемая частица (PST *kəwə*, PRS *kəwə*):

uj=də ***pansa-xa-n=də*** ***kəwə*** *nambat*
кто=EMPH спрашивать-PST-3SG NEG.EX 3PL.ACC
‘Никто их не спрашивал’ (тексты 2017) — PST + *kəwə*.

nat *mimbə* ***tunč-i-n=də*** ***kəwə***
3PL 1SG.ACC трогать-PRS-3SG=EMPH NEG.EX
‘{Думает: зверей много, я их не боюсь}, они меня не тронут!’ (тексты 2017) — PRS + *kəwə*.

Эта конструкция значительно более редкая, чем первая; судя по текстовым употреблениям, она имеет эмфатический оттенок: ‘все равно не, даже не’. Вторая конструкция с *kəwə* демонстрирует тип «симметричного отрицания» в терминах М. Миестамо (AFFIRMATIVE + NEGATOR), что не характерно ни для ульчской системы в целом (см. выше), ни, шире, для тунгусо-маньчжурских языков.

Путь грамматикализации этой конструкции с очевидностью совершенно иной, чем у первой. Можно предположить, что она возникает не непосредственно из экзистенциальных употреблений *kəwə*, а из (уже морфологически застывших) «ответных» употреблений, (8). Наблюдаемая на синхронном уровне конструкция глагольного отрицания с положительной формой и постпозитивным *kəwə* является в таком случае результатом конвенционализации риторической вопросно-ответной конструкции или конструкции самокоррекции, ср.:

nat *mimbə* *tunč-i-n=də*(*?*) *kəwə*
3PL 1SG.ACC трогать-PRS-3SG=EMPH NEG.EX
букв. ‘Они на меня нападут? — Ну нет!’ или: ‘Они на меня нападут…, да нет!’ (тексты 2017).

С этим предположением согласуется и эмфатический оттенок, наблюдаемый у конструкции на синхронном уровне.

3. Ульчская система отрицания в сопоставлении с близкородственными идиомами

Система отрицания — тот фрагмент грамматики, в котором южнотунгусские идиомы проявляют исключительно большую вариативность, даже на уровне отдельных диалектов и говоров. Это обращает на себя внимание на фоне того, что в целом их грамматические системы достаточно похожи. Впрочем, в контексте обсуждавшихся выше данных о диахронической нестабильности и радикальной перестройке пратунгусской системы, наблюдающейся в этой подгруппе языков, это не кажется странным.

В Таблице 3 для каждой из основных отрицательных форм ульчского языка приведены данные о параллелях в других южнотунгусских. Неожиданно большое структурное сходство в этом фрагменте грамматики обнаруживается с кур-урмийским нанайским (ср. наличие только в этих двух идиомах конструкции PST / PRS *kəwə*), который не является ни генетически, ни ареально наиболее близким к ульчскому. С другой стороны, максимальное расхождение обнаруживается, наоборот, с орокским языком, который считается ближайшим родственником ульчского. Эта же таблица дает представление о том, какие из отрицательных форм являются общими для всех южнотунгусских идиомов (ср. прохибитивную форму), а какие специфичны для ульчского языка.

Таблица 3

Глагольное отрицание в южнотунгусских идиомах

ульчская отрицательная форма	**в кур-урмийском [Суник 1958]**	**в амурских диалектах нанайского (найхинский) [Аврорин 1961]**	**в бикинском нанайском [Сем 1976]**	**в орокском [Петрова 1967]**
прохибитив *əǯi* + CONNEG	да	да	да	да
синтетическая форма PRS	да	да	да	нет
форма прош.вр. CVB.SIM(=*də*) *kəwə*-(PERS)	да	маргинальная конструкция CVB.SIM(=*də*) *aba*	нет	нет

PST/PRS *kəwə*	да	нет	нет	нет
формы с *əčəl* ‘еще не’	?	основная нейтральная форма pst (*əčiə* + CONNEG)[1]	?	одна из двух основных нейтральных форм pst (*ətčil* + CONNEG)
формы с *əŋdə*	нет	нет (структурно похожая система форм с *əm*)	нет	нет
презентные конструкции с редупликацией	?	нет	?	?

4. Нестандартные явления в ульчской системе отрицания: отрицательные конструкции с редупликацией

Структурно и семантически интересными кажутся отмеченные в ульчском (и, по имеющимся данным, не зафиксированные в других южнотунгусских идиомах) редуплицированные отрицательные конструкции. Они строятся следующим образом: одновременное деепричастие (+ эмфатическая клитика *=də*) + отрицательная форма презенса (букв. ‘делая не делает’). По форме и по значению они напоминают русские конструкции *делать*(*-то*) *не делает* и часто самими носителями (не всегда удачно) переводятся на русский с помощью этих конструкций. Конструкции, как и простая синтетическая отрицательная форма презенса, имеют референцию к настоящему или к будущему времени; употребляются в контексте противоречия ожиданиям слушающего, в т.ч. вытекающим из энциклопедических знаний о мире (более точное семантическое описание требует дополнительного исследования). Ср. примеры:

ụgda	***ŋənə-m=də***	***ŋənə-si***,
лодка	идти-CVB.SIM.SG=EMPH	идти-PRS.NEG
baj	*tị*	*kopto-n*
только	этот	качание-3SG

[1] В одном из говоров амурского нанайского, горинском, конструкция с *əčiəl* со значением ‘еще не’ (более похожая на ульчскую).

{Так едучи, и вёсел не стало, ничего не стало. Тот старший стиснув зубы, закрыв глаза, рулит.} Лодка и идти не идет, просто так качается. (Суник 1985, тексты) — ожидание: лодка должна плыть.

talụ-ǯị *aŋǯụ-xa,*
береста-INSTR делать-PST
xəjə-m=də ***xəjə-si***
течь-CVB.SIM.SG=EMPH течь-PRS.NEG

{С этим ведром ягоды собирать можно, а можно за водой ходить.} Из бересты делали. Совсем не протекает. (тексты 2017) — ожидание: посуда из бересты должна протекать.

buə *xaj=də* *ulə* *bi-či-pu,*
мы это=EMPH хорошо быть-PST-1PL
sormačụ-m=də *sormačị-sị*
ссориться-CVB.SIM.SG=EMPH ссориться-PRS.NEG

{Мы жили в одном доме.} Мы очень хорошо жили, ругаться-то не ругались[1]. (тексты 2017) — ожидание: соседи обычно ругаются.

5. Ульчская система отрицания в контексте утраты языка и интерференции с русским языком

5.1. Формы отрицания, засвидетельствованные в разных источниках

В используемых нами источниках засвидетельствованы не вполне совпадающие инвентари отрицательных форм: в Таблице 4 приводятся соответствующие данные для всех отрицательных форм с референцией к прошлому[2]. Таблица 5 дополняет Таблицу 4 количественными данными по употреблению в текстах 60-х гг. и 2000-х — 2010-х гг.

[1] В русском переводе прошедшее время, а не настоящее. В оригинале praesens historicum, нарративная стратегия, в ульчском языке распространенная шире, чем в русском.

[2] Включены, в частности, формы ‘еще не’ с *əčəl* (в т.ч. *əčəl* + PRS), для которых такая атрибуция отчасти условна.

Таблица 4

Формы отрицания с референцией к прошлому в разных источниках[1]

показатель отрицания	описания [Петрова 1936]; [Суник 1985]	тексты 1930-х гг. [Петрова 1936]	тексты 1960-х гг. [Суник 1985]	тексты 2000-х — 2010-х годов	элицитация
əŋdə CONNEG ‘do’-PST	def	yes	n/a	n/a	+/-
CVB.SIM *kəwə*	yes	yes	yes	def	def
əčəl CONNEG	yes (*əčiə~əčiəl*), описана как нейтральная форма прош. вр.	yes, ‘еще не’	yes, ‘еще не’	yes, ‘еще не’	yes, ‘еще не’
əčəl PRS	no	n/a	yes	yes	+/-
PST *kəwə*	no	n/a	n/a	yes	?
PST *əŋdə*, *əŋdə* PST	no	n/a	n/a	occas.	?

Таблица 5

Формы отрицания с референцией к прошлому: частотность в текстах

форма	тексты 2000-х — 2010-х гг.	тексты 1960-х гг. [Суник 1985]	всего
CVB(=*də*) *kəwə*	77% (86)	50% (12)	73% (98)
əčəl CONNEG	13% (14)	33% (8)	16% (22)
əčəl PRS	1% (1)	17% (4)	4% (5)
PST *kəwə*	5% (6)	0% (0)	4% (6)
прочее	4% (4)	0% (0)	3% (4)
всего	100% (111)	100% (24)	100% (135)

Причиной несовпадений может быть как неполнота данных, так и микродиахронические изменения в употреблении, которых вполне можно ожидать даже за непродолжительное время в ситуации утраты языка. Из таблиц видно следующее:

[1] Обозначения: n/a — форма не засвидетельствована в текстах / не упомянута в описании, yes — форма засвидетельствована, occas. — форма встречается окказионально, def — форма описана / встречается / порождается носителями в качестве основной, +/- — форма признается частью носителей, ? — надежных данных от носителей не получено.

а) Описание [Суник 1985] апеллирует не к тому инвентарю форм, который наблюдается в текстах самого О. П. Суника, изданных под той же обложкой. Скорее всего, оно в этом фрагменте в основном повторяет сделанное на 50 лет раньше описание Т. И. Петровой.

б) Форма *əŋdə* CONNEG ‘делать’-PST, описанная в [Петрова 1936] как основная отрицательная форма прошедшего времени, ни в текстах О. П. Суника, ни в текстах 2000-х — 2010-х гг. не встретилась ни разу. Частью современных носителей она, впрочем, опознается. Можно предположить, что конструкция ранее существовала (возможно, даже как основная отрицательная), но к настоящему моменту практически вышла из употребления или приобрела статус маргинальной формы, требующей особого (судя по данным элицитации, видимо, эмфатического, но до конца не понятно, какого именно) контекста[1].

в) Формы *əčəl* PRS и PST *kəwə* (а также аналогичная презентная форма PRS *kəwə*), не упоминаемые в описаниях, но встречающиеся в текстах, в т.ч. у О. П. Суника, видимо, просто недоописаны (по крайней мере в очерке О. П. Суника).

г) Форма *əčəl* CONNEG зафиксирована во всех типах источников. Однако в очерках она описывается как семантически нейтральная форма прошедшего времени, а в текстах (и в текстах О. П. Суника, и в новых) ее употребления можно с очевидностью охарактеризовать как более узкие (со значением ‘еще не’, см. выше п.2). В соответствии с предполагаемой схемой эволюции формы из конструкции с прошедшим временем отрицательного глагола (п.2), такое семантическое приращение действительно должно было иметь место. Не до конца, однако, понятно, произошло ли оно действительно за XX в. или семантика ‘еще не’ была свойственна форме и на стадии, описываемой Т. И. Петровой, однако не была отражена в кратком очерке. Вероятнее второе, поскольку эта узкая семантика наблюдается у аналогичных форм и в других близкородственных идиомах, см. п.3[2]. Семантической разницы между употреблениями *əčəl* CONNEG в текстах 1960-х и 2000-х — 2010-х гг. нет, однако наблюдается значимое увеличение доли дефолтных форм с *kəwə*

[1] Возможно, впрочем, что наряду с диахроническим имеет место и фактор говора / диалекта.

[2] Отдельный вопрос состоит в том, действительно ли встречающаяся в текстах форма с *əčəl* и постулируемая в очерках форма с вариантом *əčiə* — это одна и та же форма.

по сравнению с формами на *əčəl* (посчитано суммарное количество употреблений двух конструкций с *əčəl*, с коннегативом и презентной формой). Последнее может быть следствием обеднения репертуара активно используемых форм в ситуации языкового сдвига (стремлением использовать нейтральную форму ‘не сделал’ в контексте, где можно было бы выбрать форму с более узкой семантикой ‘еще не сделал’)[1].

д) Не до конца понятен статус серии не отмеченных в описаниях форм с *əŋdə*. Формы PST *əŋdə* и *əŋdə* PST, единичные употребления которых фиксируются только в текстах 2000-х — 2010-х гг. (строка «прочее» в Таблице 5), похожи на новообразования, окказионально возникающие в речи современных носителей в ситуации языкового сдвига. Форма PST *əŋdə*, возможно, появляется по аналогии с PST *kəwə*. Форма *əŋdə* PST — возможно, по аналогии с утрачиваемой структурно более сложной формой *əŋdə* CONNEG делать-PST[2].

min	*ən-bi*	*goj*	*ńį̄-wa*
1SG	мать-1SG	другой	человек-ACC
bā-xa-n		***əŋdə***	
находить-PST-3SG		NEG	

‘Моя мать за другого не пошла!’ (тексты 2017).

Таким образом, (с оговорками о том, что часть расхождений в данных может быть обусловлена просто их недостатком) можно резюмировать, что:

1) в ульчской системе отрицания за довольно короткий срок произошли существенные изменения, что, с одной стороны, можно связывать с более общей диахронической нестабильностью именно этого фрагмента грамматики тунгусо-маньчжурских языков (см. выше), а с другой, с социолингвистической ситуацией языкового сдвига, способствующей ускорению внутриязыковых процессов;

2) происходит обеднение инвентаря используемых форм, что также вписывается в характерную для языкового сдвига картину;

---

[1] Однако при такой небольшой и не сбалансированной выборке текстов, несмотря на статистическую значимость различия (exact Fisher 2-tailed test, p=0,0005) уверенных выводов делать нельзя.

[2] Заметим, что эта форма не только структурно сложнее, но и представляет собой тип асимметричного отрицания, характерного для тунгусо-маньчжурских языков. Форма *əŋdə* PST, наоборот, симметрична положительной, что характерно для русского языка, интенсивно влияющего на современный ульчский, и структурно абсолютно аналогична русской форме *не* + прош. вр.

3) при этом отмечаются, наоборот, спорадические новообразования, которые предположительно можно расценивать как результат интерференции и/или распада системы.

Ниже отдельно рассматривается еще одна форма, за пределами форм прошедшего времени, применительно к которой не возникает сомнений в ее контактной природе, а именно форма прохибитива.

5.2. Прохибитив: интерференция с русским языком

Прохибитив (отрицательный императив) строится в ульчском языке с помощью частицы *əǯ*(*i*), сопровождаемой формой коннегатива:

əǯ *bū-rə*
NEG.IMP давать-CONNEG
‘не давай’

В таком виде он отмечен в описаниях [Петрова 1936; Суник 1985]. Аналогичная структура прохибитива характерна для других южнотунгусских языков, она более-менее прозрачна с точки зрения внутренней формы (происходит из застывшего в форме императива отрицательного глагола, сопровождаемого нефинитной формой коннегатива, см. п.2). Эта форма фиксируется в речи старших и более компетентных носителей ульчского языка.

Однако в речи более молодых и менее компетентных носителей отмечается наряду с ней и другая прохибитивная конструкция, в которой на месте коннегативной формы глагола при частице *əǯ* появляется положительная форма императива:

əǯ *bū-ru*
NEG.IMP давать-IMP
‘не давай’

Это образование ни с каким правдоподобным диахроническим сценарием развития непосредственно из конструкции со вспомогательным отрицательным глаголом не соотносится (при отрицательном глаголе ожидается коннегатив, а не положительная форма императива) и его уверенно можно квалифицировать как возникающую на глазах, уже в условиях распада системы, морфосинтаксическую кальку (pattern-borrowing) с русского языка. Ср. симметричную положительной отрицательную форму в русском: IMP ~ *не* + IMP (*давай ~ не давай*).

6. Заключение

Системы отрицания тунгусо-маньчжурских языков с их довольно обширными и исключительно разнородными инвентарями отрицательных конструкций представляют интерес для типологии систем глагольного отрицания как в синхронном, так и в диахроническом ракурсе. Учитывая заметную вариативность, наблюдаемую в этой группе языков для данного фрагмента грамматики, любой новый материал по слабо описанному идиому кажется априори ценным. Материал ульчского языка представляет, однако, ценность и сам по себе, обнаруживая:

а) более широкий, чем в среднем, репертуар промежуточных стадий грамматикализации конструкций с отрицательным глаголом;

б) отрицательные конструкции, происхождение которых неочевидно и требует специальных объяснений;

в) в том числе объяснений, апеллирующих к языковым контактам и постепенному распаду грамматической системы;

г) типологически нетривиальные показатели, не зафиксированные в других тунгусо-маньчжурских языках.

Доминирующей тенденцией кажется увеличение в системе числа отрицательных форм, формально симметричных положительным. Это верно и применительно к диахроническим изменениям «до языкового сдвига» (реконструируемым для ульчского языка в сопоставлении с другими тунгусо-маньчжурскими), и применительно к очевидно контактно-обусловленным инновациям, фиксируемым в речи современных носителей.

Литература

Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. II. М. Л.: Наука. 1961.

Оскольская С.А., Стойнова Н.М. Системное и несистемное в инвентаре разнородных морфосинтаксических средств: показатели отрицания в нанайском языке // Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Коношенко М.Б. (Ред.) Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. Москва, МПГУ. 2016. С. 204-224.

Оскольская С.А., Стойнова Н.М. Эволюция показателя экзистенциального отрицания в нанайском языке // Урало-алтайские исследования, 1(24). 2017. С. 59-76.

Петрова Т.И. Ульчский диалект нанайского языка. Москва: Учпедгиз, 1936.

Петрова Т.И. Язык ороков. М.: Изд. АН СССР, 1936.

Сумбатова Н.Р., Гусев В.Ю. Ульчский язык // Михальченко В.Ю. (Гл. ред.) Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник. 2016.

Суник О.П. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л.: Наука. 1958.

Суник О.П. Ульчский язык: исследования и материалы. Ленинград: Наука. 1985.

Benzing J. Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur. 1955.

Croft W. The evolution of negation // Journal of Linguistics, 27. 1991. P. 1–39.

Hölzl A. A Typology of Negation in Tungusic // Studies in Language, 39(1). 2015. P. 117—157.

Miestamo M. Standard negation: the negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. Berlin: Mouton de Gruyter. 2005.

Miestamo M., Tamm A., Wagner-Nagy B. Negation in Uralic Languages. Amsterdam: John Benjamins. 2015.

Nedjalkov I. Evenki. London: Routledge. 1997.

Oskolskaya S., Stoynova N. Integration of negative existential into the standard negation system: the case of Nanaic languages // Veselinova, Ljuba and Arja Hamari. The Negative Existential Cycle from a historical-comparative perspective. Language Science Press. Series: Studies in Diversity Linguistics. В печати.

Payne J.R. Negation // Shopen T. (Ed.) Language typology and syntactic description. Vol. 1. Clause structure. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. P. 197-242.

Veselinova L. Negative existentials: A cross linguistic study // Eds. Delia Bentley, Francesco Maria Ciconte and Silvio Cruschina [Special issue] Italian Journal of Linguistics, 25(1). 2013. P. 107-145.

Veselinova L. The Negative Existential Cycle Revisited // Linguistics, 52(6). 2014. P. 1327-1389.

Veselinova L. The negative existential cycle viewed through the lens of comparative data // Gelderen E. Cyclical Change Continued. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins. 2016. P. 139-187.

Сокращения

1, 2, 3 — лицо; ACC — аккузатив; AUX — вспомогательный глагол; COM — комитатив; CONNEG — коннегатив; CVB — деепричастие; DIR — директив; DUR — дуратив; EMPH — эмфаза; EX — экзистенциальный показатель; FUT — будущее время; HAB — хабитуалис; HORT — гортатив; IMP — императив; INSTR — инструменталис; MPURP — движение с целью; NEG — отрицание; PART — частица;

PERS — лично-числовой показатель; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число; SIM — одновременность; V — глагол; VOL — желательность.

Резюме

В статье рассматривается система глагольного отрицания в ульчском языке. Эта система достаточно велика и разнородна. Она представляет интерес со следующих точек зрения: а) в рамках типологии систем с асимметричным отрицанием, б) с точки зрения эволюции отрицания, в) в более широком сопоставительном контексте тунгусо-маньчжурских языков, г) с точки зрения интенсивных контактов с русским языком и распада языковой системы. Эти аспекты ульчской системы отрицания разбираются в статье на материале свежих полевых данных.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, ульчский язык, отрицание, асимметричное отрицание, грамматикализация, языковой сдвиг

VERBAL NEGATION IN ULCH: FIELD DATA

Natalia M. Stoynova
senior researcher,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS
stoynova@yandex.ru

Summary

The paper deals with the system of verbal negation in Ulch (Tungusic). The system is quite reach and heterogeneous. It is of interest from different points of view: a) within in a typology of asymmetric negation systems, b) from the point of view of evolution of negation, c) in a wider context of other Tungusic languages, d) in context of intensive contact with Russian and language attrition. These aspects of the Ulch negation system are observed in the paper on the new field data.

Key words: Tungusic languages, Ulch, negation, asymmetric negation, grammaticalization, language attrition

References

Avrorin V.A. Grammatika nanajskogo jazyka [A grammar of Nanai]. V. II. M. — L.: Nauka. 1961.

Benzing J. Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur. 1955.

Croft W. The evolution of negation // Journal of Linguistics, 27. 1991. P. 1–39.

Hölzl A. A Typology of Negation in Tungusic // Studies in Language, 39(1). 2015. P. 117—157.

Miestamo M. Standard negation: the negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. Berlin: Mouton de Gruyter. 2005.

Miestamo M., Tamm A., Wagner-Nagy B. Negation in Uralic Languages. Amsterdam: John Benjamins. 2015.

Nedjalkov I. Evenki. London: Routledge. 1997.

Sistemnoje i nesistemnoje v inventare raznorodnykh morfosintaksicheskikh sredstv: pokazateli otricaniya v nanajskom jazyke [Heterogenious inventory of negators: a case of Nanai] // Lyutikova E.A., Cimmerling A.V., Konoshenko M.B. (Red.) Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov 2016», 3. Moskva, MPGU. 2016. P. 204—224.

Oskolskaya S., Stoynova N. Evoljucija pokazatelja ekzistencialjnogo otricanija v nanajskom jazyke [Evolution of the negative existential in Nanai] // Uralo-altajskie issledovanija, 1(24). 2017. P. 59—76.

Oskolskaya S., Stoynova N. Integration of negative existential into the standard negation system: the case of Nanaic languages // Veselinova, Ljuba and Arja Hamari. The Negative Existential Cycle from a historical-comparative perspective. Language Science Press. Series: Studies in Diversity Linguistics. В печати.

Payne J.R. Negation // Shopen T. (Ed.) Language typology and syntactic description. Vol. 1. Clause structure. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. P. 197—242.

Petrova T.I. Uljchskij dialekt nanajskogo jazyka [The Ulch Dialect of Nanai]. Moskva: Uchpedgiz. 1936.

Petrova T.I. Jazyk orokov [The Orok language]. M.: Izd. AN SSSR, 1936.

Sumbatova N.R., Gusev V.Ju. Uljchskij jazyk [The Ulch language] // Mikhaljchenko V.Ju. (Ed.) Jazyk i obshchestvo. Enciklopedija. M.: Azbukovnik. 2016.

Sunik O.P. Kur-urmijskij dialekt. Issledovanija i materialy po nanajskomu jazyku [The Kur-Urmi dialect. Explorations and Materials on Nanai]. L.: Nauka. 1958.

Sunik O.P. Uljchskij jazyk: issledovanija i materialy [The Ulch language. Explorations and Materials]. Leningrad: Nauka. 1985.

Veselinova L. Negative existentials: A cross linguistic study // Eds. Delia Bentley, Francesco Maria Ciconte and Silvio Cruschina [Special issue] Italian Journal of Linguistics, 25(1). 2013. P. 107—145.

Veselinova L. The Negative Existential Cycle Revisited // Linguistics, 52(6). 2014. P. 1327—1389.

Veselinova L. The negative existential cycle viewed through the lens of comparative data // Gelderen E. Cyclical Change Continued. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins. 2016. P. 139—187.

ИЗМЕНЕНИЕ ЛИНЕЙНО-СИНТАГМАТИЧЕСКОГО СТАТУСА КОРОТКИХ ПРЕДЛОГОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Тискин Даниил Борисович
старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет
daniel.tiskin@gmail.com

1. Введение

Предлоги — типичный объект исследований в рамках теории грамматикализации [Hopper and Traugott 2003: 51, 109, 189], где изучается, с одной стороны, препозиционализация самостоятельных слов с пространственной, темпоральной и пр. семантикой (важный механизм пополнения инвентаря предлогов в данном языке), а с другой — потеря предлогами собственной семантики с превращением их в чисто реляционные показатели. Иногда предлагается оценивать степень грамматикализованности предлога по синтаксическим критериям, например по возможности вставки материала между предлогом и связанной с ним именной группой (ИГ), где невозможность вставки соответствует большей грамматикализованности [Овсянникова 2009], или по склонности предлога повторяться при сочинении ИГ, как в *с Васей и* (*с*) *Петей*, где большая доля повторов свидетельствует о высокой степени грамматикализации [Haspelmath 2007: 14].

Сказанное выше уже предполагает, что предлог может быть грамматикализован в большей или меньшей степени; добавим, что исследователь может быть более или менее склонен **относить** некоторую единицу к предлогам (например, в соответствии с её семантикой или ввиду того, что она имеет как предложные, так и наречные употребления). Поэтому нельзя вполне согласиться с традиционной точкой зрения, согласно которой в общем случае «[в]месте с падежной формой имени предлог образует синтаксическое единство, так называемую предложно-падежную форму имени» [Шведова 1980: § 1667]: степень слитности этого единства бывает слишком различной, а с семантической точки

[1] Благодарим Е. И. Риехакайнен, С. С. Сая и двух анонимных рецензентов VI Конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых учёных» за замечания и предложения, не снимающие с автора ответственности за все недостатки работы.

зрения как минимум в части случаев попытки определить значение предлога как такового, а не единства в целом могут быть плодотворны. Если отставить в сторону вопрос о возможности выделить собственную семантику предлога в его употреблениях с ИГ, центральным для современной полемики о категориальном статусе предлогов является понятие *функциональной категории* (в противоположность лексической) — закрытого класса морфологически простых служебных единиц, имеющих одну обязательную валентность [Zwarts 1997]. Некоторые предлоги вполне отвечают этому прототипу (ср. *в*, *с*, *от*), другие существенно отклоняются от него (*напротив*, *на протяжении*, *в зависимости от*); существует и заметная зона неопределённости. Так, «Русская грамматика» (§ 1657) называет первообразными предлоги *кроме* и *между*, не вполне, как кажется, утратившие свои словообразовательные связи (соответственно, с *крома* ‘~ кромка’ и *межда* ‘межа’), и морфологически составные *из-за* и *из-под*; с другой стороны, не отличающийся ясностью происхождения для рядового носителя предлог *мимо* отнесён к наречным (т. е. к одному из подклассов непервообразных), поскольку может употребляться без ИГ.

Разделение предлогов на первообразные и производные является лишь одним из возможных. Среди других можно назвать противопоставление функциональных и лексических предлогов по ряду коррелирующих (но не совпадающих) параметров [Yadroff 1999], а также их классификацию по «просодическому весу». Можно представить себе целиком априорную классификацию такого рода (простое разделение предлогов на неслоговые, односложные и т. д.), однако неоднократно было показано, что просодические характеристики — в той мере, в какой их можно отделить от производности и морфемной членимости, — релевантны для синтаксического поведения предлога. В частности, при слусинге — лицензируемом предшествующим дискурсом эллипсисе вложенного вопроса — допустимо опустить длинный предлог, но предпочтительно не опускать короткий [Philippova 2014; Ионова 2016]:

(1) a. *Маша ушла* ***к*** *какому-то знакомому, но я не помню,* ?(*к*) *какому.*

b. *Компания пошла* ***навстречу*** *какому-то клиенту, но я не помню, какому.*

Аналогичное противопоставление наблюдается в альтернативных вопросах [Podobryaev 2017]: (2a) может означать только обычный вопрос (~ ‘Ходил ли ты куда-нибудь?’), тогда как (2b), помимо этой, допускает ещё альтернативную интерпретацию ‘Предполагая, что в одно из двух мест ты ходил, я спрашиваю: в какое из двух?’ (от интонационных различий мы здесь отвлекаемся[1]). С длинными предлогами дело обстоит иначе, так что (3) имеет обе интерпретации.

(2) a. *Ты ходил **в** университет или отдел?*

b. *Ты ходил **в** университет или **в** отдел?*

(3) *Ты действовал **вопреки** закону или ___ справедливости?*

В данной статье мы априорно подразделяем предлоги по числу слогов, выделяя короткие (0–1 слог) и длинные (2 и более слогов).

2. Цели, материалы и метод

Приведённые выше данные показывают, что короткий предлог проявляет большую степень слитности с ИГ-комплементом, чем длинный. Остаётся неясным, меняется ли эта степень с течением времени. Нашей целью было определить, какие изменения претерпевает линейно-синтагматический статус предлога — в первую очередь короткого — в (микро)диахронии, доступной для изучения по материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ, http://ruscorpora.ru), т. е. на протяжении приблизительно последних трёх веков. Мы выбрали несколько типов контекстов, в которых предлог оказывается так или иначе отделён от ИГ, с которой связан синтаксически и по смыслу. Исследовались следующие типы контекстов:

(a) случаи сочинения предлогов, при котором первый из сочиняемых предлогов отделён от ИГ союзом и вторым предлогом (рассматривались союзы *и*, *или*, *не… а*/*но*)[2]:

---

[1] Заметим, тем не менее, что было бы полезно исследовать связь между необходимостью предлога при фокусе на альтернативах в альтернативном вопросе (2b) и контрастом, отмеченным Ю. Гончаровой [Goncharov 2015]. Последний состоит в том, что при разрыве предложной группы повтор предлога и его отсутствие соответствуют разным интерпретациям: *В доме Иван живёт собственном* допускает продолжение типа *…а не в квартире* (контраст — *дом* vs. *квартира*), а *В доме Иван живёт **в** собственном* соответствует топикализации *в доме* и допускает продолжение типа *…и машина у него тоже собственная*.

[2] Во всех трёх выборках встречались примеры, подобные (5)–(6) в том отношении, что управляемые падежи сочиняемых предлогов не совпадали (включая фактически

(4) *Просто мне будет неуютно ходить* ***с и под*** *ЧЕЛОВЕКОМ, который не получает реальный эквивалент за свой труд и по сути дела несет моральную и где-то юридическую ответственность за меня.* [Новая тема, которую никто пока не трогает (форум) (2008)]

(5) *Я же не помню, сколько их вчера было! Шестнадцать? Четырнадцать?* ***С или без*** *Горация?..* [И. А. Бродский. Мрамор (1982)]

(6) *Впрочем, есть один дельный совет: сервировать продолжение банкета прямо на полу и тем самым дать понять, что удобно и безопасно время можно провести* ***не на, а под*** *бильярдом.* [Мария Пупшева. Играем на смех (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.08.08]

(b) случаи отделения предлога от ИГ вводным словом. В данном случае мы остановились на такой формулировке поискового запроса, в которой закрытым списком заданы предлоги (различной длины и производности: *с*, *в*, *к*, *на*, *по*, *за*, *перед*, *после*, *кроме*, *начиная*, *включая*, *исключая*) и вводные слова (точные формы *допустим*, *извините*, *простите*, *разумеется*, *казалось*, *наконец*, *быть может*, *может быть*, *впрочем*, *пожалуй*, *например*, *во-первых*, *очевидно*, *мол*), что позволяет устранить разночтения в отнесении того или иного слова к вводным и упростить очистку корпусной выдачи от иррелевантных контекстов:

(7) *Как настоящий товарищ он помогал мне справиться* ***с, казалось, непосильной задачей.*** [Валентин Бережков. Рядом со Сталиным (1971-1998)]

(c) случаи отделения предлога от ИГ (точнее, от существительного или местоимения-существительного) частицей *только*:

(8) *Языческая пара, без Бога,* ***с только судьбой.*** [М. И. Цветаева. Наталья Гончарова (Жизнь и творчество) (1929)]

Во всех полученных выборках для различных периодов после ручной очистки подсчитывались абсолютные количества и доли предлогов различной длины. Таким образом, сравнивались не перечисленные выше диагностические контексты с какими-либо иными, а число примеров разной датировки и с предлогами разной длины в рамках данного типа диагностических контек-

---

устойчивое сочетание *за и против*). В таких случаях, как мы видим, используется падеж ИГ, требуемый последним конъюнктом.

стов. С этой точки зрения изменение **доли** вхождений коротких предлогов среди всех примеров данного типа свидетельствовало бы об изменении линейно-синтагматического статуса таких предлогов: нам неизвестно, к примеру, сколько примеров типа (4) нужно ожидать для того или иного периода, но если мы обнаружим, что среди *n* таких примеров для раннего периода примеры с короткими предлогами составляют 3%, а среди *m* поздних примеров — 15%, и если различие будет статистически значимо, то можно будет говорить о том, что короткие предлоги с течением времени приобрели большую отделимость [ср. Плунгян 2000: 21], чем у них была в ранний (по меркам НКРЯ) период.

3. Результаты

Подсчёты показывают, что для всех рассмотренных выборок, кроме *не… а*/*но* (как в (6)), доли коротких предлогов для различных периодов различаются значимо, а изменение их абсолютного числа значительнее, чем у длинных (хотя увеличиваться может и число контекстов с длинными предлогами, поскольку объём подкорпусов XX–XXI вв. больше объёма ранних подкорпусов НКРЯ). Более того, все значимые различия указывают на рост доли коротких предлогов в позиции, где предлог отделён от своей ИГ. Результаты подсчётов приведены в таблице 1.

Таблица 1

Изменение линейно-синтагматического статуса коротких и длинных предлогов на материале основного корпуса НКРЯ

Лексемы	Подкорпус	Слогов в предлоге		*p* (2-сторонний χ^2) для различия между короткими и длинными предлогами
		0–1 (короткие)	2 и более (длинные)	
и	до 1900	128 (50%)	126 (50%)	≪ 0,001
	с 2001	253 (68%)	118 (32%)	
или	до 1917	26 (46%)	30 (54%)	< 0,001
	с 1918	154 (72%)	60 (28%)	
не… а/*но*	до 1917	10 (45%)	12 (55%)	— (незначимо)
	с 1918	42 (41%)	61 (59%)	
вводные	до 1917	1 (1%)	91 (99%)	< 0,001
	с 1918	41 (16%)	222 (84%)	
только	до 1917	4 (7%)	57 (93%)	< 0,01
	с 1918	15 (26%)	42 (74%)	

Чтобы сделать вывод о том, что перед нами изменение синтаксического характера, а не, к примеру, лексического (простое изменение частоты тех или иных предлогов в корпусе), сопоставим данные таблицы 1 с данными о частотах предлогов в основном корпусе НКРЯ в целом. Таблица 2 отражает результаты подсчётов, которые были выполнены на выборке, полученной запросом для каждого из трёх периодов 100 случайных документов с выдачей одного примера из каждого документа.

Таблица 2

Частоты коротких и длинных предлогов в различные периоды на материале основного корпуса НКРЯ

<table>
<tr><td rowspan="2">Период</td><td colspan="4">Слогов</td><td rowspan="2">p (2-сторонний χ^2)</td></tr>
<tr><td colspan="2">0–1</td><td colspan="2">2 и более</td></tr>
<tr><td>до 1817</td><td>260</td><td rowspan="2">520</td><td>8</td><td rowspan="2">24</td><td rowspan="3">~ 0,72</td></tr>
<tr><td>1818–1917</td><td>260</td><td>16</td></tr>
<tr><td>с 1918</td><td colspan="2">177</td><td colspan="2">7</td></tr>
</table>

Как видно из таблицы, доля коротких предлогов в текстах, созданных до 1917 г., отличается от доли таких предлогов в более поздних текстах незначимо. Таким образом, предположение об особом развитии коротких предлогов в диагностических контекстах представляется обоснованным.

4. Обсуждение

Наличие в корпусе примеров типа (7) с неслогообразующими предлогами — а их в выборке с вводными словами, составленной указанным в § 2 способом, нашлось 25 (около 7% всех примеров в выборке) — свидетельствует против обобщения, сделанного А. М. Перельцвайг относительно случаев расщепления ПГ типа (11)–(12), согласно которому предлог должен иметь хотя бы один слог, чтобы расщепление было возможно[1].

(11) *Я очень хочу поблагодарить Николаеву* ***за****, конечно, большую помощь…* (пример О. А. Лаптевой)

(12) ***Против*** *он выступал советской власти, а не за* (*неё*).

Для случаев типа (12), обобщение, по-видимому, сохраняет силу.

М. Норде [Norde 2009: 130–131] выделяет черты, свойственные процессам **деграмматикализации** — сдвига языковой еди-

[1] «The only restriction on such splits is that the preposition must be syllabic; it need not be a lexical/heavy preposition» [Pereltsvaig 2008: 34].

ницы в сторону большей самостоятельности на шкале грамматикализации: обогащение значения и расширение экспонента; выход из парадигматических отношений; утрата обязательности; расширение сферы действия; ослабление линейно-синтагматических связей (severance); расширение свободы порядка слов/морфем и сочетаемости. Из шести названных черт приведённые в § 3 данные позволяют говорить об ослаблении связи с ИГ и о расширении свободы порядка слов (т. к. порядок *с, казалось, непосильной задачей* (7) становится возможен и начинает конкурировать с порядком *казалось, с непосильной задачей*; подробное обсуждение некоторых других случаев вариативного порядка слов в ПГ, в т. ч. в диахроническом аспекте, см. в [Тискин 2018]). Разумеется, это не означает, что рост синтаксической самостоятельности автоматически влечёт изменение семантики; последняя нами не исследовалась. Что касается линейно-синтагматического статуса, можно назвать и некоторые другие изменения, параллельные обсуждаемым здесь. Так, несколько ранее в истории русского языка утратил обязательность повтор предлога, бывший обязательным при некоторых типах аппозитивных сочетаний (9) в языке новгородских берестяных грамот [Зализняк 1986: 154].

(9) a. *на тебѧ на своєго wсподна*

b. *за Юриемь за попомъ за Илиінскимъ*

На протяжении последних веков снижается частота дублирования предлога при сочинении ПГ в случаях типа (10); данные для *между* и для предлогов *в, с* и *на*, относящихся по нашей классификации к коротким, см. в [Тискин 2017].

(10) *Но* ***между*** *ним и* ***между*** *нами* // *Есть связи естества сильней…* (Ф. И. Тютчев)

Как отмечает М. Хаспельмат [Haspelmath 2007: 14], склонность предлога к повтору при сочинении — один из показателей, по которым можно судить о степени его грамматикализованности. Таким образом, меньшая склонность предлогов к повтору в наши дни по сравнению с XVIII–XIX вв. также указывает на их деграмматикализацию.

В ряде случаев, а именно при отделении предлога от ИГ вводным словом или *только*, изменения долей различных групп предлогов достаточно существенны, чтобы говорить о том, что явление, которое в ранний период ограничено длинными предлогами, перестаёт быть столь жёстко связано с длиной (и, соответ-

ственно, с просодической самостоятельностью) предлога. Синтаксические свойства, объединяющие предлоги различной длины, становятся существеннее их индивидуальных просодических или морфемных свойств.

Литература

Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986. С. 89–219.

Ионова А. А. Эффект зависания предлога при слусинге в русском языке. Доклад на конференции «Типология морфосинтаксических параметров». 2016. URL: http://ossetic-studies.org/tmp2016/files/6214/7353/8896/tmp-16-ionova.pdf (дата обращения: 24.06.2018).

Овсянникова М. А. Первообразные предлоги русского языка в свете теории грамматикализации. Выпускная квалификационная работа бакалавра. СПб: СПбГУ, 2009.

Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2000. 282 с.

Тискин Д. Б. Дублирование вершины при сочинённом комплементе: данные русского языка // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4 / под ред. А. В. Циммерлинга, Е. А. Лютиковой. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 20–33.

Тискин Д. Б. Адвербиальная модификация предложных групп в русском языке. Выпускная квалификационная работа магистра. СПб: СПбГУ, 2018.

Шведова Н. Ю. (ред.). Русская грамматика. Т. 1. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.

Goncharov J. P-Doubling in Split PPs and Information Structure // Linguistic Inquiry. Vol. 46, no. 4. 2015. Pp. 731–742.

Haspelmath M. Coordination // Language typology and syntactic description / ed. by T. Shopen. Cambridge University Press, 2007. Pp. 1–51.

Hopper P. J., Traugott E. C. Grammaticalization. Cambridge University Press, 2003. 276 pp.

Norde M. Degrammaticalization. Oxford University Press, 2009. xviii + 256 pp.

Pereltsvaig A. Split phrases in colloquial Russian // Studia Linguistica. Vol. 62, no. 1. 2008. Pp. 5–38.

Philippova T. P-omission under sluicing, [P clitic] and the nature of P-stranding // Proceedings of ConSOLE XXII / ed. by M. Kohlberger, K. Bellamy, E. Dutton. Vol. 1. Leiden University, 2014. Pp. 133–155.

Podobryaev A. On preposition stranding in alternative questions. Talk at NELS 48. 2017. URL: http://iceland2017.nelsconference.org/wp-content/uploads/2017/09/Podobryaev.pdf (accessed: 24.06.2018)

Yadroff M. Formal properties of functional categories: The minimalist syntax of Russian nominal and prepositional expressions. PhD thesis. Indiana University, 1999.

Zwarts J. Lexical and Functional Properties of Prepositions // Lexikalische und grammatische Eigenschaften präpositionaler Elemente / ed. by D. Haumann, S. J. Schierholz. Tübingen: Niemeyer, 1997. Pp. 1–18.

Резюме

Статья посвящена диахроническому изменению синтаксических свойств предлогов в русском языке. Предметом исследования выступают короткие (нуль- и односложные) предлоги. В то время как грамматикализационные процессы для предлогов широко известны, явления противоположной направленности обычно не обсуждаются; мы показываем, что в истории русского языка последних веков такие явления имели место. Пользуясь данными Национального корпуса русского языка, мы исследовали несколько типов диагностических контекстов: случаи, когда предлоги сочиняются союзом, и случаи, когда предлог отделён от своей именной группы вводными словом или частицей *только*. Во всех этих случаях доля употреблений коротких предлогов среди всех употреблений предлогов в данной конфигурации в более поздний период выше, чем в более ранний. Мы показываем, что этот эффект не может быть сведён к изменению частот предлогов в корпусе в целом, и делаем вывод, что линейно-синтагматическая самостоятельность русских предлогов со временем перестаёт быть жёстко привязана к их просодическому весу, хотя (по данным других исследователей) продолжает коррелировать с ним. Короткие предлоги в некоторых отношениях начинают вести себя как самостоятельные узлы синтаксической структуры предложения.

Ключевые слова: русский язык, предлоги, линейно-синтагматический континуум, деграмматикализация, НКРЯ

DIACHRONIC CHANGES IN THE SYNTAGMATIC FREEDOM OF SHORT PREPOSITIONS IN RUSSIAN

Daniel B. Tiskin
senior lecturer, Saint Petersburg State University
daniel.tiskin@gmail.com

Summary

The paper deals with the syntactic properties of prepositions in Russian, especially short, i.e. non-syllabic and monosyllabic ones. While it is well-known that prepositions are quite often products of grammaticalization, the opposite type of process is rarely (if at all) discussed. I show that it has taken place in the recent history of Russian. Using the data from the Russian National Corpus, I study several types of diagnostic contexts, in particular those where prepositions are coordinated and those where a preposition is separated from its complement NP by a discourse word or the focus particle *tol'ko* 'only'. In all those cases the same tendency obtains: the proportion of short prepositions in newer texts is higher than in older ones. This effect can be shown not to be reducible to a change in overall frequencies of prepositions in the corpus. Therefore, the conclusion is that the syntagmatic freedom of Russian prepositions has been turning into a property less dependent on their prosodic weight than before, although (as others have shown) the two parameters still correlate. In some respects, short prepositions are nowadays in principle as independent syntagmatically as any typical syntactic head.

Keywords: Russian, prepositions, syntagmatic freedom, degrammaticalisation, Russian National Corpus

References

Goncharov J. P-Doubling in Split PPs and Information Structure // Linguistic Inquiry. Vol. 46, no. 4. 2015. Pp. 731–742.

Haspelmath M. Coordination // Language typology and syntactic description / ed. by T. Shopen. Cambridge University Press, 2007. Pp. 1–51.

Hopper P. J., Traugott E. C. Grammaticalization. Cambridge University Press, 2003. 276 pp.

Ionova A. A. Effekt zavisaniya predloga pri slusinge v russkom yazyke [Preposition stranding under sluicing in Russian]. Talk at the conference "Typology of Morphosyntactic Parameters". 2016. URL: http://ossetic-studies.org/tmp2016/files/6214/7353/8896/tmp-16-ionova.pdf (accessed: 24.06.2018).

Norde M. Degrammaticalization. Oxford University Press, 2009. xviii + 256 pp.

Ovsyannikova M. A. Pervoobraznyye predlogi russkogo yazyka v svete teorii grammatikalizatsii [Underived prepositions in Russian in the light of the theory of grammaticalisation]. BA thesis. Saint Petersburg State University. 2009.

Pereltsvaig A. Split phrases in colloquial Russian // Studia Linguistica. Vol. 62, no. 1. 2008. Pp. 5–38.

Philippova T. P-omission under sluicing, [P clitic] and the nature of P-stranding // Proceedings of ConSOLE XXII / ed. by M. Kohlberger, K. Bellamy, E. Dutton. Vol. 1. Leiden University, 2014. Pp. 133–155.

Plungian V. A. Obshchaya morfologiya. Vvedeniye v problematiku [General morphology: An introduction]. Moscow: Editorial URSS. 2000. 282 pp.

Podobryaev A. On preposition stranding in alternative questions. Talk at NELS 48. 2017. URL: http://iceland2017.nelsconference.org/wp-content/uploads/2017/09/Podobryaev.pdf (accessed: 24.06.2018)

Shvedova N. Yu. (ed.). Russkaya grammatika. Fonetika, fonologiya, udareniye, intonatsiya, slovoobrazovaniye, morfologiya [Russian grammar: phonetics, phonology, stress, intonation, derivation, morphology]. Moscow: Nauka, 1980. 783 pp.

Tiskin D. B. Dublirovaniye vershiny pri sochinennom komplemente: dannyye russkogo yazyka [Head doubling under complement coordination: Evidence from Russian] // Typology of Morphosyntactic Parameters. Issue 4 / ed. by A. V. Zimmerling, E. A. Lyutikova. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2017. Pp. 20–33.

Tiskin D. B. Adverbialnaya modifikatsiya predlozhnykh grupp v russkom yazyke [Adverbial modification of preposition phrases in Russian]. MA thesis. Saint Petersburg State University. 2018.

Yadroff M. Formal properties of functional categories: The minimalist syntax of Russian nominal and prepositional expressions. PhD thesis. Indiana University, 1999.

Zaliznyak A. A. Novgorodskiye berestyanyye gramoty s lingvisticheskoy tochki zreniya [Novgorod birchbark letters from a linguistic point of view] // Novgorodskiye gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.) [Novgorod birchbark letters (excavations of 1977–1983)]. Moscow: Nauka. 1986. Pp. 89–219.

Zwarts J. Lexical and Functional Properties of Prepositions // Lexikalische und grammatische Eigenschaften präpositionaler Elemente / ed. by D. Haumann, S. J. Schierholz. Tübingen: Niemeyer, 1997. Pp. 1–18.

МОДЕЛЬ ‘БИТЬ, УДАРЯТЬ’ → ‘ЛИШАТЬ РАССУДКА’ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Турилова Мария Валерьевна
Независимый исследователь, Калуга
mariaturilova@mail.ru

Введение

Среди множества мотивационных моделей (более 60-ти) лексико-семантического поля «Безумие» в славянских языках выделяется около десятка семантических переходов, в основе которых лежат представления о помешательстве в результате враждебного воздействия на человека. Некоторые модели связывают сумасшествие с физическим воздействием в прямом (побои, тряска, физическая травма) и переносном (сильные эмоции в результате чего-то неожиданного, лишающего способности здраво рассуждать) смыслах. Глаголами со значением ‘бить, ударять’ описываются эпилепсия, кликушество и другие неврологические заболевания, воздействие нечистой силы, одержимость. Об актуальности этих представлений свидетельствуют новообразования и случаи ремотивации слов, которые этимологически относятся к другим моделям.

Использованы методы этимологической и семантико-мотивационной реконструкции, семантических параллелей. Гнезда и модели исследовались ранее в работах [Амелина 2008], [Варбот 2012], [Виноградов 1994], [Журавлев 2006], [Куркина 1983], [Леонтьева 2007], [Меркулова 1975, 1989], [Славянские древности], [Толстая 2008], [Турилова 2010, 2017], [Buck 1949], [Molnár1985], [Orel 2007], [Pokorny 1959] и др. В данной статье представлены комментарии к этимологиям некоторых лексем, которые означают помешательство и связаны с семантикой ‘ударить’.

Модель‘ударить’ → ‘лишить рассудка’

Приведем несколько «прозрачных» примеров. Этимологическое гнездо ****šibati (sę)*** представлено др.-русск. ц.-слав. *расшибеныи* ‘пораженный громом; перен. обезумевший’ (1096 г.) [СлРЯ XI–XVII вв. 22: 111], др.-русск. *шибеныи* ‘безумный’, *шибеникъ* ‘то же’ [Срезн. 3–2: 1592], *пошибение* ‘помешательство’ [СДЯ 7: 415], ст.-русск. *пошибленныи* ‘безумный, лишенный рассудка’ от *шибити, пошибити* ‘ударить’ [СлРЯ XI–XVII вв. 18: 84],

ст.-русск. *расши́бленныи* ‘то же’ от *расшибити* ‘ударом убить или причинить тяжелое телесное повреждение’ [СлРЯ XI–XVII вв. 22: 11], русск. прост. *приши́бленный* разг. ‘странный, придурковатый человек’ [БТС: 996], русск. диал. *нашиба́тького* безл. симб. ‘находить, нападать временно, о болезни, припадке, помешательстве’ [ЭССЯ 23: 123–124].

Внутренняя форма прозрачна. Значение ‘ударить’ является также производящим для других значений, на основе которых или параллельно с которыми в гнездах поля развивается семантика помешательства: ‘сломаться’ (влад. *посшиба́ться* ‘сойти с ума’ [СРНГ 30: 254] при ряз. *посшиба́ться* ‘сломаться’, семантический переход ‘сломаться’ → ‘лишиться рассудка’), ‘сбивать с толку, обманывать’ (тул., калуж. *ошиба́ть* ‘сбивать с толку, путать’, пск. ‘обмануть’, новг. *обшиба́ть* ‘то же’), ‘поразить, ошеломить, удивить’ (рост., яросл. *ошиба́ть*), ‘одолевать, овладевать (о мыслях, чувствах человека)’ (волог. *ошиба́ть*), ‘приводить в уныние, угнетать’ (север. *обшиба́ть* при первичном ‘повредить ударом, ушибить’) [ЭССЯ 30: 132], ‘насиловать’ (др.-русск. новг. *пошибание* (1189 г.) ‘изнасилование’).

Совр. русск. груб. *тра́хнутый* в отдельном употреблении и в словосочетаниях в некоторых контекстах означает ‘сумасшедший’. Оно производно от *тра́хнуть* ‘ударить’ («Те ему: кто же едет к чернооким дивчинам со своим самоваром – ну бери, если *пыльным мешком трахнутый*», А. Найман, «Пропущенная глава», журнал «Октябрь», 2001) и груб. ‘совершить половой акт’ («Твой *трахнутый ум* тебе говорит, что присутствие благодетеля Гаргантюа ставит под сомнение твои собственные возможности творить в искусстве», В. Аксенов, «Новый сладостный стиль», 2005).

Менее очевиден следующий пример. Русск. смол., пск. диал. *отлуми́ть* ‘лишить возможности ясно мыслить; запутывать, сбивать с толку, одурачивать’, смол. ‘доводить криком до головокружения’, смол. *отлуми́ться* ‘лишиться возможности ясно соображать, приходить в замешательство’ [ЭССЯ 30: 226] входят в поле «Безумие». Внутренняя форма русск. диал. *отлуми́ть* неясна. Смоленские говоры позволяют предположить, что ‘одурить, одурманить’ производно от ‘оглушить’.

Однако вместе с блр. *отлумі́ць* ‘одурить, одурманить’ они признаются полонизмами (польск. *tłumić* ‘подавлять, сдерживать; гасить, тушить; заглушать, глушить, душить; ‘усмирять’, *tłum*

‘толпа’ [ПС: 554]) и отнесены к гнезду ***tъlm-** [ЭССЯ 30: 226]. Семантика слав. **tъlm-* / **tolm-* / **telm-* развивается на основе первичного ‘бить(ся); давить(ся), толпить(ся)’ [Куркина 1983: 25].

Существуют исконно русские лексемы с тем же праславянским корнем: волог., пенз., вят., сиб. *толми́ть, тольми́ть* ‘твердить, долбить’, ‘упорствовать’ [Фасмер 4: 72], пск. *су́толомня* ‘толкотня, давка, бестолочь’ [Фасмер 3: 811], смол. *талмата́* ‘шум, суетня’ [Фасмер 4: 15]. Таким образом, корень *толм-* / *толом-* сохраняет в русском языке значение ‘бить, ударять’.

В пользу отчетливости значения ‘бить, ударять’ в семантике корня *толм-* / *толом-*, вероятно, говорит следующее. Русск. диал. *толми́ть, тольми́ть* В. Даль включает в словарную статью *толма́чить* пенз. ‘толковать, объяснять, рассказывать подробно, внушать, заставить понять’, ‘твердить, затверживать наизусть, долбить, зубрить, учить на память’, сиб., волог., вят. ‘понимать, взять в толк’, ‘переводить с одного языка на другой’ и отмечает для *толми́ть* значение ‘толковать’ [Даль 4: 412]. Русск. *толма́ч* ‘переводчик’ и его славянские соответствия признаются древними тюркизмами [Фасмер 4: 72]. Вероятно, Даль отражает народную этимологию русск. *толма́ч* как производного от *толми́ть* с помощью суффикса *-ач-* со значением лица по действию (ср. *рвач, ткач* и др.) и, возможно, влияние на слова с корнем **tъlm-* / **tolm-* лексики с корнем *толк-*: и *толк-* ‘смысл’ (др.-русск. *тлъкъ* ‘толкование; толмач, переводчик’), и *толк-* в русск. *толка́ть*, русск. влад., вост.-русск., тул. *су́толока* ‘суета, давка’. Это передает восприятие переводчика как истолкователя, человека, объясняющего переводимое. Лексика гнезда **tъlm-*/**tolm-*/**telm-* может дать дополнительный материал для уточнения этимологии рус. *толма́ч* и родственных лексем.

Таким образом, русск. смол., пск. диал. *отлуми́ть*, смол. *отлуми́ться*, блр. *отлумі́ць* производны от заимствованного польск. *tłumić* ‘подавлять, сдерживать; гасить, тушить; заглушать, глушить, душить; усмирять’ (гнездо **tъlm-* /**tolm-* /**telm-*), семантика которого развивается на основе первичного ‘бить, давить’.

Ремотивация по модели ‘ударить’ → ‘лишить рассудка’

Некоторые слова этимологически соответствуют другим моделям, но затем их внутренняя форма переосмысляется по названной модели или они развивают значение ‘ударить’.

В восточнославянских языках слово *глузд* с первичным значением ‘мозг, мозги’ входит в словосочетания со значением помешательства, соответствующие модели ‘ударить, отшибить мозги’ → ‘свести с ума’: южн. смол. *отби́ть глу́зд* ‘лишить рассудка, памяти’, *глузды́ отши́бло* ‘память отшибло’, *глузды́ отби́ть* (*бить*, *оббить*, *пробить*) ‘лишить сообразительности, памяти’, ‘сбивать с толку’ [ССГ 3: 32], укр. *глуздо́ві́дби́ть* ‘лишить рассудка’ [ЕСУМ 1: 528]. Некоторые его дериваты, также обозначающие сумасшествие, судя по словообразовательной модели, переходят в модель ‘истратить (ум)’ (южн. *проглуздéть*, *проглуздúть*). Внутренняя форма других не позволяет определить тип мотивации, но словарное толкование становится основанием для реконструкции модели ‘ударить, отшибить мозги’ → ‘свести с ума’: укр. *заглуздува́ти* ‘отбить кому-л. *глу́зди*, сделать тупоумным’.

В толковании зап.-брян. *оглуми́ть* ‘сильным ударом по голове лишить сознания, рассудка’ также отражается вторичная интерпретация внутренней формы слова по активной модели, первично значение ‘лишить способности соображать (шумом, криком, длительным разговором)’ [СРНГ 22: 320; ЭССЯ 6: 148].

Семантика помешательства представлена в гнезде **šalъ(jь)* праслав. **šalěti* (русск. *шале́ть*‘ беситься, сходить с ума’, блр. *шалець* ‘тоже’, польск. *szaleć* ‘тоже’), **šaliti* (укр. *шалíти* ‘сходить с ума’, чеш. *šíliti* ‘тоже’, польск. *szalić* ‘бесить’ при блр. *шаліць* ‘шалить’, чеш. *šáliti* ‘обманывать’), **šalěnъ(jь)* (др.-русск. ц.-слав. *шаленъ* ‘furens’, укр. *шалений* ‘сумасшедший’, польск. *szalony* ‘тоже’), ср. также чеш. *šalba* ‘обман, помрачение’, польск. *szaleniec* ‘безумец, сумасброд’, *szaleństwo* ‘безумие, бешенство’) [Фасмер 4: 399].

Продолжение исходной лексемы гнезда, праслав. **šalъ(jь)*, только в русском языке обозначает потерю рассудка: русск. *ша́лый*, субст. *шаль* ‘шалость, резвость, бешенство’. Балтийские соответствия (лит. *pašėlėlis* ‘безумный’) и дериваты прил. **šalъ(jь)* со значениями ‘сходить с ума’ и ‘сумасшедший’ в западно- и восточнославянских, церковнославянском языке древнерусского извода позволяют предположить, что семантика потери рассудка в гнезде развивается в праславянском языке начиная с **šalъ(jь)*.

Спектр значений ее дериватов заставляет думать, что для **šalъ(jь)* первичной является семантика ‘буйный, бесноватый,

бешеный’. Праслав. **šal-* < **xēl-* (**hēl-*) родственно **xōl-* (**hol-*) ‘скоблить, драть’. От некоторых славянских глаголов с таким значением образуются обозначения слабого, больного, негодного животного и человека. Таковы укр. *гулáвий* ‘сумасшедший’ [ЭССЯ 22: 66–67; Журавлев 2006: 141] от праслав. **guliti* ‘драть, бить’ [ЭССЯ 7: 172] при серб., хорв. *гу̏ља* ‘овца с голой шеей, плохая овца’, словен. *gúlja* ‘кляча’ из ‘ободранный’, яросл. *óдрана* ‘истощенная лошадь’, *óдрáнь* вят., олон., север., яросл., твер., сарат., урал., влад. ‘то же’, *óдрань* вят., арх., пенз. ‘(старая) истощенная, изнуренная скотина’, *одрáнь* арх. ‘падаль’, *óдрань* арх. ‘«ободранный» (изнуренный, оборванный?) человек’, ‘неисправимый лентяй’, бранное слово для скотины, человека [СРНГ 23: 63] от *драть* ‘драть, обдирать’ (также ‘бить’). Возможно, к модели ‘ободранный’ → ‘негодный’ относится и **šalъ(jь)*, но с решающей семой ‘буйный, бешеный’, а не ‘слабый, изнуренный’.

Вероятно, вторична мотивация ‘битый’ → ‘бешеный’ (*шáлыми* называют лошадей, которые понесли, скачут неконтролируемо и не слушаются всадника, что может связываться со значением ‘бить, стегать’) и ‘избалованный’ → ‘наглый, бешеный’ (праслав. **šal-* < **xēl-* (**hēl-*) родственно **xōl-* (**hōl-*) ‘скоблить, драть’ (*нахáл, охáльник* кашинск. ‘сквернослов’, *подхалúм* ‘льстец’, болг. *охален* ‘распущенный человек’), **xol-* (**hol-*) (праслав. **xoliti* (**holiti*), русск. *хóлить* ‘чистить, скоблить; перен. заботиться’, чеш. *chláchol* ‘лесть’, *chlácholiti* ‘успокаивать’) [Фасмер 3: 50, 175, 301; Фасмер 4: 399]; семантическое развитие реконструируется как ‘скрести, скоблить, чистить, гладить’ → ‘заботиться’ (далее ‘баловать’ → ‘наглый’) и ‘успокаивать’).

Праслав. **obšalomǫtiti (sę)*, **obšalomǫtěti* означают ‘временно лишить(ся) рассудка’: серб., хорв. диал. *ошаламýти* ‘лишить чувств, ошеломить’, блр. диал. *ашаламуцець* ‘изумиться, одуреть от толпы, от детского крика’, сев.-зап. *ашаламýцiцца* ‘одуреть, сбиться с толку’ при русск. орл. *ошеломýтить* ‘сильно ударить по голове, по затылку’. По одной из версий, это экспрессивное сложение **šalo-* и **mǫt-* [ЭССЯ 30: 128–129]. Лексемы с этими корнями в поле «Безумие» представляют семантические переходы ‘буйный’ и ‘темнеть’. Для сложения можно предположить экспрессивное преобразование или влияние **obšelmiti* < **biti ob šelmъ* ‘бить обухом топора’ с семантикой помешательства в вост.-слав. языках (русск. *ошеломúть* ‘крайне поразить, изумить, озадачить’, диал. *ошеломúть* ‘привести в беспамятство’,

солигал., костр. *ошело́мить* безл. ‘стало плохо, дурно (от угара, тяжелого воздуха, вина)’ при тул. ‘сильно ударить по голове’, блр. *ошеломі́ць*, *ошеломля́ць* ‘омрачать, приводить в беспамятство, особенно ударом в голову’) [там же: 130].

Выводы

Предложены комментарии к этимологиям слов укр. *заглуздува́ти*, русск. диал. *оглуми́ть*, праслав. **šalъ(jь)*, **obšalomǫtiti (sę)*, русск. диал. *отлуми́ть*, означающих помешательство. Первые четыре слова, вероятно, получили вторичную мотивацию по модели ‘бить, ударять’ → ‘лишать рассудка’, а последнее является заимствованием слова, которое соответствует названной модели в языке-основе.

Принятые сокращения

арх. – архангельские говоры (рус.)
безл. – безличное
блр. – белорусский язык
болг. – болгарский язык
влад. – владимирские говоры (рус.)
волог. – вологодские говоры (рус.)
вост.-русск. – восточнорусские говоры
вост.-слав. – восточнославянские языки
вят. – вятские говоры (рус.)
груб. – грубое
диал. – диалектное
др.-русск. – древнерусский язык
зап.-брян. – западнобрянские говоры (рус.)
калуж. – калужские говоры (рус.)
кашинск. – кашинские говоры (рус.)
костр. – костромские говоры (рус.)
лит. – литературный язык
новг. – новгородские говоры (рус.)
олон. – олонецкие говоры (рус.)
орл. – орловские говоры (рус.)
пенз. – пензенские говоры (рус.)
перен. – переносное значение
польск. – польский язык
пск. – псковские говоры (рус.)
разг. – разговорное
рост. – ростовские говоры (рус.)
русск. – русский язык
ряз. – рязанские говоры (рус.)
сарат. – саратовские говоры (рус.)
север. – северные говоры (рус.)
сев.-зап. – северо-западные говоры
серб. – сербский язык
сиб. – сибирские говоры (рус.)
симб. – симбирские говоры (рус.)
словен. – словенский язык
смол. – смоленские говоры (рус.)
солигал. – солигаличские говоры (рус.)
ст.-русск. – старорусский язык
субст. – субстантивированный
твер. – тверские говоры (рус.)
тул. – тульские говоры (рус.)
укр. – украинский язык
урал. – уральские говоры (рус.)
хорв. – хорватский язык
ц.-слав. – церковнославянский язык
чеш. – чешские говоры

праслав. – праславянский язык
прил. – прилагательное
прост. – просторечное
южн. – южные говоры
яросл. – ярославские говоры (рус.)

Литература

Амелина М. К. Генетическая характеристика слов лексико-семантического поля «Колдовство». Дипломная работа. Науч. рук. – Ж. Ж. Варбот. МГУ, 2008.

Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2012.

Виноградов В. В. История слов. М., 1994.

Етимологічний словник української мови / Под ред. Я. Б. Рудницкого. Вінніпег 1962–1972. Т. I–.

Журавлев А. Ф. Заметки на полях «Этимологического словаря славянских языков». II // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М.: «Индрик», 2006. С. 140–147.

Куркина Л. В. Славянские этимологии // Этимология 1983. М.: «Наука», 1985. С. 20–30.

Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург, 2007.

Меркулова В. А. К истории становления народной медицинской терминологии // Slawisches Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes. Leipzig, 11–13. 10. 1972. Bautzen, [1975]. С. 132–143.

Меркулова В. А. Народные названия болезней (на материале русского языка). IV // Этимология 1986–1987. М.: «Наука», 1989. С. 7–13.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5-ти тт. Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: «Индрик», 2008.

Турилова М. В. Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке. Дисс. … канд. филол. наук. М., 2010.

Турилова М. В. Русская диалектная лексика в лексико-семантическом поле «безумие» // Русский язык в научном освещении. № 2 (34). М., 2017. С. 153–179.

Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. London, 1949.

Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. Budapest, 1985.

Orel V. Russian Etymological Dictionary. Octavia and Co Press, 2007. Bb. 1, 2.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

Источники

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Воспроизв. 2-го изд.: СПб.; М., 1880–1882. Т. I–IV.

Новый польско-русский словарь / Р. Стыпула, Г. В. Ковалева. М.: «Рус. яз. Медиа», 2004.

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–. / Гл. ред. Р. И. Аванесов (т. I–V), И. С. Улуханов (т. VI), В. Б. Крысько (т. VII–VIII–). М., 1988–.

Словарь русских народных говоров / Вып. 1–49–. / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–41), С. А. Мызников (вып. 42–46–). Л., 1966–2016–.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.

Словарь смоленских говоров. Под ред. доц. А. И. Ивановой. Т. 1–6. Смоленск, 1974.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. М., 1958. Репринт издания 1895 г.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I – IV. М., 2003.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. О. Н. Трубачева (1–31), А. Ф. Журавлева (31–40), Ж. Ж. Варбот (40–41). М.: «Наука», 1974–2017–. Т. 1–41–.

Резюме

В статье представлены комментарии к этимологиям укр. *заглуздува́ти*, русск. диал. *оглуми́ть*, праслав. **šalъ(jь)*, **obšalomǫtiti (sę)*, русск. диал. *отлуми́ть*, означающих помешательство. Использованы результаты исследования генетической и мотивационной структуры лексико-семантического поля «Безумие» на материале славянских языков. Первые четыре слова, вероятно, получили вторичную мотивацию по модели ‘бить, ударять’ → ‘лишать рассудка’, а последнее является заимствованием слова, которое в языке-основе соответствует названной модели.

Ключевые слова: этимология, мотивационная модель, лексико-семантическое поле «Безумие»

THE MODEL ‘TO BEAT, TO STRIKE’ → ‘TO MADDEN’ IN THE SLAVIC LANGUAGES

Maria V.Turilova
Independent researcher, Kaluga
mariaturilova@mail.ru

Summary

The article comments upon etymologies of Ukr. *zagluzduváti*, Rus. dial. *oglumít’*, Proto-Slavic **šalъ(jь)*, **obšalomǫtiti (sę)*, Rus. dial. *otlumít’* indicating madness. The results of analysis of etymological and motivational structure of the lexical semantic field *Madness* in Slavic languages are used. First four words seem to be reinterpreted according to the motivational model ‘to beat, hit’ → ‘to madden’, and the last one is a loanword relevant to the above-mentioned model in the source language.

Keywords: etymology, motivational model, lexical semantic field of *Madness*

References

Amelina M. K. Genetic characteristics of the words of the lexical semantic field *Witchcraft*. Graduate diploma. Research advisor – Zh. Zh. Varbot. MSU, 2008.

Bol'shoy tolkovyi slovar' russkogo yazyka [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. in chief S. A. Kuznetsov. SPb., «Norint» Publ., 1998.

Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. London, 1949.

Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. I–IV, St.-Petersburg; Moscow, 1880–1882.

Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov [Etymological Dictionary of Slavic Languages]. Eds. O. N. Trubachyev (Iss. 1–31), A. F. Zhuravlyev (Iss. 32–40), Zh. Zh. Varbot (Iss. 40–41). Iss. 1–41–. Moscow, «Nauka» Publ., 1974–2017–.

Etimologichnyy slovnik ukrajns'koy movy [Etymological Dictionary of the Ukrainian language] / Ed. in chief Y. B. Rudnitskiy. Vinnipeg, 1962–1972. Vol. I–.

Fasmer M. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language] / Ed. in chief, transl. and comm. O. N. Trubachyev. Moscow, 2003. Moscow, 1964–1973, reprint of the 1st Russian edition. Vol. I–IV.

Kurkina L. V. Slavyanskiye etimologii [Slavic Etymologies] // Etymology 1983. M., «Nauka» Publ., 1985. Pp. 20–30.

Leont'yeva T. V. Intellekt cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira [The Human Intellect in the Russian Linguistic Picture of the World]. Ekaterinburg, 2007.

Merkulova V. A. K istorii stanovleniya narodnoy meditsinskoy terminologii [To the History of the Folk Medical Terminology Formation] // Slawisches

Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes. Leipzig, 11–13. 10. 1972. Bautzen, Domovina – Verlag [1975]. Pp. 132–143.

Merkulova V. A. Narodnyye nazvaniya bolezney (na materiale russkogo yazyka). IV [The Folk Names of Diseases (based on the Russian language material). IV] // Etymology 1986–1987. Moscow, «Nauka» Publ., 1989. Pp. 7–13.

Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. Budapest, 1985.

Orel V. Russian Etymological Dictionary. Octavia and Co Press, 2007. Bb. 1, 2.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5 tomakh [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary in 5 volumes]. Ed. in chief N. I. Tolstoy. Moscow, «Mezhdunarodnyye Otnosheniya» Publ., 1995–2012.

Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. [Dictionary of the Old Russian language of XI–XIV cent.] / Eds. in chief R. I. Avanesov (vol. I–V), I. S. Ulukhanov (vol. VI), V. B. Krys'ko (vol. VII–VIII). Moscow, 1988–. Vol. I–.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Eds. in chief F. P. Filin (Iss. 1–23), F. P. Sorokoletov (Iss. 24–45), S. A. Myznikov (Iss. 46–50–). Leningrad–S.-Petersburg, «Nauka» Publ., 1966–2018–. Iss. 1–50–.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII v. [Dictionary of the Russian language of XI–XVII cent.]. Moscow, 1975. Iss. 1–.

Slovar' smolenskikh govorov [Dictionary of Smolensk Dialects]. Ed. in chief doc. A. I. Ivanova. Smolensk, 1974. 1–6.

Sreznevskiy I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. Vol. I–III. Moscow, 1958. Reprinted version of the 2-nd Ed. (St.-Petersburg, Publ. of the Department of the Russian language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1880–1882).

Stypula R., Kovaleva G. V. Novyy pol'sko-russkiy slovar' [New Polish-Russian Dictionary]. Moscow, «The Russian Language. Media», 2004.

Tolstaya S. M. Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoy perspektive [The Space of Meaning. Lexical Semantics in the Common Slavic Perspective]. Moscow, «Indrik» Publ., 2008.

Turilova M. V. Geneticheskaya i motivatsionnaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya *Bezumiye* v russkom yazyke [Genetic and Motivational Characteristics of the Lexical Semantic Field of *Madness* in the Russian Language]. The thesis on competition of a scientific degree of the Candidate of Philological Sciences. M., 2010.

Turilova M. V. Russkaya dialektnaya leksika v leksiko-semanticheskom pole «bezumiye» [Russian Dialectal Lexemes of the Semantic Field of *Madness*] // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii [Russian Language and Linguistic Theory]. № 2 (34). Moscow, 2017. С. 153–179.

Varbot Zh. Zh. Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii [Research in the Field of Russian and Slavic Etymology]. Moscow; Saint Petersburg, «Nestor-Istoriya» Publ., 2012.

Vinogradov V. V. Istoriya slov [History of Words]. Moscow, 1994.

Zhuravlyev A. F. Zametki na polyakh «Etimologicheskogo slovarya slavyanskikh yazykov. II [Notes in the Margin of Etymological Dictionary of Slavic Languages. II] // Ad Fontes Verborum. Issledovaniya po etimilogii i istoricheskoy semantike. K 70-letiyu Zhanny Zhanovny Varbot. Moscow, «Indrik» Publ., 2006.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОМИТАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Хомченкова Ирина Андреевна
студент, МГУ им. М. В. Ломоносова
младший научный сотрудник, Институт русского языка РАН

1. Введение

Данная работа посвящена анализу элементов с комитативным значением в восточных говорах горномарийского языка. Горномарийский язык вместе с лугово-восточным марийским языком образуют марийскую подгруппу финно-пермских языков [Salminen 2002]. Согласно переписи населения 2010 г., носителей горномарийского языка насчитывается 23 тыс. чел. Мы работали с восточными говорами горномарийского языка – в первую очередь с говором села Кузнецово, а также с говорами находящихся рядом деревень (Тюманово, Апшак-Пеляк, Паулкино, Кукшилиды).

Цель данной работы состоит в том, чтобы описать дистрибуцию каждой из рассматриваемых единиц и изучить различия между ними. Мы рассматриваем следующие единицы: инструментальный послелог *dono*, апудэссивный послелог *saga*, а также маркер *-ge*, который в традиционных грамматиках считается показателем совместного падежа [Саваткова 2002: 93, 100–101].

В качестве материала мы использовали как данные, полученные посредством опроса носителей горномарийского языка в экспедициях ОТиПЛ МГУ в Респ. Марий Эл в 2016-2017 гг., так и горномарийский корпус (на данный момент около 34 тыс. словоупотреблений), собранный коллективом экспедиций.

Структура данной работы устроена следующим образом: в **части 2** подробно рассматриваются исследуемые нами единицы, а **часть 3** посвящена их сравнению в рамках основных подходов к комитативным конструкциям (далее КК). **Часть 4** суммирует основные выводы.

2. Инвентарь

2.1. Послелог *saga* ‘около’

Согласно словарю [Саваткова 2008: 238], лексема *saga* означает следующее:

[1] Исследование поддержано грантом РФФИ № 16-06-00536а.

1) (нареч.) рядом, около, возле;

2) в знач. послелога передается предлогами *около, возле* (кого-чего-л.)

Таким образом, основная функция *saga* заключается в выражении апудэссивных значений (локализации объекта около ориентира):

(1) ***šipkä*** ***saga*** *pl'et-ämä* [корпус]
люлька около плести-PTCP.PASS
sündäk
сундук
‘**Рядом с люлькой** плетеный сундук <…>’.

Данный послелог может употребляться и в комитативных конструкциях:

(2) *pajgusâvâ-š* *kü* *saga* *kašt-ân-at?* [корпус]
П.-ILL кто около ходить-PRET-2SG
‘В Пайгусово с кем ездил?’

Такое совмещение функций типологически распространено: согласно [Архипов 2009: 252], «общие локативные маркеры и более специализированные показатели локализации ‘около’ (апудэссив) являются важным источником грамматикализации комитативных показателей».

Также *saga* употребляется в комитативных конструкциях каузации перемещения типа «взять с собой». Данные конструкции стоит отличать от конструкций, в которых предложная группа с предлогом *с* входит в модель управления предикатов, как, например, в предложении *Вася разговаривает с собой*. Например, в горномарийском языке в аналогичных конструкциях употребляется послелог *dono*, поскольку предикат *šajâštaš* ‘разговаривать’ имеет такую модель управления:

(3) *pet'a* *ške* *don-žâ* / **saga-žâ*
П. REFL с-POSS.3SG около-POSS.3SG
šajâšt-eš
разговаривать-NPST.3SG
‘Петя разговаривает сам с собой’.

В то время как в русском языке в обеих конструкциях, о которых мы сказали выше, употребляется группа *с собой*, в горномарийском языке в конструкциях каузации перемещения всегда употребляется послелог *saga*:

(4) *kačkâš-âm* ***saga-štə̑*** *näl-ät* [корпус]
еда-ACC около-POSS.3PL брать-NPST.3PL
‘Еду **с собой** берут’.

(5) *ät’ä-m* *moskva-š* *ke-mə-žə̑*
отец-POSS.1SG М.-ILL идти-NMLZ-POSS.3SG
god-âm ***saga-žə̑*** *kat’a-m* *näl-än*
время-ACC около-POSS.3SG К.-ACC брать-PRET
‘Папа поехал в Москву и взял Катю с собой’.

Одно из формальных различий данных конструкций и собственно комитативных конструкций заключается в том, что в последних к *saga* невозможно присоединить посессивный показатель третьего лица (6), в отличие от конструкций каузации перемещения (5).

(6) *ät’ä-m* *moskva-š* *tədə-**n***
отец-POSS.1SG М.-ILL он-GEN
saga(*-*žə̑*) *ke-n*
около-POSS.3SG идти-PRET
‘Папа поехал в Москву с ним’.

2.2. Послелог *dono* ‘с’

К основным функциям *dono* относится выражение комитативно-инструментальных значений. В примере (7) приведен пример инструментального употребления: *dono* маркирует объект (‘коса’), который использует агенс (местоимение 3PL, не выраженное эксплицитно) с целью изменить состояние пациенса (‘трава’).

(7) *šudə̑* *kušk-ân* *šo-n*, [корпус]
трава расти-CVB достигать-PRET
sä *don* *sal-en* *šu-en-ät*
коса с косить-CVB бросить-PRET-3PL
‘Трава выросла, косой ее скосили’.

Показатели инструменталиса редко покрывают только собственно инструментальное значение. Обычно они полисемичны и употребляются и в других, смежных значениях. Например, согласно [Stolz et al. 2006], существуют следующие типы полисемии:

- полисемия с некоторыми синтаксическими функциями (например, агенс в пассиве);

- полисемия с нелокативными семантическими функциями (например, комитатив, причина, способ действия, материал);
- полисемия с локативными функциями (например, место, направление).

Послелог *dono* полисемичен: он маркирует агенса в пассиве (8), а также комитатив, способ действия, материал и ряд других функций, которые будут обсуждаться в части 3.

(8) *pičə* *âl-ân* *kras-âmâ*
забор быть-PRET красить-PTCP.PASS
əzä-m ***dono***
ст.брат-POSS.1SG с
‘Забор был покрашен **моим старшим братом**’.

Из примера (7) мы видим, что в слове *dono* может опускаться последняя гласная. Интересно, что в горномарийском также существует отдельная единица *don*, которая относится к сочинительным соединительным союзам [Саваткова 2002: 256] и развилась из послелога *dono* [Галкин 1964: 178–179; Майтинская 1982: 99].

Такое развитие типологически предсказуемо. Например, в [Stassen 2000] утверждается, что комитативные конструкции имеют тенденцию грамматикализоваться в сочинительные. В [Mithun 1988] и [Heine, Kuteva 2002] также отмечается, что эволюция комитативных маркеров в сочинительные достаточно распространена.

Единицы *don* и *dono* взаимозаменимы в устной речи, однако, согласно суждениям образованных информантов, именно *don* образует сочинительную конструкцию, а *dono* – подчинительную. Сочинительная конструкция имеет вид [X *don* Y], а комитативная – X [Y *dono*]. В отличие от сочинительной, в комитативной конструкции центральная ИГ и комитативная группа не образуют единую составляющую, а согласование предиката может быть и множественное, и единственное:

(9) а) ***maša*** *šärgä-škä* [***pet’a*** ***dono***] *ke-n(-ät)*
М. лес-ILL П. с идти-PRET
б) [***maša*** ***don*** ***pet’a***] *šärgä-škä* *ke-n*(-**ät**)*
М. и П. лес-ILL идти-PRET-3PL
‘**Маша с Петей** пошл**и** в лес’.

Стоит отметить, что в горномарийском языке связь между союзом *don* и послелогом *dono* остается довольно тесной. К тому же союз *don* существенно отличается от союза *dä*, заимствованного из русского языка [Галкин 1964: 177, Майтинская 1982: 103]: *dä* может соединять три конъюнкта и местоименные конъюнкты, а *don* – нет:

(10) *tən'* *dä* / **don* *mən'* *jažo* *täng-vlä*
ты и и я хороший друг-PL
'Ты и я – лучшие друзья'.

(11) *maša,* *pet'a* *dä*/ **don* *kat'a* *škol-ə̑š* *ke-ät*
М. П. и и К. школа-ILL идти-NPST.3PL
'Маша, Петя и Катя идут в школу'.

При этом в луговом марийском союз *den*, когнатный горномарийскому *don*, может соединять местоимения и три конъюнкта [Weisser, Guseva 2016: 6]. Тем самым, рекатегоризация комитативного послелога (*dono*/*dene)* в сочинительный союз находится на разных этапах в горном и луговом марийском: луговомарийский *den* почти полностью утратил свои первоначальные послеложные свойства, в то время как горномарийский *don* их сохранил.

2.3. Показатель *-ge* (-COM)

В горномарийском языке существует показатель *-ge*, который в традиционных марийских грамматиках (как лугового марийского, так и горномарийского языка) рассматривается как показатель «совместного» падежа, служащего «для выражения совместности, сопроводительного значения» [Саваткова 2002: 93, 100–101], [Тужаров 1987: 89–91]. Некоторые исследователи считают, что *-ge* – «аффикс, маркирующий число», который может привносить семантику всеобщности [Stolz et al. 2006: 70]. Также значение всеобщности кратко отмечается в [Alhoniemi 1993: 60; Саваткова 2002: 100; Salo 2016: 197].

Отнесение показателя *-ge* к падежным показателям до сих пор спорно. Например, в [Пенгитов 1961: 281] слова с показателем *-ge* относятся к наречиям, поскольку утверждается, что они не имеют форм числа. Однако, как отмечает Г. М. Тужаров, слова, оформленные показателем *-ge*, могут быть в форме как единственного, так и множественного числа, оформляться посессивными суффиксами, а также определяться существительными,

прилагательными, местоимениями и пр., что доказывает падежный статус *-ge* [Тужаров 1977].

Интересно, что у данного показателя существуют не только функции, которые условно можно назвать комитативными. Он также может употребляться с квантифицированными ИГ (12) или с ИГ, обозначающими некоторую группу объектов (13), привнося исчерпывающую интерпретацию:

(12) *väc* *ədər-ge* *šal-ə̂m* *əšt-en-ət*
5 девочка-COM плот-ACC делать-PRET-3PL
‘Все пять девочек построили плот’.
*‘Пять девочек (из большего количества) построили плот’.

(13) *vrač* *pol’ikl’in’ikə̂-škə̂* ***klas-ge*** *nänge-en*
врач поликлиника-ILL класс-COM уводить-PRET
‘Врач забрал **весь класс** в поликлинику’.

Также данный показатель может употребляться в бисиндетических конструкциях (конструкциях с двойным маркированием):

(14) *vas’a* *ške=ok* ***väkš-ge*** ***saraj-ge***
В. REFL=EMPH мельница-COM сарай-COM
stroj-en
строить-PRET
‘Вася построил сам **и мельницу, и сарай’**.

Интересно, что только в таких конструкциях некоторые носители разрешают присоединение других падежей до показателя *-ge*. Около половины опрошенных носителей разрешили совместное употребление генитива и аффикса *-ge*:

(15) %*ti-štə* ***maša-n-ge*** ***daša-n-ge*** *plat'ə̂-vlä*
этот-IN М.-GEN-COM Д.-GEN-COM платье-PL
kеč-ät
висеть-NPST.3PL
‘Здесь висят платья **и Маши, и Даши**’.

Также у ряда носителей генитив может присоединяться и в конструкции с числительными, упомянутой выше:

(16) %*ti* *škaf-ə̂štə̂* ***lu*** ***ədər-ən-ge***
этот шкаф-IN 10 девочка-GEN-COM

tâgâr-âštâ *keč-ät*
рубашка-POSS.3PL висеть-NPST.3PL
‘В этом шкафу висят рубашки **всех десяти девочек**’.

В других структурных позициях (непрямое дополнение, обликвус) нам встретились только единичные случаи признания грамматичности данных конструкций. В любом случае это говорит о том, что *-ge* в некоторых конструкциях не воспринимается как падежный показатель.

3. Комитативные конструкции

Мы рассмотрим два основных подхода к определению комитативных конструкций. Первый подход является семантически ориентированным: для комитативной конструкции постулируется семантическая структура, которая состоит из предиката и двух участников – сопровождаемого (accompanee) и сопровождающего (companion), состоящих в отношении сопровождения (accompaniment), см. [Stolz et al. 2006: 17]. Второй подход опирается на понятие множественного участника и является синтаксически ориентированным: различия между участниками ситуации проявляются в их морфосинтаксическом маркировании [Архипов 2009].

3.1. Т. Штольц. Сопровождение

Т. Штольц выделяет различные семантические типы комитативных конструкций на основании отношений между сопровождающим и сопровождаемым. Например, для немецкого комитативного показателя *mit* ‘с’ это 14 типов комитативных конструкций [Stolz et al. 2006: 41–43], которые представлены в таблице 1.

Таблица 1

Разновидности комитативных и инструментальных отношений для немецкого предлога *mit* по [Stolz et al. 2006: 41–43].

Тип	**Перевод**	**Пример**
CO-OPERATIVE	совместные	пить кофе вместе с Васей
RECIPROCAL	реципрокальные	ссориться с Васей
ACTIVE COMITATIVE/ HUMAN COMPANION	активный комитатив	гулять с детьми
PASSIVE COMITATIVE/ ANIMATE COMPANION	пассивный комитатив	гулять с собакой

CONFECTIVE/ INANIMATE COMPANION	конфектив	выйти на улицу с зонтиком
ORNATIVE/ TEMPORARY PROPERTY	орнатив	прийти в школу со сломанной рукой
COMBINATION	сочетание	кофе с молоком
PART-WHOLE/ PERMANENT PROPERTY	часть-целое	девушка с голубыми глазами
POSSESSION	принадлежность	человек с топором страшный
HUMAN INSTRUMENT	орудие: человек	передать письмо с Васей
BODY PART INSTRUMENT	орудие: часть тела	писать левой рукой
MEANS OF TRANSPORTATION	способ передвижения	кататься на велосипеде
MATERIAL	материал	строить дом из кирпичей
TOOL	инструмент	рубить топором

В **совместных** конструкциях оба участника активно участвуют в некотором событии, действуя вместе, чтобы достичь общей цели. **Реципрокальные** конструкции характеризуются тем, что действия каждого из участников затрагивают другого; оба участника вовлечены в событие не только активно, но и пассивно. В конструкциях, несущих ярлык **активного комитатива,** оба участника вовлечены в действие, однако один из них обладает бóльшим контролем над ситуацией, а в конструкциях с ярлыком **пассивного комитатива** один из участников ситуации полностью контролирует другого участника, который, будучи одушевленным, не является человеком.

Конфективные конструкции характеризуются тем, что один из участников перемещает другого или просто владеет им. В **орнативных** конструкциях объект, маркируемый комитативным показателем, является свойством одушевленного участника ситуации.

Конструкции **сочетания** отличаются от других тем, что в них имеется два участника, причем оба являются неодушевленными. В конструкциях **часть-целое** существует два объекта, один из которых является неотъемлемой частью другого.

Отличительная особенность конструкций **принадлежности** заключается в том, что участник ситуации (обычно человек) обладает неким предметом, который его характеризует. Ср. конфективную конструкцию *Вася сидит на диване с арбузом* и конструкцию принадлежности *Та женщина с красной машиной паркуется ужасно*. В обоих случаях и Вася, и женщина обладают не-

которыми предметами, однако только в конструкции принадлежности комитативная ИГ характеризует агенса.

В конструкциях под названием «**орудие: человек**» один из участников каузирует другого, обязательно одушевленного, участника совершать какие-либо действия, чтобы достичь какой-либо цели. В конструкциях «**орудие: часть тела**» участник совершает действие, используя свои части тела, контролируя их.

В конструкциях «**способ передвижения**» участник ситуации перемещается, используя транспортное средство, но не обязательно контролируя его. Конструкции «**материал**» характеризуются тем, что участник использует некое вещество, чтобы достичь некоторой цели. Наконец, в конструкциях «**инструмент**» участник, чтобы достичь цели, использует некий предмет.

Однако сам Т. Штольц отмечает, что данный инвентарь не является достаточно дробным, чтобы описать все комитативные и инструментальные конструкции в языках мира, поскольку в разных языках сферы употребления комитативных показателей отличаются, причем довольно значительно.

Перейдем к описанию горномарийских данных. Начнем с конструкции ‘часть-целое’ (PERMANENT PROPERTY). В таких конструкциях допустим лишь показатель проприетива *-an*:

(17) ***klovoj*** ***sənzä-än*** ***ədər*** *amasa-m* *pač-ən*
голубой глаз-PROP девочка дверь-ACC открыть-PRET
‘Дверь открыла **голубоглазая девочка**’.

Ни *dono*, ни *saga*, ни *-ge* не могут быть употреблены в таких конструкциях. Они интерпретируются как инструмент, локализация и второй подвергающийся воздействию объект соответственно.

(18) *#ədər* ***klovoj*** ***sənzädono*** *amasa-m* *pač-ən*
девочка голубой глаз с дверь-ACC открыть-PRET
‘Девочка открыла дверь голубыми глазами’.
* ‘Голубоглазая девочка открыла дверь’.

(19) *#ədər* ***klovoj*** ***sənzä*** ***saga*** *amasa-m* *pač-ən*
девочка голубой глаз около дверь-ACC открыть-PRET
‘Дверь открыла девочка рядом с голубыми глазами’.
* ‘Голубоглазая девочка открыла дверь’.

(20) *#ədər* ***klovoj*** ***sənzä-ge*** *amasa-m* *pač-ən*
девочка голубой глаз-COM дверь-ACC открыть-PRET
‘Девочка открыла дверь и голубые глаза’.
* ‘Голубоглазая девочка открыла дверь’.

Из всех контекстов из таблицы 1 послелог *saga* употребляется только в кооперативных контекстах. В данных конструкциях также допустим и послелог *dono*:

[CO-OPERATIVE]
(21) *maša* ***pet’a*** ***saga*** / ***dono*** *kof’e-m* *jü-eš*
М. П. около с кофе-ACC пить-NPST.3SG
‘Маша пьет кофе **вместе с Петей**’.

Послелог *dono* употребляется во всех контекстах (кроме конструкций ‘часть-целое’, которые мы рассмотрели в самом начале):

[RECIPROCAL]
(22) *maša* ***kat’a dono*** / **saga* *söredäl-eš*
М. К. с около ссориться-NPST.3SG
‘Маша ссорится **с Катей**’.

[ACTIVE COMITATIVE / HUMAN COMPANION]
(23) *maša* ***t’et’ä-vlä*** ***dono***/*[/?]*saga* *kašt-eš*
М. ребенок-PL с около гулять-NPST.3SG
‘Маша гуляет **с детьми**’.

[PASSIVE COMITATIVE / ANIMATE COMPANION]
(24) *maša* ***pi*** ***dono*** / **saga* *kašt-eš*
М. собака с около гулять-NPST.3SG
‘Маша гуляет **с собакой**’.

[CONFECTIVE / INANIMATE COMPANION]
(25) *maša* *ölicä-š* ***zont’ik*** ***dono*** /**saga* *läkt-ən*
М. улица-ILL зонтик с около выйти-PRET
‘Маша вышла на улицу **с зонтиком**’.

[ORNATIVE / TEMPORARY PROPERTY]
(26) *ivan* ***kər-šə*** ***kid*** ***dono***/**saga* *tol-ən*
И. рвать-PTCP.ACT рука с около прийти-PRET
‘Иван пришел (в школу) **со сломанной рукой**’.

[COMBINATION]

(27) *maša kof'e-m* ***šəšer*** ***dono***/**saga* *jü-eš*
М. кофе-ACC молоко с около пить-NPST.3SG
'Маша всегда пьет кофе **с молоком**'.

[POSSESSION]

(28) *tavar-an marə̂* / *marə̂* ***tavar*** ***dono*** /**marə̂*
топор-PROP мужчина мужчина топор с мужчина
tavar saga lüd-əš-lä kaj-eš
топор около бояться-PTCP.ACT-EQU видеться-NPST.3SG
'Мужчина **с топором** выглядит угрожающе'.

[HUMAN INSTRUMENT]

(29) *ti knigä-* ***pet'a don*** ***/*saga*** *pu-en* *kolt-ə̂*
этот книга-ACC П. с около дать-CVB слать-IMP
'Передай эту книгу **с Петей**'.

[BODY PART INSTRUMENT]

(30) *maša* ***šalaxaj*** ***kid*** ***dono***/**saga* *sir-ä*
М. левый рука с около писать-NPST.3SG
'Маша пишет (в тетради) **левой рукой**'.

[MEANS OF TRANSPORTATION]

(31) *maša škol-âš* ***v'elos'ip'ed*** ***dono*** /**saga* *kašt-eš*
М. школа-ILL велосипед с около идти-NPST.3SG
'Маша ездит в школу **на велосипеде**'.

[MATERIAL]

(32) *pet'a toma-m* ***kərpəc*** ***dono*** /**saga* *stroj-a*
П. дом-ACC кирпич с около строить-NPST.3SG
'Петя строит дом **из кирпича**'.

[TOOL]

(33) *tə̂md-ə̂šə̂* ***por*** ***dono***/**saga* *sir-ä*
учить-PTCP.ACT мел с около писать-NPST.3SG
'Учитель пишет **мелом** (на доске)'.

Показатель *-ge* в большинстве конструкций данных типов тоже не употребляется. Например, в совместной КК, рассмотренной выше, использование *-ge* невозможно:

[CO-OPERATIVE]

(34) # *maša* ***ivan-ge*** *čaj-ə̑m* *jü-eš*
М. И.-COM чай-ACC пить-NPST.3SG
‘Маша пьет чай и Ивана’.
*‘Маша пьет чай вместе с Иваном’.

В ряде других типов КК, представленных в (35)–(36), показатель *-ge* допустим – носители не оценивают такие предложения как полностью неприемлемые, однако у них возникают сомнения по поводу их употребления:

[PASSIVE COMITATIVE / ANIMATE COMPANION]:

(35) ?? *maša* *pi-ge* *kašt-eš*
М. собака-COM гулять-NPST.3SG
‘Маша гуляет с собакой’.

[CONFECTIVE / INANIMATE COMPANION]:

(36) ? *maša ölicä-š* *zont’ik-ge* *läkt-ə̑n*
М. улица-ILL зонтик-COM выйти-PRET
‘Маша вышла на улицу с зонтиком’.

Обобщим полученные данные в таблице 2.

Таблица 2

Разновидности комитативных и инструментальных отношений: горномарийские данные

Тип	**Пример**	***dono***	***saga***	***-ge***
CO-OPERATIVE	пить кофе вместе с	OK	OK	*
RECIPROCAL	ссориться с	OK	*	*
ACTIVE COMITATIVE/ HUMAN COMPANION	гулять с ребенком	OK	*/?	*
PASSIVE COMITATIVE/ ANIMATE COMPANION	гулять с собакой	OK	*	?
CONFECTIVE/ INANIMATE COMPANION	уйти с зонтиком	OK	*	?
ORNATIVE/ TEMPORARY PROPERTY	прийти со сломанной рукой	OK	*	*
COMBINATION	кофе с молоком	OK	*	*
PART-WHOLE/ PERMANENT PROPERTY	голубоглазая блондинка	*	*	*
POSSESSION	человек с топором пугает	OK	*	*
HUMAN INSTRUMENT	передать письмо с	OK	*	*
BODY PART INSTRUMENT	писать левой рукой	OK	*	*
MEANS OF TRANSPORTATION	ездить на велосипеде	OK	*	*
MATERIAL	строить дом из кирпичей	OK	*	*
TOOL	рубить дерево топором	OK	*	*

Мы видим, что послелог *dono* является доминантным в данной области. Послелог *saga* тоже употребляется в комитативных контекстах, но не во всех. Например, в контекстах активного комитатива (23)=(37) употребление *saga* сомнительно. Согласно комментариям носителей, в таком случае дети, воспринимаются как главные участники ситуации.

[ACTIVE COMITATIVE / HUMAN COMPANION]

(37) *maša* ***t'et'ä-vlä*** ***dono*** */*[?]*saga* *kašt-eš*
M. ребенок-PL с около гулять-NPST.3SG
'Маша гуляет **с детьми**'.

Это можно объяснить тем, что *dono* и *saga* используют разные стратегии маркирования участников. Послелог *dono* использует стратегию accompanee-orientation (стратегия, ориентированная на сопровождаемого), а послелог *saga* – стратегию companion-orientation (стратегия, ориентированная на спутника) в терминах [Stolz et al. 2006]. Стратегия, ориентированная на спутника, описывает ситуации с точки зрения участника, который обладает «меньшим контролем над действием, чем сопровождаемый» [Stolz et al. 2006: 315]. Другими словами, такие комитативные маркеры «указывают, что спутник находится в явно подчиненном положении относительно сопровождаемого, который контролирует ситуацию» [Stolz et al. 2006: 349].

То, что *saga* использует стратегию, ориентированную на спутника, можно увидеть и на следующем примере.

(38) *ätä-žə* *ergə-žə* *saga*
отец-POSS.3SG сын-POSS.3SG около
pə̂š-ə̂m *əšt-ä*
лодка-ACC делать-NPST.3SG
'Отец делает с сыном лодку'. (Отец помогает, сын главный.)

Также противопоставление между *dono* и *saga* можно объяснить и в терминах фокуса эмпатии. Эмпатией называется «приобретение партиципантом, обозначаемым в ситуации, некоторых свойств говорящего. Фокусом эмпатии называется тот партиципант, который в максимальной степени, по сравнению с другими партиципантами, сосредотачивает в себе эти свойства» [Тестелец 2001: 463–464].

В русском языке для смещения фокуса эмпатии в комитативных конструкциях может использоваться варьирование порядка слов:

(39) а) *Джон бежал со своей женой из города*.
б) *С Джоном из города бежали его жена и дети*.
[Архипов 2009: 112]

В примере (40а) фокусом эмпатии является Джон, а в примере (40б) – его жена.

В горномарийском языке аналогичные предложения будут выглядеть следующим образом:

(40) а) *vas'a* *vätə-žə* *don*
В. жена-POSS.3SG с
moskva-š *kə̑dal-ə̑n*
М.-ILL уехать-PRET
'Вася уехал в Москву с женой'.

б) *vas'a* *saga* *vätə-žə*
В. около жена-POSS.3SG
moskva-š *kə̑dal-ə̑n*
М.-ILL уехать-PRET
'С Васей в Москву уехала его жена'.

Что касается показателя *-ge*, инвентарь комитативных конструкций по [Stolz et al. 2006] не соответствует сфере его употребления. Существуют некоторые дополнительные семантические ограничения, накладываемые на данные типы КК, которые будут рассмотрены в следующей части.

3.2. А. В. Архипов. Множественный участник

Рассмотрим теперь определение комитатива по [Архипов 2009]. Под собственно КК или КК в узком смысле А. В. Архипов понимает следующее: «Морфосинтаксическая конструкция, используемая в данном языке для выражения множественного участника У ситуации С, в которой выражения, обозначающие его элементарных участников У1 и У2, синтаксически подчиняются одному предикату и имеют различный структурный ранг» [Архипов 2009: 83]. Первый участник (У1) выражается центральной именной группой (далее ИГ), а остальные участники (У2) – периферийной (комитативной) ИГ.

Согласно [Архипов 2009: 86], диагностическим контекстом прототипических комитативных конструкций являются предложения вида «X пришел / пошел в (место) Z с Y-ом». Например, в русском языке это предложения типа *Иван пошел в кино с Дашей*.

Рассмотрим также основные модификации комитатива по [Архипов 2009]. К ним относятся определительная, актантная, сочинительная и копредикативная конструкции.

Под **определительной** конструкцией понимается такая конструкция, в которой комитативная группа используется в качестве приименного модификатора, а не аргумента глагола. Например, *Даша купила книжку с картинками*.

Актантная конструкция подразумевает использование комитативных показателей либо при естественно множественных предикатах (например, *ругаться, беседовать* и т. д.), в которых наличие множественного участника обязательно, либо в случае, если комитативный показатель входит в модель управления предиката. Например, *Даша беседует с Иваном* (ср. **Даша беседует*), *Маша смешала муку с сахаром*).

В **сочинительной** модификации прототипической КК центральная ИГ и периферийная ИГ образуют единую составляющую, которая референтирует ко множественному объекту и требует маркирования глагола множественным числом. Например, *Даша с Иваном пошли гулять* (ср. **Даша пошли гулять с Иваном*).

Копредикативные комитативные конструкции характеризуются тем, что периферийная ИГ синтаксически зависит от главного предиката, но при этом семантически определяет одного из участников. Например, между примерами *Иван пришел с Дашей* и *Иван пришел с бутылкой* нет поверхностных синтаксических различий (в обоих случаях комитативная группа является адъюнктом к глагольной), однако обладание бутылкой является характеристикой субъекта, а не предиката.

Также рассмотрим конструкции образа действия. Конструкции **образа действия** тесно примыкают к копредикативной модификации комитатива, но не тождественны им. В [Архипов 2009] отмечается, что комитативная группа в копредикативных конструкциях относится скорее к референту центральной именной группы, а в конструкциях образа действия – к ситуации в целом.

Перейдем к рассмотрению горномарийских данных. Послелоги *dono* и *saga* могут употребляться в контекстах прототипиче-

ского комитатива, т. е. в контекстах вида *X пришел /пошел в (место) Z с Y-ом*:

(41) *ivan daša **saga /dono šärgä-škä ke-n***
И. Д. около с лес-ILL идти-PRET
‘Иван пошел в лес с Дашей’.

Показатель *-ge* в таких контекстах допустим в ряде идиолектов, однако чаще всего такие предложения признаются некорректными:

(42) *%ivan daša-**ge** šärgä-škä ke-n*
И. Д.-COM лес-ILL идти-PRET
Ожид. значение: ‘Иван пошел в лес с Дашей’.

В определительных конструкциях в горномарийском языке стандартным является употребление показателя проприетива *-an*, а употребление *dono*, *saga* и *-ge* в таких контекстах неграмматично:

(43) *kârâk välnä cever okn'a-an /*okn’a dono /*
гора верх-IN2 красивый окно-PROP окно с
**okn’asaga / *okn’a-ge toma šänz-ä*
окно около окно-COM дом стоять-NPST.3SG
‘На горе стоит дом с красивым окном’.

В функции актантной модификации послелог *saga* и показатель *-ge*, в отличие от послелога *dono*, употребить нельзя:

(44) *maša **kat’a {dono**/ * **-ge**/ ***saga}** soredäl-eš*
М. К. с -COM около ссориться-NPST.3SG
‘Маша ссорится **с Катей**’.

Послелог *dono* можно употреблять в конструкциях с множественным глагольным согласованием. Элементы *saga* и *-ge* в таких контекстах сомнительны:

(45) *maša **pet’a {dono**/ʔ**saga /ʔ-ge}** kino-škä tol-ân-ât*
М. П. с около -COM кино-ILL идти-PRET-3PL
‘Маша **с Петей** пошл**и** в кино’.

Тем не менее, на синхронном уровне[1] *dono* не образует сочинительную комитативную конструкцию, поскольку группа с *dono* и центральная ИГ не являются единой составляющей – их можно отделить друг от друга:

(46) *maša* *kino-škâ* ***pet'a*** ***dono*** *tol-ân-ât*
М. кино-ILL П. с идти-PRET-3PL
'Маша **с Петей** пошл**и** в кино'.

В копредикативной конструкции может употребляться послелог *dono*, в то время как употребление *saga* неграмматично (47). Показатель *-ge* маргинально допустим в ряде идиолектов (48).

(47) *ivan* *xâna-l-aš* ***arbuz dono/*saga*** *tol-ân*
И. гость-DENOM-INF арбуз с около прийти-PRET
'Иван пришел в гости **с арбузом**'.

(48) ?? *ivan* ***pel*** ***l'itr-ge*** *xâna-l-aš* *tol-ân*
И. половина литр-COM гость-DENOM-INF прийти-PRET
'Иван пришел в гости **с пол-литром** (водки)'.

В конструкциях образа действия послелог *saga* не может быть употреблен, а использование *dono* допустимо:

(49) *mən'* ***pəsə*** ***aškâl*** ***dono /*saga*** *ašked-äm*
я быстрый шаг с около шагать-NPST.1SG
'Я иду **быстрым шагом**'.

Показатель *-ge* может употребляться в конструкциях образа действия, однако на них распространяются некоторые семантические ограничения. Например, в (50) показатель *-ge* допустим, а в (51) – нет:

(50) *maša* *d'ivan-âškâ* *jal-**ge*** *kuz-en* *šənz-ən*
М. диван-ILL нога-COM залезть-CVB садиться-PRET
'Маша залезла на диван с ногами'.

(51) **pet'a* *rovotaj-a* *entuz'iazm-**ge***
П. работать-NPST.3SG энтузиазм-COM
Ожид. значение: 'Петя работает с энтузиазмом'.

В (50) Маша залезла на диван полностью, причем ясно, что Маша и ее ноги образуют единое целое, в то время как в (51)

[1] Диахронически *dono* может образовывать сочинительную комитативную конструкцию, т.к. из него развился союз *don*, см. подробнее об этом в разделе 2.2.

энтузиазм не является частью Пети и эти две сущности не могут образовывать никакой комплект.

Итак, обобщим полученные данные в таблице 3.

Таблица 3

Комитативные конструкции, в которых могут употребляться *dono*, *saga* и *-ge*

	dono	***saga***	***-ge***
Прототипическая КК	OK	OK	?
Копредикативная КК	OK	*	?
Определительная КК	*	*	*
Актантная КК	OK	*	*
Сочинительная КК	*	*	*
КК образа действия	OK	*	?

Видно, что послелог *saga* имеет ограниченную дистрибуцию: он может употребляться только в прототипических комитативных конструкциях. Напротив, послелог *dono* употребляется практически во всех рассмотренных конструкциях. Маркер *-ge* может употребляться в копредикативных конструкциях и конструкциях образа действия, а также в прототипических комитативных конструкциях, однако на его употребление накладываются существенные семантические ограничения. Как было показано в [Хомченкова 2017], употребление показателя *-ge* допустимо, когда референты центральной и комитативной ИГ образуют либо ситуационный (52), либо семантический комплект (53), либо одно целое (50):

(52) *l’ustrə̂* *kot’i-ge* *mə̂l’g-alt-eš*
люстра кошка-COM качаться-MED-NPST.3SG
‘Люстра раскачивается вместе с кошкой’. (Только если кошка сидит на люстре.)

(53) *ədərämäš* *t’et’ä-ge* *tol-ə̂n*
женщина ребенок-COM прийти-PRET
‘Женщина пришла вместе с ребенком’.

4. Выводы

Мы выяснили, что послелог *dono* является доминантным в комитативно-инструментальной области, т. к. он употребляется практически во всех самых распространенных комитативных и инструментальных контекстах. Послелог *saga* тоже имеет ряд

комитативных функций, однако он употребляется только в наиболее прототипических комитативных конструкциях. Для него оказывается важной пространственная совместность, а также он используется в том случае, если сопровождающий находится в подчиненном положении относительно сопровождаемого.

По данным Т. Штольца и др., инструментально-комитативная полисемия является наиболее распространенной, в то время как локативно-комитативная полисемия встретилась в его выборке в восемь раз реже [Stolz et al. 2006]. В горномарийском языке комитативные функции выполняют сразу и инструментальный, и локативный маркеры.

Также в горномарийском есть и маркер *-ge*, который не похож на обычные комитативные показатели из-за его нетривиальной дистрибуции: он не употребляется в прототипических комитативных конструкциях и для него важна семантика полного комплекта. Такое употребление комитативных показателей не является типологически распространенным, однако интересно, что в мордовских языках зафиксирован показатель *-n'ek*, который совпадает с ним по дистрибуции (см. подробнее о мордовских параллелях в [Хомченкова, Сидорова 2017]).

Таким образом, горномарийский язык характеризуется богатством способов выражения комитативных значений и их описание вносит вклад в типологию комитативных конструкций.

Список условных сокращений

1, 3 – 1 и 3 лицо, ACC – аккузатив, AOR – аорист, CAUS.DIST – дистантный каузатив, COM – комитатив, CVB – конверб, DENOM – деноминальный глагол, EMPH – эмфатическая частица, EQU – экватив, GEN – генитив, ILL – иллатив, IN – инессив, INF – инфинитив, LAT – латив, MED – медий, NMLZ – номинализация, NPST – непрошедшее время, PL – множественное число, POSS – посессивный показатель, PRET – претерит, PROP – проприетив, PTCP.ACT – активное причастие, PTCP.PASS – пассивное причастие, REFL – рефлексив, SG – единственное число, ИГ – именная группа

Литература

Архипов А. В. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009. 296 с.

Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка, морфология. Йошкар Ола: Марийское книжное изд-во, 1964. 324 с.

Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982.

Пенгитов Н. Т. Современный марийский язык: морфология. Йошкар Ола: Марийское книжное изд-во, 1961. 324 с.

Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969.

Саваткова А. А. Горное наречие марийского языка. Bibliotheca ceremissica. Tomus V. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002. 292 с.

Саваткова А. А. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 2008. 404 с.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

Тужаров Г. М. Совместный падеж в марийском языке // СФУ. 1977. № 4. С. 271-279.

Тужаров Г. М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола, 1987. 142 с.

Хомченкова И. А. Показатель *-ge* в горномарийском языке: комитатив, квантификатор или интенсификатор? // Доклад на XIV конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017 г.).

Хомченкова И. А., Сидорова М. А. Неканонические функции комитатива в горномарийском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. 2017. С. 192—207.

Юлдашев А. А. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука. 1981. 495 с.

Alhoniemi A. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg: Buske, 1993. 253 p.

Heine B., Kuteva T. World lexicon of grammaticalization. - Cambridge University Press, 2002.

Mithun M. The grammaticization of coordination // Clause combining in grammar and discourse. 1988. С. 331—359.

Salminen T. Problems in the taxonomy of the Uralic languages in the light of modern comparative studies // Лингвистический беспредел. 2002. С. 44-55.

Salo M. On the meanings of the suffix *-ńek*/*-nek* in Erzya: A comitative case or derivational suffix? // Ksenija Shagal & Heini Arjava (toim.) Mordvin languages in the field. Suomalais-Ugrilainen Seura. Uralica Helsingiensia v. 10. 2016. P. 187-227.

Stassen L. AND-languages and WITH-languages. Linguistic Typology. 2000. P. 1-54.

Stolz T., Stroh C., Urdze A. On comitatives and related categories: A typological study with special focus on the languages of Europe. Berlin. Walter de Gruyter, 2006.

Weisser P., Guseva E. Postsyntactic reordering in the Mari nominal domain // Natural Language & Linguistic Theory. - 2016. - С. 1-39.

Резюме

Данная работа посвящена анализу элементов с комитативным значением в восточных говорах горномарийского языка. Рассматриваются инструментальный послелог *dono*, апудэссивный послелог *saga* и маркер *-ge*, который в традиционных грамматиках считается показателем совместного падежа. Мы описали дистрибуцию каждой из рассматриваемых единиц и изучили различия между ними. Мы выяснили, что послелог *dono* является доминантным в комитативно-инструментальной области, т. к. он употребляется практически во всех самых распространенных комитативных и инструментальных контекстах. Послелог *saga* тоже имеет ряд комитативных функций, однако он употребляется только в прототипических комитативных конструкциях с обязательной пространственной смежностью, также маркируя подчиненное положение сопровождающего относительно сопровождаемого. Показатель *-ge* не употребляется в прототипических комитативных конструкциях, для него важна семантика полного комплекта.

Ключевые слова: комитатив, инструмент, совместность, горномарийский язык, финно-угорские языки

COMITATIVE EXPRESSIONS IN HILL MARI

Irina A. Khomchenkova
Lomonosov Moscow State University,
The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Summary

This paper deals with comitative expressions in the Eastern local dialects of Hill Mari. These are instrumental postposition *dono*, apudessive postposition *saga*, and affix *-ge*, traditionally viewed as the marker of comitative case. We described the distribution of these elements and studied the difference between them. We found out that the postposition *dono* is a dominant item in the comitative-instrumental domain, since it is used in almost all comitative and instrumental contexts. The postposition *saga* also has comitative functions, however, it can be used only in the prototypical comitative construction if there is physical proximity between objects. Also it marks a subordinate position of the companion to the accompanee. The marker *-ge* is unacceptable in prototypical comitative constructions, it requires the semantics of a full set.

Keywords: comitative, instrument, accompaniment, Hill Mari, Finno-Ugric languages

References

Arkhipov A. V. Tipologija komitativnyh konstrukcij [Typology of comitative constructions]. M.: Znak, 2009. 296 p.

Galkin I. S. Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka, morfologija. Yoshkar-Ola. 1964. 324 p.

Majtinskaja K. E. Sluzhebnyje slova v finno-ugorskih yazykax. Moscow. 1982.

Pengitov N. T. Sovremennyj marijskij jazyk: morfologija [The modern Mari: morphology]. Yoshkar-Ola, 1961. 324 p.

Savatkova A. A. Russkije zaimstvovaniha v marijskom jazyke. Yoshkar-Ola. 1969.

Savatkova A. A. Gornoe narechije marijskogo jazyka [Hill dialect of Mari]. Bibliotheca ceremissica. Tomus V. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002. 292 p.

Savatkova A. A. Slovar gornomarijskogo yazyka [Hill Mari dictionary]. Yoshkar-Ola, 2008. 404 p.

Testelec Ja. G. Vvedenije v obshij sintaksis. [Introduction to syntax]. Moscow, 2001.

Tuzharov G. M. Sovmestnyj padezh v marijskom jazyke [Sociative case in Mari] // SFU. 1977. № 4. C.271-279.

Tuzharov G. M. Grammaticheskije kategorii imeni sushestvitelnogo v marijskom jazyke [Grammatical categories of noun in Mari]. Yoshkar-Ola, 1987. 142 p.

Khomchenkova I. A. Pokazatel *-ge* v gornomarijskom jazyke: komitativ, kvantifikator ili intensifikator? [Affix *-ge* in Hill Mari: comitative, quantifier or intensifier] // Talk on the XIV Conference on typology and grammar for young scholars (Saint-Petersburg, 23-25 November 2017).

Khomchenkova I. A., Sidorova M. A. Nekanonicheskie funkcii komitativa v gornomarijskom jazyke [Non-canonical functions of comitative in Hill Mari] // Tipologija morfosintaksicheskih parametrov. №4. 2017. P. 192—207.

Juldashev A. A. Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo jazyka. Moscow, 1981. 495 p.

Alhoniemi A. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg: Buske, 1993. 253 p.

Heine B., Kuteva T. World lexicon of grammaticalization. - Cambridge University Press, 2002.

Mithun M. The grammaticization of coordination // Clause combining in grammar and discourse. 1988. C. 331-359.

Salminen T. Problems in the taxonomy of the Uralic languages in the light of modern comparative studies // Lingvisticheskij bespredel. 2002. C. 44-55.

Salo M. On the meanings of the suffix *-ńek*/*-nek* in Erzya: A comitative case or derivational suffix? // Ksenija Shagal & Heini Arjava (toim.) Mordvin

languages in the field. Suomalais-Ugrilainen Seura. Uralica Helsingiensia v. 10. 2016. P. 187-227.

Stassen L. AND-languages and WITH-languages. Linguistic Typology. 2000. P. 1-54.

Stolz T., Stroh C., Urdze A. On comitatives and related categories: A typological study with special focus on the languages of Europe. Berlin. Walter de Gruyter, 2006.

Weisser P., Guseva E. Postsyntactic reordering in the Mari nominal domain // Natural Language & Linguistic Theory. - 2016. - С. 1-39.

УСТНЫЙ ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ПРОБЛЕМЫ АННОТИРОВАНИЯ

Чекмез Ульяна Эдуардовна
аспирантка, Иркутский государственный университет, Иркутск
yle4ka-levka@mail.ru

Введение

Одним из обязательных этапов, предваряющих анализ устного дискурса, является его аннотирование. Перевод устного дискурса в графический вариант обеспечивает возможность детального изучения различных феноменов устной речи. **Проблема**, которая наиболее остро стоит в последнее десятилетие перед исследователями русского устного дискурса, заключается в необходимости разработки универсальной системы аннотирования. Однако выбор способа представления устного дискурса попрежнему во многом зависит от позиции, занимаемой исследователем по отношению к инструментарию, которым необходимо пользоваться при описании устного дискурса.

Существуют два принципиально разных с методологической точки зрения подхода к описанию устной речи. Сторонники первого подхода, среди которых можно выделить петербургскую школу, предлагают исследовать устную речь, применяя к ней в качестве рабочих термины, предназначенные для описания письменной речи:

«Описание разговорной (преимущественно диалогической) речи с помощью предложения-высказывания, как правило, не вызывает затруднений. Высказывание легко вычленяется из текста, совпадая с репликой. Сложнее обстоит дело при определении четких границ высказывания в монологической спонтанной речи. Наиболее трудным для исследователя является различение однородных членов в рамках одного предложения и разных основ ряда предложений, двух простых и сложного бессоюзного предложения, определение количества частей сложного предложения, выделение или невыделение парцеллированных конструкций и некоторые другие проблемы» [Богданова, Бродт и др. 2012: 19].

Сторонники второго подхода, среди которых следует назвать московскую школу изучения дискурса, предлагают описывать устный дискурс с помощью терминов, разработанных непосред-

ственно для его описания, базовым из которых является термин элементарная дискурсивная единица (ЭДЕ) (см. подробнее [Кибрик, Подлесская и др. 2009]).

Как отмечалось выше, различия в подходе к описанию звучащей речи значительно сказываются на способе её аннотирования: так, в первом тексте (см. пример (1)) отсутствует фиксация времени, особенностей интонации, устная речь не членится на отдельные единицы, паузы фиксируются схематично, в то время как во втором тексте (см. Таблицу № 1) речь членится на элементарные дискурсивные единицы, фиксируется время их произнесения, изменение тона, продолжительность и характер пауз, присутствуют комментарии, касающиеся особенностей произнесения ЭДЕ.

(1) «О таком дне ∫ (а-а) ∫ может мечтать только (…) забыла кто может мечтать / тот <смех> который убирает хлеб //-// (м-м) ∫ больше ничего не могу сказать (CAT, пересказ несюж. текста)» [Богданова, Бродт и др. 2012: с. 28].

Таблица 1

Транскрипция			
Время	№	ЭДЕ	Комментарии
0.00	1.	Пото= ==	
0.23	2.	А /потом ··(0.08) про \зайчика сон.	
1.84	3.	··(0.46) А /зайчик вот,	В начальной паузе шумный вдох. Слово вот — скрипучим голосом.
2.97	4.	···(0.53) он был в \лесу.	

[Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи: http://spokencorpora.ru/]

Продолжающиеся и по сей день дискуссии относительно способов описания и аннотирования звучащей речи или устного дискурса свидетельствуют об **актуальности** изучения этого вопроса для современной науки. В данном исследовании в качестве базового принят второй подход, о достоинствах и недостатках которого пойдет речь далее.

1. Специфика устного диалогического дискурса

Приведенные выше примеры представляют собой аннотации монологической речи. Сторонники первого подхода, как и исследователи устной речи XX в., оформляют диалогический дискурс

как последовательную смену реплик, ориентируясь на письменный дискурс и перенося правила его функционирования на устный. Сторонники же второго подхода стараются обнаружить специфику устного дискурса, поэтому избегают рассмотрения устной речи сквозь призму письменной, вследствие чего используют для аннотации диалогического дискурса особую транскрипцию. Однако эта транскрипция разработана для монологического дискурса и отражает не все особенности диалогической речи.

Возможность применения для аннотирования диалогического дискурса транскрипционной системы, разработанной московской школой для аннотирования монологического дискурса, свидетельствует о том, что сформулированные ранее принципы оказываются универсальными и могут быть применены как к анализу монологического, так и к анализу диалогического дискурса. Как представляется, сама необходимость модификации – для корректного аннотирования диалогического дискурса – сигнализирует о важности учёта дополнительных факторов, которые обусловлены некоторыми принципиальными отличиями диалогического дискурса от монологического.

Одним из таких факторов является интерактивный характер взаимодействия. Монологический дискурс, если говорить о вокальной/слуховой модальности, развивается абсолютно линейно относительно оси времени, в то время как диалогический дискурс предполагает возможность как линейного, так и параллельного функционирования вербальных и просодических единиц на конкретном временном отрезке, что обусловлено неизбежностью мены ролей собеседников. Мена ролей собеседников оказывает наибольшее влияние на структуру дискурса именно в его вокальной/слуховой модальности. Так, в случае одновременного начала вокализации новых клауз, одному из собеседников необходимо будет прервать вокализацию своей клаузы, иначе ни одна из вокализаций не будет воспринята ни одним из слушающих, в то время как структура дискурса в его кинетической/зрительной модальности может продолжать функционировать как через каналы жестов и проксемики, так и через окуломоторный канал. Такое положение вещей, с одной стороны, свидетельствует о том, что дискурсу позволит продолжать развиваться именно кинетическая/зрительная модальность, с другой стороны, что существенные изменения в структуре дискурса отразятся именно на вербальном и просодическом уровне.

Возможность параллельного функционирования единиц внутри диалогического дискурса проявляется в перебивах, переспросах собеседника, в одновременном начинании вокализации новых клауз несколькими собеседниками и т.п. Такие явления в рамках устного диалогического дискурса провоцируют появление наложений, которые, с одной стороны, являются факторами, затрудняющими анализ и аннотирование устного диалогического дискурса, с другой – будучи неотъемлемой частью его функционирования, отражают его специфику.

Перед тем как перейти непосредственно к анализу примеров, обозначим некоторые исходные позиции данного исследования и охарактеризуем материал, на котором осуществляется проверка существующих и разработка новых принципов аннотирования устного диалогического дискурса, ориентированных на усовершенствование существующей транскрипционной системы диалогической речи, которые и составляют **новизну** данного исследования.

2. Материал исследования

Диалогическое взаимодействие понимается в данном исследовании в широком смысле, а именно как коммуникативное взаимодействие двух и более человек.

В качестве материала использованы фрагменты аудиофайлов глубинных интервью, записанных в 2012 – 2014 гг. в рамках диалектологической экспедиции в Баргузинский район Республики Бурятия[1]. Фрагменты аудиофайлов представляют собой записи знакомства интервьюеров с интервьюируемыми. Интервьюеры – филологи в возрасте от 30 до 50 лет, интервьюируемые – носители диалекта старшего возраста (от 60 и выше). Для аннотирования используются программы ELAN и Speech Analyzer. Аудиозаписи являются моносигналами. Они с разной степенью качества фиксируют не только голоса говорящих, но и различного рода шумы, что оказывает значительное влияние на качество осцилло- и спектрограмм, которые являются одними из наиболее точных инструментов определения границ ЭДЕ при аннотирова-

[1] В дальнейшем планируется создать корпус текстов, базирующийся на этих интервью, со свободным доступом. В корпус планируется включить усовершенствованную минимальную транскрипцию данных интервью, представленную в виде таблиц, вокальную аннотацию в программе ELAN, аудиофайлы интервью.

нии монологического дискурса. Помимо качества самих аудиозаписей, на аннотирование влияет ситуация знакомства, которая характеризуется отсутствием коммуникативной координации между говорящими, что приводит к большему чем обычно количеству наложений, анализ которых является отдельной проблемой, так как реплики говорящих записываются с разной степенью громкости, что затрудняет как саму расшифровку, так и аннотирование дискурса.

На данном этапе исследования используется минимальная транскрипция фрагментов аудиозаписей, что обусловлено перечисленными выше техническими и экстралингвистическими причинами, несмотря на отсутствие детальной фиксации всех вокальных особенностей устного дискурса, такой способ аннотации позволит пользователю корпуса оценить степень линейности / нелинейности развития диалога, обнаружить сбои на некоторых отрезках диалога, а также понять причины этих сбоев. В таблице полужирным выделяются сегменты слов, на которые выпадают наложения, пользователю транскрипции не понадобится самостоятельно каждый раз соотносить границы времени наложения с границами слов, на которые оно выпало, так как они уже зафиксированы в таблице.

3. Аннотация наложений как отражение специфики устного диалогического дискурса

Рассмотрим аннотацию 47-секундного фрагмента одной из аудиозаписей, обратив внимание на способ аннотирования. В аннотации представлена попытка отражения специфики устного диалогического дискурса, в анализе примеров аргументируется необходимость аннотирования диалогического дискурса предлагаемым способом.

В 47-секундном отрывке записи было выявлено 11 случаев наложения[1].

Рассмотрим первые 7 секунд данного фрагмента, используя различные графические варианты представления дискурса. Строки таблицы призваны обозначить границы ЭДЕ.

Во-первых, можно представить дискурс каждого участника в отдельности.

[1] Если приравнивать количество наложений к количеству накладывающихся ЭДЕ.

Таблица 2

время	первый участник
0,40-2,88	Давайте познакомимся сначала. {laugh}
	пауза 1,44 с
4,02-4,85	А вас как <зовут|звать>?
5,29-5,65	Ольга¿
	звонит телефон
6,37-6,95	Хорошо.

Как видим, несмотря на отсутствие реплик собеседников в Таблице № 2 оказывается возможным предположить их ответные реакции. Однако если аналогичным образом (изолированно) представить дискурс второго участника (Таблица № 3), то мы, во-первых, можем воспринять первую реплику второго участника как начальную реплику диалога, во-вторых, не сможем понять, что, кроме согласия, означает ЭДЕ *Ага.*

Таблица 3

время	второй участник
1,36-2,44	Давайте познакомимся,
2,44-3,76	Людмила Ниловна, я Марина.
	пауза 2,01 с
5,77-6,27	Ага.
	пауза 0,72 с

Если мы представим всего две реплики третьего участника таким же образом, будет невозможно увидеть параллелизм между построением ЭДЕ-вопроса первого участника ***А вас*** *как <зовут\|звать>*? и ЭДЕ-ответом третьего участника ***А я*** *Ольга*, который, помимо прочего, коррелирует с ЭДЕ-ответом второго участника *...я Марина*, что, в свою очередь, лишит исследователя возможности сделать выводы о том, почему ответ оформлен не одним словом *Ольга* и даже не двумя словами *Я Ольга* или *Ольга я*.

Таблица 4

время	третий участник
	пауза 3,76 с
4,38-5,06	А я Ольга.
	пауза 0,71 с
5,77-6,27	Ага.
	пауза 0,72 с

Эти аргументы нельзя признать исчерпывающими для следующего способа представления диалогического дискурса. Однако изолированное аннотирование дискурса каждого говоря-

щего, предложенное на сайте «Русский мультиканальный дискурс» [Русский мультиканальный дискурс: http:// multidiscourse.ru/], обусловленное различными исследовательскими мотивами, такими как стремление и технические возможности наиболее полно проанализировать дискурс каждого говорящего, чтобы составить его лингвистический / просодический портрет, который впоследствии позволит определять границы ЭДЕ, клауз и даже «предложений», лишает диалогический дискурс его специфичности и не позволяет другим исследователям изучать его именно как диалогический, а не как разновидность монологического. Попытаемся аргументировать вышесказанное, используя такой вариант представления диалогического дискурса, который позволяет исследователю наблюдать за параллельным функционированием единиц внутри диалогического дискурса.

Таблица 5

<table>
<tr><th colspan="2">первый участник</th><th colspan="2">второй участник</th><th colspan="2">третий участник</th></tr>
<tr><td>0,40-1,95
2,04-2,88</td><td>Давайте познакомимся сначала. {laugh}</td><td>1,36-2,44</td><td>Давайте познакомимся,</td><td colspan="2" rowspan="2">пауза 3,76 с</td></tr>
<tr><td colspan="2">пауза 0,88 с</td><td>2,44-3,76</td><td>Людмила Ниловна, я Марина.</td></tr>
<tr><td colspan="6">незаполненная пауза 0,26 с</td></tr>
<tr><td>4,02-4,85</td><td>А вас как <зовут|звать>?</td><td colspan="2" rowspan="2">пауза 1,85 с</td><td>4,38-5,06</td><td>А я Ольга.</td></tr>
<tr><td>5,29-5,65</td><td>Ольга¿</td><td colspan="2">пауза 0,71 с</td></tr>
<tr><td></td><td>звонит телефон</td><td>5,77-6,27</td><td>Ага.</td><td>5,77-6,27</td><td>Ага.</td></tr>
<tr><td>6,37-6,95</td><td>Хорошо.</td><td colspan="2">пауза 0,72 с</td><td colspan="2">пауза 0,72 с</td></tr>
</table>

Выше не единожды говорилось о значимости для диалогического дискурса наложений. А если наложения каким-то образом влияют на диалогический дискурс или даже составляют его специфику, то они должны быть отражены в аннотации. В данной таблице сочетание полужирный+курсив призвано обозначить границы наложений, которых в данном фрагменте три.

Как видим, первое наложение встречается сразу в начале диалога и длится с 1,36 до 2,88 (1,52 сек.), что является продолжительным, однако 1-ая ЭДЕ второго участника дублирует на-

чало первой ЭДЕ первого участника и является, если пользоваться терминами актуального / коммуникативного синтаксиса, темой высказывания второго участника, что касается ремы высказывания, то она заключается во всей 2-ой ЭДЕ второго участника. Может показаться, что обращение *Людмила Ниловна* не является для первого участника новой информацией, однако использование вторым участником обращения в ситуации знакомства предназначено для того, чтобы сообщить первому участнику информацию о том, что ему не требуется представляться, а представление *я Марина* является собственно новой для первого участника информацией, которая окажется необходима для дальнейшего плавного развертывания дискурса. Вернёмся к границам данного наложения и обратим внимание, что оно «выпало» на такие фрагменты каждой из ЭДЕ, которые не являлись максимально информативными на данном этапе развертывания дискурса.

Если говорить о втором наложении в данном фрагменте, то в нём реализуется прямо противоположная ситуация. Наложение с 4,38 по 4,85 (0,47 сек.) «выпадает» на новую информацию, содержащуюся в ЭДЕ третьего участника – представлении. Первый участник успевает полноценно воспринять только 0,21 сек. высказывания третьего участника (приблизительно 31% высказывания), то есть последний слог имени, вследствие чего стандартное развертывание дискурса, характерное для ситуации «этикетного» знакомства, откладывается на два шага. Первый шаг заключает в себе переспрос первого участника, необходимый для уточнения информации, которая нужна для дальнейшего плавного развёртывания дискурса. Второй шаг второго и третьего участников, в котором происходит абсолютное наложение ЭДЕ, заключает в себе, с одной стороны, подтверждение запрашиваемой информации, с другой – подтверждение возможности дальнейшего развития дискурса по «стандартной» для данной ситуации схеме.

Таким образом, в данном семисекундном отрывке наложение в первом случае не повлияло на развертывание дискурса, во втором случае отсрочило «стандартное» развёртывание дискурса на два шага, в третьем случае, благодаря одновременной реализации идентичных интенций второго и третьего участников, послужило максимально экономным, с временной точки зрения, средством для завершения микроситуации «Представление» в макроситуации «Знакомство».

Таблица 6

<table>
<tr><th colspan="2">первый участник</th><th colspan="2">второй участник</th><th>третий участник</th></tr>
<tr><td>7,45-8,65</td><td>Надеюсь, что запомню.</td><td>7,03-8,00</td><td>Работаем мы обе,,,</td><td rowspan="4">пауза 4,89 с</td></tr>
<tr><td colspan="2"></td><td colspan="2">пауза 0,63 с</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="3">пауза 3,27 с</td><td>8,63-9,04</td><td>обе,,,</td></tr>
<tr><td>9,04-10,28</td><td>Даа мы скажем ещё раз,</td></tr>
<tr><td>10,38-11,92</td><td>если и даже ещё чего не так...</td></tr>
</table>

Однако из содержания первой ЭДЕ первого участника в Таблице № 6 можно заключить, что первый участник не готов завершить ситуацию знакомства, часть которой зафиксирована в Таблице № 5. Второй участник, оценивая ЭДЕ первого участника *хорошо* в сочетании с паузой 0,5 сек., воспринимает данную последовательность как возможность для мены ролей, о чем свидетельствует начало ЭДЕ о работе. Однако, несмотря на то что вокализация второго участника длится уже 0,42 сек., первый участник считает необходимым реализовать свою интенцию. Обратим внимание на способ аннотирования речи второго участника. Если бы данный участок был представлен изолированно, то повтор числительного *обе* было бы необходимо расценить как самокоррекцию, однако пауза 0,63 сек. и повтор выполняют здесь двойственную функцию: с одной стороны, они необходимы для планирования следующего кванта дискурса, с другой – для восприятия информации, содержащейся в ЭДЕ первого участника, о чем свидетельствует отсутствие паузы между квантом «обе» и двумя последующими ЭДЕ второго участника. В данном случае из-за наложения (1,2 сек.) второй участник кардинально изменяет свою интенцию, следовательно, дискурс второго участника меняет своё направление. Аналогичная ситуация повторяется в следующем фрагменте дискурса, представленном в Таблице №7.

Таблица 7

<table>
<tr><th colspan="2">первый участник</th><th colspan="2">второй участник</th><th>третий участник</th></tr>
<tr><td colspan="5">Незаполненная пауза 0,7 с</td></tr>
<tr><td>12,62-14,30</td><td>Откройте сами пожалуйста.</td><td>12,40-13,45</td><td>Вот работаем,,,</td><td rowspan="3">пауза 3,05 с</td></tr>
<tr><td colspan="2"></td><td colspan="2">пауза 0,3</td></tr>
<tr><td colspan="2">пауза 1,15 с</td><td>13,47-14,40</td><td>Давайте откроем щас…</td></tr>
</table>

	14,46-15,45	Ага.	
Незаполненная пауза 0,67 с			

Стоит отметить, что в данном и предыдущем фрагментах дискурса (Таблицы № 5, 6, 7) первый и второй участники не могут скоординироваться в скорости реакций: в то время как второй участник старается предугадать интенцию первого и как можно быстрее отреагировать на вербализованную им интенцию, первый участник пытается наиболее развёрнуто реализовать свою интенцию. Как видим, и первая и вторая стратегии приводят к раскоординированности, выражающейся в наложении реплик. Если обратить внимание на фрагменты, в которых видна попытка второго участника «сыграть на опережение», то наложение выпадает на «этикетные вещи» (*пожалуйста*) и «уточнения» (*сначала*) в ЭДЕ первого участника, то есть на такие участки ЭДЕ первого участника, которые минимально влияют на дальнейшее развитие диалогического дискурса.

Таблица 8

первый участник		**второй участник**		**третий участник**	
пауза 1,46 с		16,12-17,58	<Да|тут> всё угу.	пауза 1,46 с	
Незаполненная пауза 0,4 с					
17,98-19,18	У меня есть кисель,	пауза 2,56 с		пауза 2,56 с	
19,33-20,56	хотите я подогрею?				
пауза 1,92 с		20,33-21,36	***Нее спасибо,***	20,5-21,64	***Да не не спасибо.***
		21,38-21,64	***спасибо,***		
		21,64-22,48	не беспокойтесь.	пауза 0,84 с	
Незаполненная пауза 0,44 с					
22,92-23,10	<Хорошо|Ладно>.			пауза 1,04 с	
пауза 0,62 с		23,34-23,96	Но.		
Незаполненная пауза / шум 1,65 с					
пауза 0,33 с		25,61-25,94	Вот,	пауза 1,5 с	
25,98-27,11	Чаю щас маленечко,,,	пауза 1,17 с			
Незаполненная пауза 0,7 с					
27,81-28,56	Чай заварится, и будем чай ***пить.***	пауза 1,77 с		пауза 1,64 с	

28,61-29,47		29,58-30,18	***Чай будем*** пить,	29,45-29,92	***Хорошо.***
пауза 0,69 с		30,20-30,89	с удовольствием.	пауза 0,69 с	
Незаполненная пауза 0,26 с					
31,15-31,69	***Ага.***	31,15-32,56	***Вот {laugh},*** конечно…	пауза 1,41 с	

В таблице № 8 представлен фрагмент дискурса, насыщенный кинетикой, в котором вербальный компонент ориентирован на координацию кинетических действий. Причиной наложений в данном случае является адресованность реплик первого участника о киселе и чае сразу нескольким участникам диалога, каждый из которых считает необходимым дать ответную реакцию. Стоит отметить, что *вот* в ЭДЕ второго участника может маркировать попытку второго участника таким способом оценить возможность / невозможность начать более подробный рассказ о себе.

Таблица 9

первый участник		**второй участник**		**третий участник**
Незаполненная пауза 0,05 с				
пауза 3,24 с		32,61-34,15	Мы вам расскажем зачем	пауза 8,8 с
		34,31-35,52	ммм…мы приехали…	
		пауза 0, 33 с		
36,02-37,30	***Ну Саша-то мне*** так сказал,	35,85-37,09	Немно***жко так,,,***	
37,30-39,26	ну хорошо, ***я вас слушаю {laugh}***	38,13-38,71	Ага.	
		39,08-40,83	***Людмила Ниловна, мы знаете***	
		40,91-41,41	мы хотим== {ш}	
Незаполненная пауза 1,45 с				
пауза 1,73 с		42,86-44,59	у нас такое очень большое‖	пауза 1,73 с
Незаполненная пауза 0,73 с				
пауза 0,88 с		45,32-46,20	большая,,,	пауза 0,88 с
Незаполненная пауза 0,36 с				
пауза 1,06 с		46,56-47,62	книжка планируется…	пауза 1,06 с

Начало порождения ЭДЕ вторым участником после сравнительно непродолжительной паузы подтверждает высказанную выше гипотезу. Стоит обратить внимание, что второму участнику для того, чтобы более подробно рассказать о себе, приходится полностью изменить «упаковку». Вследствие того что первые две попытки реализовать это намерение при помощи формы *Работаем мы обе…* оказались неудачными, второй участник принимает решение вербализовать свои планы на дальнейшее развитие дискурса: *Мы вам расскажем зачем ммм… мы приехали…* Стоит отметить, что первый участник передаёт второму участнику роль «ведущего», только после вербализованного согласия на это: *хорошо, я вас слушаю*. При этом второй участник оказывается не готов к принятию этой роли, о чём свидетельствуют продолжительные заполненные и незаполненные паузы. Неготовность может быть обусловлена, с одной стороны, необходимостью облечь прежнюю интенцию в такую «упаковку», которую второй участник не планировал заранее, с другой – ожиданием очередного перебива от первого участника.

Приведем для сравнения ещё один отрывок из другого глубинного интервью, в котором также встречаются наложения.

Таблица 10

<table>
<tr><th colspan="2">первый участник</th><th colspan="2">второй участник</th><th colspan="2">третий участник</th></tr>
<tr><td>01,00-02,41</td><td>Ну я долго нигде не могла находиться,</td><td>02,10-03,04</td><td>Домой хотелось?</td><td colspan="2" rowspan="2">пауза 1,44 с</td></tr>
<tr><td colspan="2">пауза 1,45 с</td></tr>
<tr><td colspan="6">Незаполненная пауза 0,3 с</td></tr>
<tr><td>02,70-4,81</td><td>мне хотелось постоянно домой,</td><td rowspan="3">04,79-05,12</td><td rowspan="3">Мгм.</td><td colspan="2" rowspan="3">пауза 7,21 с</td></tr>
<tr><td></td><td>пауза 0,27 с</td></tr>
<tr><td>05,08-06,51</td><td>и даже эээ воздух в городе,</td></tr>
<tr><td>06,61-09,72</td><td>мне казался не таким как у нас в деревне.</td><td>09,50-09,91</td><td>Мгм.</td></tr>
<tr><td>09,83-14,29</td><td>Мне вот хотелось именно вот деревенский воздух чтобы был. {laugh}</td><td>13,71-14,82</td><td>Мгм здорово.</td><td>14,65-16,21</td><td>А куда уезжали в какие города?</td></tr>
<tr><td colspan="6">Незаполненная пауза 0,4 с</td></tr>
<tr><td>16,62-18,86</td><td>Я уезжала сначала в Улан-Удэ,</td><td rowspan="2">18,82-19,29</td><td rowspan="2">Мгм.</td><td rowspan="2">18,83-19,29</td><td rowspan="2">Мгм.</td></tr>
<tr><td>19,60-21,08</td><td>совсем ещё молоденькая была.</td></tr>
</table>

пауза 0,8 с		пауза 9,21 с		20,06-21,79	***Молоденькая,*** сразу после школы¿
21,88-22,40	Аг***а.***			пауза 0,66 с	
пауза 0,89 с				22,45-22,72	***А***га.
23,29-25,72	Ну ааа потом немножко пожила,	28,50-28,71	***Мгм.***	пауза 21,06 с	
25,72-27,57	обратно приехала домой ***ээ,,,***				
27,57-28,31	***за***скучала.				
28,98-32,63	Мм ну ааа потом уже где-то,,,	пауза 9,73 с			
34,60-35,91	в каком году я эээ				
36,09-37,01	школу-то закончила,,.				
37,19-38,41	Щас сориентируюсь.				
пауза 0,2 с		38,44-38,81	***Мгм.***		
39,61-39,90	Так,,,				
40,17-41,48	где-то эээ,,,	пауза 18,56 с			
42,59-42,97	Эээ				
43,98-44,79	***В пятьдесят,,,***			43,78-44,84	В пять***десят девятом, пятьдесят во***сьмом¿
45,01 46,05	В пятьдесят эээ			пауза 12,86 с	
пауза 1, 37 с					
47,42-48,32	Не могу сообразить.				
48,32-49,39	в пятьдесят восьмом где-то,,,				
49,39-49,92	Ага.				
50,55-52,23	году закончила школу.				
52,80-55,27	Ну и вот некоторое время ещё поработала,				

55,27-57,31	на телеграфе работала я.			
пауза 0,14 с		57,00-57,45	Мгм.	

Фрагмент интервью, представленный в Таблице № 10, является отрывком из середины интервью, большая часть которого могла бы быть оценена как монолог, если бы не регулярно встречающиеся наложения. Стоит отметить, что речевая партия второго участника почти полностью состоит из ЭДЕ *мгм*, выполняющих только коммуникативную роль и сообщающих первому участнику примерно следующую информацию ‘я вас слушаю, я вас понимаю’. Фиксация данных реплик обязательно должна осуществляться в аннотации, так как именно такие отрезки устного дискурса позволяют утверждать, что, несмотря на очевидное лидерство в данной речевой партии первого участника, второй и третий участники поддерживают **диалог**, порождая коммуникативные и / или информативные ЭДЕ.

Наложения, систематически встречающиеся на разных участках развития дискурса (начало, середина), свидетельствуют о том, что они составляют специфику диалогического дискурса. Наложения разного рода обеспечивают возможность участникам диалога сигнализировать об успешном приеме информации, о недопонимании / непонимании друг друга, тем самым они открывают исследователю информацию о тех когнитивных процессах, которые протекают в сознании участников в ходе общения.

Выводы

Последовательный анализ отрывков устного дискурса демонстрирует необходимость такого способа графического представления дискурса, при котором будут отчетливо видны наложения. Важность отображения в аннотации наложений обусловлена, во-первых, тем, что их учёт позволяет фиксировать смену направления дискурсов одного из участников диалогического взаимодействия и интерпретировать такую смену, во-вторых, выявлять предпочитаемые стратегии коммуникативного поведения каждого участника и способы их координации в рамках дискурса, в-третьих, выявлять такие компоненты ЭДЕ, которые не составляют его ядро, в-четвертых, устанавливать корреляцию между структурой вопросных и ответных ЭДЕ, в-пятых, делать выводы о когнитивных процессах, происходящих в сознании участников

диалога и обусловливающих структуру устного диалогического дискурса.

Литература

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Н. В. Богданова-Бегларян, И. С. Бродт, В. В. Куканова [и др.]; под ред. Н. В. Богдановой-Бегларян. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 421 с.

Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи. URL: http://spokencorpora.ru/ (дата обращения: 10.05.2018).

Рассказы о сновидениях: корпусное исследование русского устного дискурса / под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.

Русский мультиканальный дискурс. URL: http:// multidiscourse. ru/main/ (дата обращения: 10.05.2018).

Резюме

Статья посвящена описанию основных проблем, возникающих при аннотировании устного диалогического дискурса. Работа сделана на материале фрагментов аудиофайлов глубинных интервью, записанных в 2012–2014 гг. в рамках диалектологической экспедиции, представляющих ситуацию знакомства. При анализе данного материала обнаружено большое количество наложений, влияющих на развитие и структуру устного диалогического дискурса. Фиксация и описание функционирования наложений в дискурсе позволяет интерпретировать такие явления диалогической речи, как переспросы, перебивы, возможность завершения фразы другим участником диалога и т.п. Наложения отражают когнитивные процессы в сознании говорящих, проявляющиеся в ходе общения. Благодаря анализу наложений исследователь может установить степень скоординированности диалога на каждом его этапе, зафиксировать коммуникативное поведение говорящих, интерпретировать смену направления дискурсов одного из участников диалогического взаимодействия. Результатом работы является такой вариант аннотирования устного диалогического дискурса, который позволяет фиксировать наложения, а также видеть развитие диалогического дискурса в целом.

Ключевые слова: диалогический дискурс, аннотирование дискурса, наложения

SPOKEN DIALOGIC DISCOURSE: THE PROBLEM OF ANNOTATING

Uljana E. Chekmez
Irkutsk State University

Summary

The article describes the main problems that arise when annotating oral dialogic discourse. The study is based on fragments of the in-depth oral interviews recorded during field research in Barguzin (2009-2013) which represents the situation of acquaintance. The audio files analysis has revealed a large number of overlays that affect the oral dialogue discourse structure and continuation. Recording and description of the overlays discourse functions allows to interpret such dialogic speech phenomena as echo-questions, interruptions, finalization of the phrase by another participant of the dialogue etc. Overlays represent the cognitive processes in speakers' minds manifested in the communication course. Due to the overlays analysis the researcher is able to determine the extent of speakers' cooperation at each stage of dialogue, to describe their communicative behavior, to explain the changes in the discourse direction. The work result is such version of oral dialogue discourse annotation that allows to note overlays, as well as to see the mechanisms of dialogue discourse as a whole.

Keywords: oral dialogic discourse, discourse annotation, overlays

References

Zvukovoj korpus kak material dlya analiza russkoj rechi. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Sound body as a material for the analysis of Russian speech. Part 1. Reading. Retelling. Description]/ Bogdanova-Beglaryan, Brodt, Kukanova, Pavlova, Sapunova, Subbota, Filippova, Han, Chujko i dr.; under ed. Bogdanovoj-Beglaryan N.V. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2012. 421 p.

Rasskazy o snovideniyah i drugie korpusa zvuchashchej rechi [Stories about dreams and other corpora of the sounding speech]: URL: http://spokencorpora.ru/ (date of access: 10.05.2018).

Rasskazy o snovideniyah: korpusnoe issledovanie russkogo ustnogo diskursa [Stories about dreams: case study of Russian oral discourse] / under ed. Kibrika A.A., Podlesskoj V.I. M: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2009. 736 p.

Russkij mul'tikanal'nyj diskurs [Russian multichannel discourse] URL: http://multidiscourse.ru/main/ (date of access: 10.05.2018).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие **3**

Аракелян И. А. (Санкт-Петербург) Лексико-грамматические особенности употребления древнеармянского глагола aṙnel (‘делать’) **4**

Власова Е. А. (Санкт-Петербург) Функциональные особенности перфекта в средненижненемецком (на материале рукописных молитвенников из собрания Российской национальной библиотеки) **20**

Глазунов Е. В., Астафьева И. Ю. (Москва) Гендер автора академического текста **33**

Глазунов Е. В., Зевахина Н. А. (Москва) Деепричастные клаузы, неканонические с точки зрения классической грамматики **48**

Горбунова Д. А. (Санкт-Петербург) *Вот*: одна из прагматем в речи информантов с различным психотипом **56**

Егоров И. М. (Москва) Категория одушевленности (персональности) существительных в ситуации межславянского языкового контакта **69**

Егорова М. А. (Москва) О функциях аориста в нарративе сербской прозы **87**

Каплунова М. Я. (Москва) Эволюция ключевых понятий китайской социолингвистики **103**

Кашкин Е. В. (Москва) О семантике сложных глагольных комплексов в горномарийском языке: конструкции со значением достижения предела **110**

Макеева Н. В. (Москва) Топикализация в языке кла-дан **130**

Мелихова М. А. (Москва) Интонация общих модальных вопросов и ответов в польском языке **145**

Ренковская Е. А. (Москва) Миративная конструкция в языке куллуи **152**

Сапарова Д. А. (Санкт-Петербург) Согласование по числу прилагательных в удмуртском языке **160**

Стойнова Н. М. (Москва) Глагольное отрицание в ульчском языке: полевые данные **181**

Тискин Д. Б. (Санкт-Петербург) Изменение линейно-синтагматического статуса коротких предлогов в русском языке **204**

Турилова М. В. (Калуга) Модель ‘бить, ударять’ → ‘лишать рассудка’ в славянских языках **215**

Хомченкова И. А. (Москва) Способы выражения комитативных значений в горномарийском языке **226**

Чекмез У. Э. (Иркутск) Устный диалогический дискурс: проблемы аннотирования **249**

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА
Сборник научных статей по материалам
Шестой конференции-школы
«Проблемы языка: взгляд молодых ученых»
(12-14 марта 2018 г.)

Сборник издается в авторской редакции
Подготовка спуска полос – издательство «Канцлер»
Подписано в печать 20.02.2019
Формат 64x90/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 500 экз. Заказ № 24357

Отпечатано с предоставленных оригинал-макетов
в типографии ИД «Канцлер»
150008, г. Ярославль, ул. Полушкина роща, д.16 стр.66-а.